ЧЕХОНТЕ

НЕВИННЫЯ РѢЧИ

Ѳ. Б.

НЕВИННЫЯ РѢЧИ

А. ЧЕХОНТЕ

(А. П. Чехова).

Изданіе журнала „СВЕРЧОКЪ“.

МОСКВА.
Типографія бр. Вернеръ, Арбатъ, домъ Каринской.
1887 г.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1849

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

Скорая помощь.

— Ребята, пусти съ дороги, старшина съ писаремъ идетъ!

— Герасиму Алпатычу, съ праздникомъ!—гудитъ толпа навстрѣчу старшинѣ. — Дай Богъ, чтобъ все такое.... Чтобъ, значитъ, Герасимъ Алпатычъ, не вамъ, не намъ, а какъ Богу угодно.

Подгулявшій старшина хочетъ что-то сказать, но не можетъ. Онъ неопредѣленно шевелитъ пальцами, пучитъ глаза и надуваетъ свои красныя, опухшія щеки съ такой силой, какъ-будто беретъ самую высокую ноту на большой трубѣ. Писарь, маленькій, куцый человѣкъ съ краснымъ носикомъ и въ жокейскомъ картузѣ, придаетъ своему лицу энергическое выраженіе и входитъ въ толпу.

— Который тутъ утопъ?—спрашиваетъ онъ.— Гдѣ утоплый человѣкъ?

— Вотъ этотъ самый!

Длинный, тощій старикъ въ синей рубахѣ и лаптяхъ, только-что вытащенный мужиками изъ воды и мокрый съ головы до пятъ, разставивъ руки и разбросавъ въ стороны ноги, сидитъ у берега на лужѣ, лупаетъ глазами и лепечетъ:

— Святители-угодники.... братцы православные.... Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда.... Двухъ сыновъ подѣлилъ, а самъ у Прохора Сергѣева.... въ штукатурахъ. Таперича, это самое, стало-быть, даетъ мнѣ семь рублевъ и говоритъ: ты, говоритъ, Ѳедя, долженъ теперича, говоритъ, почитать меня за мѣсто родителя. Ахъ, волкъ-те заѣшь!

— Ты откеда?—спрашиваетъ писарь.

— За мѣсто, говоритъ, родителя.... Ахъ, волкъ-те заѣшь! Это за семь-то рублевъ?

— Вотъ этакъ лопочетъ и самъ не знаетъ покаковски,—кричитъ сотскій Анисимъ не своимъ голосомъ, мокрый по поясъ и видимо встревоженный происшествіемъ.—Дай я тебѣ объясню, Егоръ Макарычъ! Ребята, постой, не галди! Я желаю все какъ есть Егору Макарычу.... Идетъ онъ, значитъ, изъ Курнева.... Да погоди, ребята, не болтай зря! Идетъ онъ, значитъ, изъ Курнева и понесла его нелегкая бродомъ, а отъ дождя вчерась воды на аршинъ прибыло. Человѣкъ значитъ, выпивши, не въ своемъ умѣ, нѣтъ того

понятія, чтобъ у людей спросить; полѣзъ сдуру въ воду, а его съ ногъ сшибло и начало вертѣть, какъ щепку. Кричитъ благимъ матомъ, а тутъ я съ Ляксандрой.... Видимъ, человѣкъ тонетъ.... Что тутъ дѣлать? Бросай, кричу, Ляксандра, къ шуту гармонію, мужика спасать! Лѣзетъ прямо, какъ есть, а тамъ вертитъ и крутитъ, вертитъ и крутитъ — спаси, Царица Небесная! Попали въ самую вертячую.... Онъ его за рубаху, я за волосья. Тутъ прочій народъ, который увидѣлъ, бѣжитъ на берегъ, крикъ подняли.... каждому спасать душу желается.... Замучились, Егоръ Макарычъ! Ещебъ, кажись, минута, совсѣмъ бы утопъ ради праздника....

— Тебя звать?—спрашиваетъ писарь утопленника.

Тотъ безсмысленно поводитъ глазами и молчитъ.

— Очумѣлъ!—говоритъ Анисимъ.—И какъ не очумѣть? Почитай, полное брюхо воды. Милый человѣкъ, какъ тебя звать? Молчитъ! Какая въ немъ жизнь? Видимость одна, а душа небось наполовину вышла.... Экое горе ради праздника! Что тутъ прикажешь дѣлать? Помретъ чего добраго.... Погляди, какъ рожа-то посинѣла!

— Послушай, ты! — кричитъ писарь, трепля утопленника за плечо. — Ты! Отвѣчай, тебѣ говорю! Молчитъ, словно ему весь мозухъ въ головѣ водой залило. Ты!

— Это за семь-то рублей? — бормочетъ утопленникъ.—Поди ты, говорю, къ псу.... Мы не желаемъ....

— Чего ты не желаешь?

Утопленникъ молчитъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, стучитъ зубами.

— Одно только званіе, что живой,—говоритъ Анисимъ,—а поглядѣть, такъ и на человѣка не похожъ. Капель бы ему какихъ....

— Капель....—передразниваетъ писарь.—Какія тутъ капли? Человѣкъ утопъ, а онъ—капли! Откачивать надо! Что рты поразѣвали? Чѣмъ такъ стоять, давно бы взялись да покачали человѣка, черти! Народъ безчувственный! Чтожъ стоите? Фу, да и народъ же, побей меня Богъ! Бѣгите скорѣй за рогожей, да качайте!

Нѣсколько человѣкъ срывается съ мѣстъ и бѣжитъ къ деревнѣ за рогожей. На писаря находитъ вдохновеніе. Онъ засучиваетъ рукава, потираетъ ладонями бока и дѣлаетъ массу мелкихъ тѣлодвиженій, свидѣтельствующихъ объ избыткѣ энергіи и рѣшимости.

— Не толпитесь, не толпитесь, — бормочетъ онъ.—Которые лишніе, уходите! Поѣхали за урядникомъ? А вы бы уходили, Герасимъ Алпатычъ,— обращается онъ къ старшинѣ. — Вы назюзюкались и въ вашемъ интересномъ положеніи самое лучшее теперь дома сидѣть.

Старшина неопредѣленно шевелитъ пальцами и, желая что-то сказать, такъ надуваетъ лицо, что оно, того и гляди, лопнетъ и съ трескомъ разлетится во всѣ стороны.

— Ну, клади его,—кричитъ писарь, когда приносятъ рогожу.—Берите за руки и за ноги. Вотъ такъ. Теперь кладите.

— Поди ты, говорю, къ псу,—бормочетъ утопленникъ, не сопротивляясь и какъ бы не замѣчая, что его поднимаютъ и кладутъ на рогожу.— Мы не желаемъ.

— Ничего, ничего, другъ,—говоритъ ему писарь,—не пужайся. Мы тебя малость покачаемъ и, Богъ дастъ, придешь въ чувство. Безъ этого нельзя. Качай! Господи благослови!

Восемь дюжихъ мужиковъ, въ томъ числѣ и сотскій Анисимъ, берутся за углы рогожи и начинаютъ откачивать. Сначала они качаютъ нерѣшительно, какъ бы не вѣря въ свои силы, потомъ же, войдя мало-по-малу во вкусъ, придаютъ своимъ лицамъ звѣрское, сосредоточенное выраженіе и начинаютъ качать съ жадностью и съ азартомъ. Они вытягиваются, становятся на цыпочки, подпрыгиваютъ, точно хотятъ вмѣстѣ съ утопленникомъ взлетѣть на небо.

— Рразъ! разъ! разъ! разъ!

Вокругъ нихъ бѣгаетъ куцый писарь и, вытя-

гиваясь изо всѣхъ силъ, чтобы достать руками рогожку, кричитъ не своимъ голосомъ:

— Шибче! Шибче! Всѣ сразу, въ такту! Разъ разъ! Анисимъ, не отставай, чортъ! Разъ!

Во время короткой передышки изъ рогожки показываются всклокоченная голова и блѣдное лицо съ выраженіемъ недоумѣнія, ужаса и физической боли, но тотчасъ же изчезаютъ, потому-что рогожа вновь летитъ вверхъ направо, стремительно опускается внизъ и съ трескомъ взлетаетъ вверхъ налѣво. Толпа зрителей издаетъ одобрительные звуки:

— Такъ его! Потрудился для души! Важно! Этакимъ манеромъ, братцы, и мертвеца на ноги поставишь.

— Молодчина, Егоръ Макарычъ! Потрудись для чужой души,—это правильно!

— А ужъ мы его, братцы, такъ не отпустимъ! Какъ только, значитъ, станетъ на ноги, въ умъ прійдетъ, сейчасъ: ставь ведро за труды!

— Ахъ, въ ротъ-те дышло съ макомъ! Глядика-сь, братцы, шмелевская барыня съ прикащикомъ ѣдетъ. Такъ и есть. Прикащикъ въ шляпѣ. Лошади важныя: тварь, а тоже вѣдь, поди, кость бѣлая, барская.

Около толпы останавливается коляска, въ которой сидитъ полная, пожилая дама, въ pince-nez и съ пестрымъ зонтикомъ; спиной къ ней на коз-

лахъ рядомъ съ кучеромъ сидитъ прикащикъ — молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ. У барыни лицо испугано.

— Что такое?—спрашиваетъ она.—Что это дѣлаютъ?

— Утоплаго человѣка откачиваемъ! Съ праздникомъ, барыня, честь имѣемъ. Извините, маленько выпивши, потому собственно такое дѣло—нынче поперекъ всей деревни съ образами ходили! Праздникъ!

— Боже мой!—ужасается барыня.—Они утопленника откачиваютъ! Что же это такое? Этьенъ!—обращается она къ прикащику, — подите, ради Бога, скажите имъ, чтобы они не смѣли этого дѣлать. Они уморятъ его! Откачивать—это предразсудокъ! Нужно растирать и искусственное дыханіе. Идите, я васъ прошу!

Этьенъ прыгаетъ съ козелъ и направляется къ качающимъ. Видъ у него строгій.

— Что вы дѣлаете?—кричитъ онъ сердито.—Нешто можно человѣка откачивать?

— А то какъ же его?—спрашиваетъ писарь.—Вѣдь онъ утоплый!

— Такъ что жъ, что утоплый? Обмершихъ отъ утонутія надо не откачивать, а растирать. Такъ въ каждомъ календарѣ написано. Будетъ вамъ, бросьте! Брось, говорю, а то велю актъ соста-

вить! Шуты! Нализались, какъ черти, и человѣка качаютъ! Пьяницы!

Писарь конфузливо пожимаетъ плечами и отходитъ въ сторону. Качающіе кладутъ рогожу на землю и удивленно глядятъ то на барыню, то на Этьена. Утопленникъ уже съ закрытыми глазами лежитъ на спинѣ и тяжело дышетъ.

— Пьяница!—повторяетъ Этьенъ.—Еле можаху, черти!

— Милый человѣкъ! — говоритъ Анисимъ, запыхавшись и прижимая руку къ сердцу.—Степанъ Иванычъ! Зачѣмъ такія слова? Пьяница, ежели кто въ лёжку пьетъ, а мы ради праздника.... съ образами ходили. Э, Господи! Нешто мы свиньи, не понимаемъ?

— Не смѣй качать! Растирать нужно! Берите его, растирайте! Раздѣвайте скорѣй!

— Ребята, растирать!

Утопленника раздѣваютъ и подъ руководствомъ Этьена начинаютъ растирать. Барыня, не желающая видѣть голаго мужика, отъѣзжаетъ поодаль.

— Этьенъ! — стонетъ она. — Этьенъ! Подите сюда! Вы знаете, какъ дѣлается искусственное дыханіе? Нужно переворачивать съ боку на бокъ и давить грудь и животъ. Да нѣтъ ли у нихъ въ деревнѣ коньяку? Если нѣтъ, то хоть водки.

— Поварачивайте его съ боку на бокъ!—говоритъ Этьенъ, возвращаясь отъ барыни къ толпѣ.—

Да живот ему давите, только полегче. Бѣги за водкой!

Писарь, которому послѣ кипучей, энергической дѣятельности становится какъ-то не по себѣ, подходитъ къ утопленнику и тоже принимается растирать.

— Ничего изъ этого не выйдетъ,—вздыхаетъ онъ.—Только кожу сдеремъ, а больше ничего. Покачать бы еще немножко, совсѣмъ бы ожилъ!

— Этьенъ! — стонетъ барыня.—Подите сюда! Давайте ему нюхать жженыя перья и щекочите.... Велите щекотать! Скорѣе ради Бога!

Проходитъ пять, десять минутъ.... Барыня глядитъ на толпу и видитъ внутри ея сильное движеніе. Слышно, какъ пыхтятъ работающіе мужики и какъ распоряжаются Этьенъ и писарь. Пахнетъ жжеными перьями и спиртомъ. Проходитъ еще десять минутъ, а работа все еще продолжается. Но вотъ, наконецъ, толпа разступается и изъ нея выходитъ красный и вспотѣвшій Этьенъ. За нимъ идетъ Анисимъ.

— Надо было бы съ самаго начала растирать,—говоритъ Этьенъ.—Теперь ужъ ничего не подѣлаешь.

— Гдѣ жъ тутъ подѣлать, Степанъ Иванычъ!—вздыхаетъ Анисимъ.—Поздно захватили!

— Ну что?—спрашиваетъ барыня.—Живъ?

— Нѣтъ, померъ, царство ему небесное,—взды-

хаетъ Анисимъ, крестясь.—Въ ту пору, какъ изъ воды вытащили, движимость въ немъ была и глаза раскрывши, а таперя окоченѣлъ весь. Крышка!

— Какъ жаль!

— Значитъ, планида ему такая, чтобъ не на сушѣ, а въ водѣ смерть принять. На чаекъ бы съ вашей милости!

Этьенъ вскакиваетъ на козла и кучеръ, оглянувшись на толпу, которая сторонится отъ мертваго тѣла, бьетъ по лошадямъ. Коляска катитъ дальше.

БИТАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ.

Битая знаменитость.

Въ городъ Дебеловъ, въ отдѣльномъ купе перваго класса, прибылъ на гастроли извѣстный чтецъ и комикъ г. Фениксовъ-Дикобразовъ 2-й. Всѣ встрѣчавшіе его на вокзалѣ знали, что билетъ перваго класса былъ купленъ „для форса" на предпослѣдней станціи, а до тѣхъ поръ знаменитость ѣхала въ третьемъ; всѣ видѣли, что не смотря на холодное, осеннее время знаменитость грѣли только лѣтняя крылатка да ветхая котиковая шапочка, но тѣмъ не менѣе, когда изъ вагона показалась сизая, заспанная физіономія Дикобразова 2-го, всѣ почувствовали нѣкоторый трепетъ и жажду познакомиться. Антрепренеръ Почечуевъ по русскому обычаю троекратно облобызалъ пріѣзжаго и повезъ его къ себѣ на квартиру.

Знаменитость должна была начать играть дня черезъ два послѣ пріѣзда, но судьба рѣшила иначе: за день до спектакля въ кассу театра вбѣжалъ блѣдный, взъерошенный антрепренеръ и сообщилъ, что Дикобразовъ 2-й играть не можетъ.

— Не мо-жетъ!—объявилъ Почечуевъ,—хватая себя за волосы.—Какъ вамъ это покажется? Мѣсяцъ... цѣлый мѣсяцъ печатали аршинными буквами, что у насъ будетъ Дикобразовъ, хвастали, ломались, набрали абонементныя деньги и вдругъ этакая подлость! А? Да за это повѣсить мало!

— Но въ чемъ дѣло? Что случилось?

— Запилъ проклятый!

— Экая важность! Проспится!

— Скорѣй издохнетъ, чѣмъ проспится! Я его еще съ Москвы знаю: какъ начнетъ водку лопать, такъ потомъ мѣсяца два безъ просыпа валяется. Запой! Нѣтъ, счастье мое такое! И за что я такой несчастный! И въ кого я, окаянный, такимъ несчастнымъ уродился! За что... за что надъ моей головой всю жизнь виситъ проклятіе неба? (Почечуевъ трагикъ не только по профессіи, но и по натурѣ: сильныя выраженія, сопровождаемыя біеніемъ по груди кулаками, ему очень къ лицу). И какъ я гнусенъ, подлъ и презрѣненъ, рабски подставляя голову подъ удары судьбы! Не достойнѣе ли разъ навсегда покончить съ постыдной ролью Макара, на котораго всѣ шишки

валятся, и пустить себѣ пулю въ лобъ? Чего же жду я? Боже, чего я жду!

Почечуевъ закрылъ ладонями лицо и отвернулся къ окну. Въ кассѣ, кромѣ кассира, присутствовало много актеровъ и театраловъ, а потому дѣло не стало за совѣтами, утѣшеніями и обнадеживаніями; но все это имѣло характеръ философскій или пророческій: дальше „суеты суетъ“, „наплюйте“ и „авось“ никто не пошелъ. Одинъ только кассиръ, толстенькій, водяночный человѣчекъ, отнесся къ дѣлу посущественнѣй.

— А вы, Проклъ Львовичъ, — сказалъ онъ, — попробуйте полѣчить его.

— Запой никакимъ чортомъ не вылѣчишь!

— Не говорите-съ... Нашъ парикмахеръ превосходно отъ запоя лѣчитъ. У него весь городъ лѣчится.

Почечуевъ обрадовался возможности ухватиться хоть за соломинку, и черезъ какія-нибудь пять минутъ передъ нимъ уже стоялъ театральный парикмахеръ Федоръ Гребешковъ. Представьте вы себѣ высокую, костистую фигуру со впалыми глазами, длинной, жидкой бородой и коричневыми руками, прибавьте къ этому поразительное сходство съ мертвецомъ, котораго заставили двигаться на винтахъ и пружинахъ, одѣньте фигуру въ донельзя поношенную, черную пару и у васъ получится образъ Гребешкова.

— Здорово, Ѳедя!—обратился къ нему Почечуевъ.—Я слышалъ, дружокъ, что ты... тово... лѣчишь отъ запоя... Сдѣлай милость, не въ службу, а въ дружбу, полѣчи ты Дикобразова! Вѣдь, знаешь, запилъ!

— Богъ съ нимъ—пробасилъ уныло Гребешковъ.—Актеровъ, которые попроще, купцовъ и чиновниковъ я, дѣйствительно, пользую, а тутъ вѣдь знаменитость, на всю Россію!

— Ну, такъ что жъ?

— Чтобъ запой изъ него выгнать, надо во всѣхъ органахъ и суставахъ тѣла переворотъ произвесть... Я произведу въ немъ переворотъ, а онъ выздоровѣетъ и въ амбицію... „Какъ ты смѣлъ, скажетъ, собака, до моего лица касаться?“ Знаемъ мы этихъ знаменитыхъ!

— Ни-ни... и не отвиливай, братецъ! Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! Надѣвай шапку, пойдемъ!

Когда черезъ четверть часа Гребешковъ входилъ въ комнату Дикобразова; знаменитость лежала у себя на кровати и со злобой глядѣла на висячую лампу. Лампа висѣла спокойно, но Дикобразовъ 2-й не отрывалъ отъ нея глазъ и бормоталъ:

— Ты у меня повертишься! Я тебѣ, анаѳема, покажу, какъ вертѣться! Разбилъ графинъ, и тебя разобью, вотъ увидишь! Ааа... и потолокъ

вертится... Понимаю: заговоръ! Но лампа, лампа! Меньше всѣхъ, подлая; но больше всѣхъ вертится! Постой же...

Комикъ поднялся и, потянувъ за собою простыню, сваливая со столика стаканы и покачиваясь, направился къ лампѣ, но на полпути наткнулся на что-то высокое, костистое...

— Что такое?—заревѣлъ онъ, поводя блуждающими глазами по лицу Гребешкова.—Кто ты? Откуда ты? А?

— А вотъ я тебѣ покажу, кто я... Пошелъ на кровать!

И не дожидаясь, пока комикъ пойдетъ къ кровати, Гребешковъ размахнулся и трахнулъ его кулакомъ по затылку съ такой силой, что тотъ кубаремъ полетѣлъ на постель. Комика вѣроятно раньше никогда не били, потому-что онъ, не смотря на сильную хмѣль, поглядѣлъ на Гребешкова съ удивленіемъ и даже съ любопытствомъ.

— Ты.... ты ударилъ? Но.... постой, ты ударилъ?

— Ударилъ. Нешто еще хочешь?

И парикмахеръ ударилъ Дикобразова еще разъ по зубамъ. Не знаю, что тутъ подѣйствовало, сильные ли удары, или новизна ощущенія, но только глаза комика перестали блуждать и въ нихъ замелькало что-то разумное. Онъ вскочилъ и не столько со злобой, сколько съ любопыт-

ствомъ сталъ разсматривать блѣдное лицо и грязный сюртукъ Гребешкова.

— Ты.... ты дерешься?—забормоталъ онъ. — Ты.... ты смѣешь?

— Молчать!!

И опять ударъ по лицу. Ошалѣвшій комикъ по инстинкту сталъ было защищаться, но одна рука Гребешкова сдавила ему грудь, другая заходила по физіономіи.

— Легче! Легче!—послышался изъ другой комнаты голосъ Почечуева.—Легче, Ѳеденька!

— Ничего-съ, Проклъ Львовичъ! Сами же потомъ благодарить станутъ!

— Все-таки ты полегче!—проговорилъ плачущимъ голосомъ Почечуевъ, заглядывая въ комнату комика.—Тебѣ-то ничего, а меня морозъ по кожѣ деретъ. Ты подумай: среди бѣла дня бьютъ человѣка правоспособнаго, интеллигентнаго, извѣстнаго, да еще на собственной квартирѣ.... Ахъ!

— Я, Проклъ Львовичъ, бью не ихъ, а бѣса, что въ нихъ сидитъ. Уходите, сдѣлайте милость, и не безпокойтесь. Лежи, дьяволъ! — набросился Ѳедоръ на комика.—Не двигайся! Что-о-о?

Дикобразовымъ овладѣлъ ужасъ. Ему стало казаться, что все то, что раньше кружилось и было имъ разбиваемо, теперь сговорилось и единодушно полетѣло на его голову.

— Караулъ!—закричалъ онъ.—Спасите! Караулъ!

— Кричи, кричи, лѣшій! Это еще цвѣтки, а вотъ погоди, ягодки будутъ! Теперь слушай: ежели ты скажешь еще хоть одно слово или пошевельнешься, убью! Убью и не пожалѣю! Заступиться, братъ, некому! Не придетъ никто, хоть изъ пушки пали. А ежели смиришься и замолчишь, водочки дамъ. Вотъ она, водка-то!

Гребешковъ вытащилъ изъ кармана полуштофъ водки и блеснулъ имъ передъ глазами комика. Пьяный при видѣ предмета своей страсти забылъ про побои и даже заржалъ отъ удовольствія. Гребешковъ вынулъ изъ жилетнаго кармана кусочекъ грязнаго мыла и сунулъ его въ полуштофъ. Когда водка вспѣнилась и замутилась, онъ принялся всыпать въ нее всякую дрянь. Въ полуштофъ одинъ за другимъ посыпались селитра, нашатырь, квасцы, сѣра, канифоль и другія „специи", продаваемыя въ бакалейныхъ лавочкахъ. Комикъ пялилъ глаза на Гребешкова и страстно слѣдилъ за движеніями полуштофа. Въ заключеніе парикмахеръ сжегъ кусокъ тряпки, всыпалъ пепелъ въ водку, поболталъ и подошелъ къ кровати.

— Пей!—сказалъ онъ, наливая полъ-чайнаго стакана.—Разомъ!

Комикъ съ наслажденіемъ выпилъ, крякнулъ, но тотчасъ же вытаращилъ глаза. Лицо его вдругъ поблѣднѣло, на лбу выступилъ потъ.

— Еще пей!—предложилъ Гребешковъ.

— Не.... не хочу! По.... постой....

— Пей, чтобъ тебя!... Пей! Убью!

Дикобразовъ выпилъ и, застонавъ, повалился на подушку. Черезъ минуту онъ приподнялся и Ѳедоръ могъ убѣдиться, что его специя дѣйствуетъ.

— Пей еще! Пущай у тебя всѣ внутренности выворотитъ, это хорошо. Пей!

И для комика наступило время мученій. Внутренности его буквально переворачивало. Онъ вскакивалъ, метался на постели и съ ужасомъ слѣдилъ за медленными движеніями своего безпощаднаго и неугомоннаго врага, который не отставалъ отъ него ни на минуту и неутомимо колотилъ его, когда онъ отказывался отъ специи. Побои смѣнялись специей, специя побоями. Никогда въ другое время бѣдное тѣло Фениксова-Дикобразова 2-го не переживало такихъ оскорбленій и униженій, и никогда знаменитость не была такъ слаба и беззащитна, какъ теперь. Сначала комикъ кричалъ и бранился, потомъ сталъ умолять, наконецъ, убѣдившись, что протесты и мольбы одинаково ведутъ къ побоямъ, онъ сталъ плакать. Почечуевъ, стоявшій за дверью и подслушивавшій, въ концѣ-концовъ не выдержалъ и вбѣжалъ въ комнату комика.

— А, ну тебя къ чорту!—сказалъ онъ, махая руками.—Пусть лучше пропадаютъ абонементные

деньги, пусть онъ водку пьетъ, только не мучь ты его, сдѣлай милость! Околѣетъ вѣдь, ну тебя къ чорту! Погляди: совсѣмъ вѣдь околѣлъ! Зналъ бы, ей Богу не связывался.....

— Ничего-съ.... Сами еще благодарить будутъ, увидите-съ.... Ну, ты что еще тамъ?—повернулся онъ къ комику.—Влетитъ!

До самаго вечера провозился Гребешковъ съ комикомъ. И самъ умаялся, и его заѣздилъ. Кончилось тѣмъ, что комикъ страшно ослабѣлъ, потерялъ способность даже стонать и окаменѣлъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.... За окаменѣніемъ наступило что-то похожее на сонъ.

На другой день комикъ, къ великому удивленію Почечуева, проснулся,—стало-быть не умеръ. Проснувшись, онъ тупо оглядѣлся, обвелъ комнату блуждающимъ взоромъ и сталъ припоминать.

— Отчего это у меня все болитъ?—недоумѣвалъ онъ.—Точно по мнѣ поѣздъ прошелъ. Нешто водки выпить? Эй, кто тамъ? Водки!

Въ это время за дверью стояли Почечуевъ и Гребешковъ.

— Водки, проситъ, стало-быть не выздоровѣлъ! —ужаснулся Печечуевъ.

— Что вы, батюшка, Проклъ Львовичъ!—удивился парикмахеръ.—Да нешто въ одинъ день вылѣчишь? Дай Богъ, чтобы въ недѣлю поправился, а не то что въ день. Иного слабенькаго

и въ пять дней вылѣчишь, а это вѣдь по комплекціи тотъ же купецъ. Не скоро его проймешь....

— Что же ты мнѣ раньше не сказалъ этого, анаѳема?—застоналъ Печечуевъ.—И въ кого я несчастнымъ такимъ уродился! И чего я, окаянный, жду еще отъ судьбы? Не разумнѣе ли кончать разомъ, всадить себѣ пулю въ лобъ? и т. д.

Какъ ни мрачно глядѣлъ на свою судьбу Почечуевъ, однако черезъ недѣлю Дикообразовъ 2-й уже игралъ, и абонементныхъ денегъ не пришлось возвращать. Гримировалъ комика Гребешковъ, причемъ такъ почтительно касался къ его головѣ, что вы не узнали бы въ немъ прежняго заушателя.

— Живучъ человѣкъ!—удивился Печечуевъ.— Я чуть не померъ, на его муки глядючи, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, даже еще благодаритъ этого чорта Ѳедьку, въ Москву съ собой хочетъ взять! Чудеса, да и только!

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СУ-
ДОМЪ.

Ночь передъ судомъ.

(РАЗСКАЗЪ ПОДСУДИМАГО).

— Быть, баринъ, бѣдѣ!—сказалъ ямщикъ, оборачиваясь ко мнѣ и указывая кнутомъ на зайца, перебѣгавшаго намъ дорогу.

Я и безъ зайца зналъ, что будущее мое плевое. Ѣхалъ я въ С—ій окружный судъ, гдѣ долженъ былъ сѣсть на скамью подсудимыхъ за двоеженство.

Погода была ужасная. Когда я къ ночи пріѣхалъ на почтовую станцію, то имѣлъ видъ человѣка, котораго облѣпили снѣгомъ, облили водой и сильно высѣкли—до того я озябъ, промокъ и оболдѣлъ отъ однообразной дорожной тряски. На станціи встрѣтилъ меня станціонный смотритель, высокій человѣкъ въ кальсонахъ съ синими полосками, лысый, заспанный и съ усами, которые казалось росли изъ ноздрей и мѣшали ему

нюхать. А понюхать было что.... Когда смотритель, бормоча, сопя и почесывая за воротникомъ, отворилъ дверь въ станціонные „покои“ и молча указалъ мнѣ локтемъ на мѣсто моего успокоенія, меня обдало густымъ запахомъ кислятины, сургуча и раздавленнаго клопа. Жестяная лампочка, стоявшая на столѣ и освѣщавшая деревянныя, некрашенныя стѣны, коптила, какъ лучина.

— Да и вонь же у васъ, синьеръ!—сказалъ я, входя и кладя чемоданъ на столъ.

Смотритель понюхалъ воздухъ и недовѣрчиво покачалъ головой.

— Пахнетъ, какъ обыновенно,—почесался онъ. —Это вамъ съ морозу. Ямщики при лошадяхъ дрыхнутъ, а господа не пахнутъ....

Я услалъ смотрителя и сталъ обозрѣвать свое временное жилище. Диванъ, на которомъ мнѣ предстояло возлечь, былъ широкъ, какъ двухспальная кровать, обитъ клеенкой и былъ холоденъ, какъ ледъ. Кромѣ дивана, въ комнатѣ были еще большая чугунная печь, столъ съ упомянутой лампочкой, чьи-то валенки, чей-то ручной саквояжъ и ширма, загораживавшая уголъ. За ширмой кто-то тихо спалъ. Осмотрѣвшись, я постлалъ себѣ на диванѣ постель и сталъ раздѣваться. Носъ мой скоро привыкъ къ вони. Снявши сюртукъ, брюки и сапоги, безконечно потягиваясь, улыбаясь, ёжась, я запрыгалъ вокругъ чугунной

печки, высоко поднимая свои босыя ноги.... Эти антраша меня еще болѣе согрѣли.... Оставалось послѣ этого растянуться на диванѣ и уснуть, но тутъ случился маленькій казусъ. Мой взглядъ нечаянно упалъ на ширмы и.... представьте мой ужасъ! изъ-за ширмы глядѣла на меня женская головка съ распущенными волосами, черными глазками и оскаленными зубками. Черныя брови ея двигались, на щекахъ играли хорошенькія ямочки—стало-быть она смѣялась. Я сконфузился. Головка, замѣтивъ, что я ее увидѣлъ, тоже сконфузилась и спряталась. Словно виноватый, потупя взоръ, я смирнехонько направился къ дивану, легъ и укрылся шубой.

— Какая оказія!—подумалъ я.—Значитъ, она видѣла, какъ я прыгалъ! Нехорошо....

И припоминая черты хорошенькаго личика, я невольно размечтался.... Картина одна другой краше и соблазнительнѣе затѣснились въ моемъ воображеніи и.... и, словно въ наказаніе за грѣшныя мысли, я вдругъ почувствовалъ на своей правой щекѣ сильную, жгучую боль.... Я схватился за щеку, ничего не поймалъ, но догадался въ чемъ дѣло: запахло раздавленнымъ клопомъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—услышалъ я въ то же время женскій голосокъ.—Проклятые клопы, вѣроятно хотятъ съѣсть меня!

Гм.... Я вспомнилъ о своей хорошей привычкѣ всегда брать съ собою въ дорогу персидскій порошка. И на сей разъ я не измѣнилъ этой привычкѣ. Жестянка съ порошкомъ была вытащена изъ чемодана въ какую-нибудь секунду. Оставалось теперь предложить хорошенькой головкѣ средство отъ „энциклопедіи" и—знакомство готово.... Но какъ предложить?

— Это ужасно!

— Сударыня, — сказалъ я возможно сладенькимъ голосомъ.—Насколько я понялъ ваше послѣднее восклицаніе, васъ кусаютъ клопы. У меня есть персидскій порошокъ..... Если угодно, то...

— Ахъ, пожалуйста!

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ.... надѣну только шубу,—обрадовался я,—и принесу....

— Нѣтъ, нѣтъ.... Вы черезъ ширму подайте, а сюда не ходите!

— Я и самъ знаю, что черезъ ширму.... Не пугайтесь: не баши-бузукъ какой-нибудь....

— А кто васъ знаетъ! Народъ вы пріѣзжій....

— Гм.... А хоть бы и за ширму.... Тутъ ничего нѣтъ особеннаго.... тѣмъ болѣе, что я докторъ,—совралъ я,—а доктора, частные пристава и дамскіе парикмахеры имѣютъ право вторгаться въ частную жизнь.

— Вы не врете, что вы докторъ? Серьезно?

— Честное слово.... Такъ позволите принести вамъ порошокъ?

— Ну, если вы докторъ.... пожалуй.... Только зачѣмъ вамъ трудиться? Я могу мужа выслать къ вамъ.... Өедя!—понизила брюнетка голосъ на цѣлую октаву.—Өедя! Да проснись же, тюлень! Встань и поди за ширму.... Докторъ такъ любезенъ, что предлагаетъ намъ персидскаго порошку....

Присутствіе за ширмой „Өеди" было для меня ошеломляющей новостью.... Меня словно обухомъ ударило.... Душу мою наполнило чувство, которое, по всей вѣроятности, испытываетъ ружейный курокъ, когда дѣлаетъ осѣчку: и совѣстно, и досадно, и жалко.... На душѣ у меня стало такъ скверно и такимъ мерзавцемъ показался мнѣ этотъ Өедя, когда вышелъ изъ-за ширмы, что я едва не закричалъ караулъ. Өедя изображалъ изъ себя высокаго, жилистаго человѣка лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми бачками, стиснутыми чиновничьими губами и съ синими жилками, безпорядочно бѣгавшими по его носу и вискамъ. Онъ былъ въ халатѣ и туфляхъ.

— Вы очень любезны, докторъ.... — сказалъ онъ, принимая отъ меня персидскій порошокъ и поворачивая къ себѣ за ширмы.—Merci.... И васъ застала пурга?

— Да! — проворчалъ я, ложась на диванъ и остервенѣло натягивая на себя шубу.—Да!!

— Тэкъ-съ.... Зиночка, по твоему носику клопикъ бѣжитъ! Позволь мнѣ снять его!

— Можешь, — засмѣялась Зиночка. — Не поймалъ! — Генералъ, а съ клопомъ справиться не можешь!

— Зиночка, при постороннемъ человѣкѣ.... (вздохъ). Вѣчно ты.... ей-Богу....

— Свиньи, спать не даютъ! — проворчалъ я, сердясь, самъ не зная чего.

Но скоро супруги утихли. Я закрылъ глаза и сталъ заставлять себя уснуть. Но прошло полчаса, часъ.... и я не спалъ. Въ концѣ-концовъ и сосѣди мои заворочались и стали шопотомъ браниться.

— Удивительно, даже персидскій порошокъ ничего не беретъ! — проворчалъ Ѳедя. — Такъ ихъ много, этихъ клоповъ! Докторъ! Зиночка проситъ меня спросить васъ: отчего эти клопы такъ мерзко пахнутъ?

Мы разговорились. Поговорили о клопахъ, погодѣ, русской зимѣ, о медицинѣ, въ которой я столько же смыслю, сколько Ѳедя и Зиночка въ охотѣ на жирафа, объ Эдисонѣ....

— Ты, Зиночка, не стѣсняйся.... Вѣдь онъ докторъ! — услышалъ я шопотъ послѣ разговора объ Эдисонѣ. — Не церемонься и спроси.... Бояться нечего.... Шервецовъ не помогъ, а этотъ, можетъ-быть, и поможетъ....

— Спроси самъ!—прошептала Зиночка.

— Докторъ,—обратился ко мнѣ Ѳедя,—отчего это у моей жены въ груди тѣсненіе бываетъ? Кашель, знаете ли.... тѣснитъ, точно, знаете ли, запеклось что-то....

— Это длинный разговоръ.... Сразу нельзя сказать....—постарался я увернуться.

— Ну, такъ что жъ, что длинный? Время есть.... все одно, не спимъ.... Посмотрите ее, голубчикъ! Надо вамъ замѣтить, что ее лѣчитъ Шервецовъ.... Человѣкъ-то онъ хорошій, но.... кто его знаетъ? Не вѣрю я ему! Вижу, вамъ не хочется, но будьте такъ добры! Вы ее посмотрите, а я тѣмъ временемъ пойду къ смотрителю и прикажу самоварчикъ поставить....

Ѳедя зашаркалъ туфлями и вышелъ. Я пошелъ за ширму. Зиночка сидѣла на широкомъ диванѣ, окруженная множествомъ подушекъ, и поддерживала свой кружевной воротничокъ.

— Покажите языкъ! —началъ я, садясь около нея и хмуря брови.

Она показала языкъ и засмѣялась. Языкъ былъ обыкновенный, красный.... Я сталъ щупать пульсъ.

— Гм....—промычалъ я, не найдя пульса.

Не помню, какіе еще вопросы мололъ я, глядя на ея смѣющееся личико, помню только, что подъ конецъ моей діагностики я былъ такимъ дуракомъ

и идіотомъ, что мнѣ было рѣшительно не до вопросовъ....

Наконецъ я сидѣлъ въ компаніи Ѳеди и Зиночки за самоваромъ и выжималъ изъ своихъ мозговъ рецептъ. Сочинилъ я его по всѣмъ правиламъ врачебной науки:

Rp: Sic transit 0,05
Gloria mundi 1,00
Aquae destillatae 0,1
Черезъ 2 часа по столовой ложкѣ
Г-жѣ Съѣловой
Д-ръ Зайцевъ.

Утромъ, когда я, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, съ чемоданомъ въ рукѣ, прощался навѣки съ моими новыми знакомыми, Ѳедя держалъ меня за пуговицу и, подавая десятирублевку, убѣждалъ:

— Нѣтъ, вы обязаны взять! Я привыкъ платить за всякій честный трудъ! Вы учились, работали! Ваши знанія достались вамъ потомъ и кровью!! Я понимаю это!

Нечего было дѣлать, пришлось взять десятирублевку.

Такъ въ общихъ чертахъ провелъ я ночь передъ днемъ суда. Не стану описывать тѣ ощущенія, которыя я испыталъ, когда передо мною отворилась дверь и судебный приставъ ука-

залъ мнѣ на скамью подсудимыхъ. Скажу только, что я поблѣднѣлъ и сконфузился, когда, оглянувшись назадъ, увидѣлъ тысячи смотрящихъ на меня глазъ, и прочелъ себѣ отходную, когда взглянулъ на серьезныя, торжественно-важныя физіономіи присяжныхъ.... Но я не могу описать, а вы представите себѣ моего ужаса, когда я, поднявъ глаза на столъ, покрытый краснымъ сукномъ, увидѣлъ на прокурорскомъ мѣстѣ.... Ѳедю!! Онъ сидѣлъ и что-то писалъ. Глядя на него, я вспомнилъ клоповъ, Зиночку, свою діагностику, и не морозъ, а цѣлый Сѣверный полюсъ пробѣжалъ по моей спинѣ.... Покончивъ съ писаньемъ, онъ поднялъ на меня глаза. Сначала онъ меня не узналъ, но потомъ зрачки его расширились, нижняя челюсть слабо отвисла.... рука задрожала. Онъ медленно поднялся и вперилъ въ меня свой оловянный взглядъ. Я тоже поднялся, самъ не знаю для чего, и впился въ него глазами....

— Подсудимый, назовите суду ваше имя и проч.,—началъ предсѣдатель.

Прокуроръ сѣлъ и выпилъ стаканъ воды. Холодный потъ выступилъ на его лбу.

— Ну, быть банѣ!—подумалъ я.—Шабашъ теперь! Крышка!

По всѣмъ признакамъ, прокуроръ рѣшилъ упечь меня. Все время онъ раздражался, копался въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, капризничалъ, брюзжалъ....

Но, однако, пора кончить. Пишу этотъ разсказъ въ зданіи суда во время обѣденнаго перерыва.... Сейчасъ будетъ рѣчь прокурора. Что-то будетъ?

ДОРОГАЯ СОБАКА.

Дорогая собака.

Поручикъ Дубоносовъ, пожилой армейскій служака, и вольноопредѣляющійся Кнапсъ сидѣли и выпивали.

— Великолѣпный песъ!—говорилъ Дубоносовъ, показывая Кнапсу свою собаку Милку.—Замѣчательная собака! Вы обратите вниманіе на морду! Морда одна чего стоитъ! Ежели на любителя наскочитъ, такъ за одну морду двѣсти рублей дастъ! Не вѣрите? Въ такомъ случаѣ вы ничего не понимаете....

— Я понимаю, но....

— Вѣдь сетеръ, чистокровный англійскій сетеръ! Стойка поразительная, а чутье.... нюхъ! Не даромъ я за него, когда еще щенкомъ былъ, сто рублей далъ. Дивная собака! Ше-ельма Милка!

Ду-ура Милка! Поди сюда, поди сюда.... собачечка, песикъ мой....

Дубоносовъ привлекъ къ себѣ Милку и поцѣловалъ ее между ушей. На глазахъ его выступили слезы.

— Никому тебя не отдамъ.... красавица моя..., разбойникъ этакій. Вѣдь ты любишь меня, Милка? Любишь?.... Дусецка.... сельмоцка.... ладость моя.... Ну, пошла вонъ!—крикнулъ вдругъ поручикъ.—Грязными лапами прямо на мундиръ лѣзешь. Да, Кнапсъ, полтораста рублей далъ, за щенка! Стало-быть, было за что! Одно только жаль: охотиться мнѣ некогда! Гибнетъ безъ дѣла собака, талантъ свой зарываетъ.... Потому-то и продаю я ее. Купите, Кнапсъ! Ей-Богу, купите! Всю жизнь будете благодарны! Ну, если у васъ денегъ мало, то чортъ съ вами, извольте, я уступаю вамъ половину.... берите за пятьдесятъ! Грабьте!

— Нѣтъ, голубчикъ,—вздохнулъ Кнапсъ. — Будь ваша Милка мужскаго пола, то, можетъ-быть, я и купилъ бы, а то....

— Милка не мужескаго пола? — вытаращилъ глаза поручикъ.—Кнапсъ, что съ вами? Милка не мужескаго.... пола?! Ха-ха! Такъ что же она по-вашему? Сука? Ха-ха.... Хорошъ мальчикъ! Онъ еще не умѣетъ отличать кобеля отъ суки!

— Вы мнѣ говорите, словно я слѣпъ, или ребенокъ....—обидѣлся Кнапсъ.—Конечно сука!

— Пожалуй вы еще скажете, что я дама! Ахъ, Кнапсъ, Кнапсъ! А еще тоже въ техническомъ кончили! Нѣтъ, душа моя, это настоящій, чистокровный кобель! Мало того, любому кобелю десять очковъ впередъ дастъ, а вы.... не мужескаго пола! Ха-ха....

— Простите, Михаилъ Ивановичъ, но вы.... просто за дурака меня считаете.... Обидно даже....

— Ну, не нужно, чортъ съ вами.... Не покупайте.... Вамъ не втолкуешь! Вы скоро скажете, что у нея это не хвостъ, а нога.... Не нужно!... Вамъ же хотѣлъ одолженіе сдѣлать.... Вахрамѣевъ, коньяку!

Деньщикъ подалъ полбутылку коньяку. Пріятели налили себѣ по стакану и задумались. Прошло полчаса въ молчаніи.

— А хоть бы и женскаго пола, — прервалъ молчаніе поручикъ, угрюмо глядя на бутылку. — Удивительное дѣло! Для васъ же лучше. Принесетъ вамъ щенятъ, а что ни щенокъ, то и четвертная.... Всякій у васъ охотно купитъ.... Не знаю, почему это вамъ такъ нравятся кобели! Суки въ тысячу разъ лучше.... Женскій полъ и признательнѣе, и привязчивѣе... Ну, ужъ если вы такъ боитесь женскаго пола, то извольте, берите за двадцать....

— Нѣтъ, голубчикъ!... Ни копѣйки не дамъ...

Во-первыхъ, собака мнѣ не нужна, а во-вторыхъ, денегъ нѣтъ....

— Такъ бы и сказали раньше.... Милка, пошла отсюда!

Деньщикъ подалъ яичницу. Принялись за нее и, молча, очистили сковороду.

— Хорошій вы малый, Кнапсъ, честный, — сказалъ поручикъ, вытирая губы.—Жалко мнѣ васъ такъ отпустить, чортъ побери... Знаете, что? Берите собаку даромъ!

— Куда же я ее, голубчикъ, возьму?—вздохнулъ Кнапсъ.—И кто у меня съ ней возиться будетъ?

— Ну, не нужно, не нужно.... чортъ съ вами! Не хотите и не нужно.... Куда же вы? Сидите!

Кнапсъ поднялся, потянулся и взялся за шапку.

— Пора.... Прощайте!—зѣвнулъ онъ.

— Такъ постойте же, я васъ провожу.

Дубоносовъ и Кнапсъ одѣлись и вышли на улицу. Первые сто шаговъ прошли молча.

— Вы не знаете, кому бы это отдать собаку?—началъ поручикъ.—Нѣтъ ли у васъ такихъ знакомыхъ? Собака, вы видѣли, хорошая, породистая, но.... мнѣ рѣшительно не нужна!

— Не знаю, милый.... Какіе же у меня тутъ знакомые?

До самой квартиры Кнапса, пріятели не сказали больше ни одного слова. Только когда Кнапсъ

пожалъ поручику руку и отворилъ свою калитку, Дубоносовъ почесался и какъ-то нерѣшительно выговорилъ:

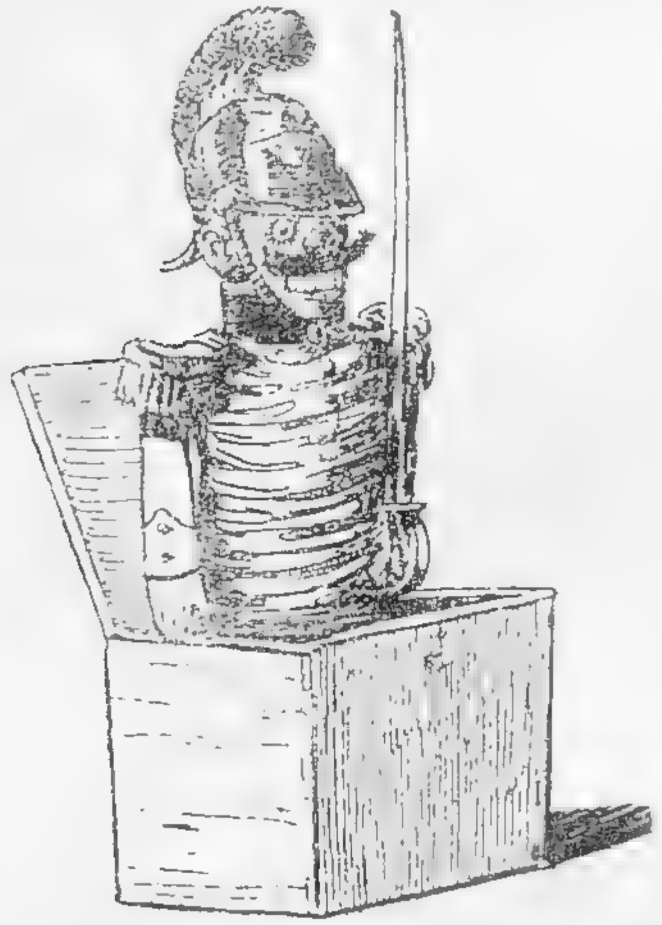
— Вы не знаете, здѣшніе живодеры собакъ принимаютъ или нѣтъ?

— Вѣроятно принимаютъ....

— Пошлю завтра съ Вахрамѣевымъ.... Чортъ съ ней, пусть съ нея кожу сдерутъ.... Мало того, что нечистоту въ комнатахъ, подлая, завела, но еще и въ кухнѣ шкодитъ.... Добро бы, порода хорошая, а то чортъ знаетъ что! спокойной ночи!

— Прощайте!—сказалъ Кнапсъ.

Калитка хлопнула и поручикъ остался одинъ.



ЖИТЕЙСКІЯ НЕ-
ВЗГОДЫ.

Житейскія невзгоды.

Левъ Ивановичъ Поповъ, человѣкъ нервный, несчастный въ службѣ и въ семейной жизни, потянулъ къ себѣ счеты и сталъ считать снова. Мѣсяцъ тому назадъ онъ пріобрѣлъ въ банкирской конторѣ Зингера выигрышный билетъ I займа на условіяхъ погашенія ссуды частями въ видѣ ежемѣсячныхъ взносовъ, и теперь высчитывалъ, сколько ему придется заплатить за все время погашенія и въ какомъ столѣтіи билетъ станетъ его полною собственностью.

— Билетъ стоитъ по курсу 246 рублей, считалъ онъ.—Далъ я задатку 10 рублей, значитъ осталось 236. Хорошо-съ.... Къ этой суммѣ нужно прибавить проценты за 1 мѣсяцъ въ размѣрѣ 7% годовыхъ и 1/4% коммиссіонныхъ, гербовый

сборъ, почтовые расходы за пересылку залоговой квитанціи 21 коп., страховая премія за 1 тиражъ 55 коп., за битву при Ватерлоо 1 р. 22 коп., за здравіе 74 коп., за упокой 18 коп.

За перегородкой на кровати лежала жена Попова, Софья Саввишна, пріѣхавшая къ мужу изъ Мценска просить отдѣльнаго вида на жительство. Въ дорогѣ она простудилась, схватила флюсъ и теперь невыносимо страдала. Наверху за потолкомъ какой-то энергичный мужчина, вѣроятно ученикъ консерваторіи, разучивалъ на рояли рапсодію Листа съ такимъ усердіемъ, что, казалось, по крышѣ дома ѣхалъ товарный поѣздъ. Направо, въ сосѣднемъ номерѣ студентъ медикъ готовился къ экзамену. Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ и зубрилъ густымъ басомъ:

— Хрроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ, вообще у людей, ведущихъ неумѣренный образъ жизни...

Въ номерѣ стоялъ удушливый запахъ гвоздики, креозота, іода, карболки и другихъ вонючихъ веществъ, которыя Софья Саввишна употребляла противъ своей зубной боли.

— Хорошо-съ, —продолжалъ считать Поповъ.— Къ 236 прибавить 14 руб. 81 коп., итого къ этому мѣсяцу останется 250 р. 81 коп. Теперь, если я въ мартѣ уплачу 5 руб., то, значитъ, останется 240 руб. 81 коп. Хорошо-съ.... Теперь,

считая за 1 мѣсяцъ впередъ 7% годовыхъ и$^1/_4$% коммиссіонныхъ....

— А-ахъ! — застонала жена. — Да помоги же мнѣ, Левъ Иванычъ! Умира-аю!

— Что же я, матушка, сдѣлаю? — Я не докторъ.... $^1/_4$% коммиссіонныхъ, $^1/_5$% въ пользу Пиквикскаго клуба, за битву при Ватерлоо 1 р. 22 коп., за здравіе 74 к.

— Безчувственный!—заплакала Софья Саввишна, высовывая свою опухшую физіономію изъ-за ширмы.—Ты никогда мнѣ не сочувствовалъ, мучитель! Слушай, когда я тебѣ говорю! Невѣжа!

— Стало-быть, $^1/_4$% коммиссіонныхъ.... за здравіе 74 коп., за упокой 18 коп., въ пользу Алжирскаго бея 32 к.—итого 17 р. 12 к.

— Хрроническій катарръ желудка, зубрилъ студентъ, шагая изъ угла въ уголъ, — наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ....

Поповъ встряхнулъ счеты, мотнулъ угорѣвшей головой и сталъ считать снова. Черезъ часъ онъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, таращилъ глаза въ залоговую квитанцію и бормоталъ:

— Значитъ, въ августѣ 1896 года останется 228 руб. 67 коп. Хорошо-съ.... Въ сентябрѣ я взношу 5 руб., останется 223 р. 67 коп. Ну-съ, прибавляя за 1 мѣсяцъ впередъ 7% годовыхъ, $^1/_4$% коммиссіонныхъ....

— Варваръ, подай нашатырный спиртъ!—взвизгнула Софья Саввишна.—Тиранъ! Убійца!

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается также при стррраданіяхъ печени....

Поповъ подалъ женѣ спиртъ и продолжалъ:

— $^1/_4$ % коммиссіонныхъ, за здравіе 74 коп., за упокой 18 коп., въ пользу Алжирскаго бея 32 коп.

Наверху музыка было утихла, но черезъ минуту будущій маэстро заигралъ снова и съ такимъ ожесточеніемъ, что въ матрасѣ подъ Софьей Саввишной задвигалась пружина. Поповъ ошалѣло поглядѣлъ на потолокъ и началъ считать опять съ августа 1896 года. Онъ глядѣлъ на бумаги съ цифрами, на счеты, и видѣлъ что-то въ родѣ морской зыби; въ глазахъ его рябило, мозги путались, во рту пересохло и на лбу отъ оболдѣнія выступилъ холодный потъ, но онъ рѣшилъ не вставать, пока не урегулируетъ своихъ денежныхъ отношеній къ банкирской конторѣ Зингера.

— А-ахъ! — мучилась Софья Саввишна.—Всю правую сторону рветъ. Владычица! О-охъ, моченьки моей нѣту! — А ему, аспиду, хоть трава не расти! Хоть умри я, ему все равно!—Несчастная я страдалица! Вышла за идола, мученица!

— Но что же я могу сдѣлать? — Значитъ въ февралѣ 1903 года я буду долженъ 208 р. 7 к. Хорошо-съ.... Теперь, прибавляя 7% годовыхъ, $^1/_4$ % коммиссіонныхъ, за здравіе 74 коп....

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ....

— Не мужъ ты, не отецъ своихъ дѣтей, а тиранъ и мучитель! О-охъ, какъ въ ухо стрѣльнуло? Подай скорѣй хоть гвоздичку, безчувственный!

— Тьфу! $^1/_4{}^0/_0$ коммиссіонныхъ.... то-есть, что-же я? За вычетомъ прибыли отъ купоновъ, съ прибавленіемъ $7^0/_0$ годовыхъ въ мѣсяцъ впередъ, $^1/_4{}^0/_0$ коммиссіонныхъ, $^1/_3{}^0/_0$ за прорытіе Панамскаго перешейка....

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ....

Часа три спустя, окончательно ошалѣвшій Поповъ подвелъ послѣдній итогъ. Оказалось, что за все время погашенія придется заплатить банкирской конторѣ Зингера 1347821 р. 92 к., и что выигрышный билетъ станетъ его полною собственностью въ 2383 году, 17-го іюля. Увидѣвъ такія цифры, Левъ Ивановичъ медленно поднялся, похолодѣлъ.... На лицѣ его выступило выраженіе ужаса, недоумѣнія и такой оторопи, какъ будто бы кто-то его обухомъ по головѣ ударилъ.... Въ это время наверху за потолкомъ къ піанисту подсѣлъ товарищъ и четыре руки, дружно ударивъ по клавишамъ, стали нажаривать рапсодію Листа. Студентъ-медикъ быстрѣе зашагалъ, прокашлялся и загудѣлъ:

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ....

Софья Саввишна взвизгнула, швырнула подушку, застучала ногами.... Боль ея, повидимому, только-что еще начинала разыгрываться....

Поповъ быстро оглядѣлъ столъ, какъ бы ища револьвера, торопливо пошарилъ въ ящикахъ, на комодѣ, и, ничего не найдя, перекрестился, разбѣжался и изо всей силы трахнулся лбомъ о стѣну....

Черезъ минуту ужъ онъ былъ мертвъ.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

Страшная ночь

Иванъ Петровичъ Панихидинъ поблѣднѣлъ, притушилъ лампу и началъ взволнованнымъ голосомъ:

„Темная, безпросвѣтная мгла висѣла надъ землей, когда я въ ночь подъ Рождество 1885-го года возвращался къ себѣ домой отъ нынѣ умершаго друга, у котораго всѣ мы тогда засидѣлись на спиритическомъ сеансѣ. Переулки, по которымъ я проходилъ, почему-то не были освѣщены и мнѣ приходилось пробираться почти ощупью... Жилъ я у Успенія на Могильцахъ, въ домѣ чиновника Трупова, стало быть, въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Арбата. Мысли мои, когда я шелъ, были тяжелы, гнетущи...

— Жизнь твоя близится къ закату... Кайся!..

„Такова была фраза, сказанная мнѣ на сеансѣ

Спинозой, духъ котораго намъ удалось вызвать.... Я просилъ повторить и блюдечко не только повторило, но еще и прибавило: „сегодня ночью“... Я не вѣрю въ спиритизмъ, но мысль о смерти, даже намекъ на нее, повергаютъ меня въ уныніе... Смерть, господа, неизбѣжна, она обыденна, но тѣмъ не менѣе мысль о ней противна природѣ человѣка... Теперь же, когда меня окутывалъ непроницаемый, холодный мракъ и передъ глазами неистово кружились дождевыя капли, а надъ головою жалобно стоналъ вѣтеръ, когда я вокругъ себя не видалъ ни одной живой души, не слыхалъ человѣческаго звука, душу мою наполнялъ неопредѣленный и неизъяснимый страхъ... Я, человѣкъ, свободный отъ предразсудковъ, торопился, боясь оглянуться, поглядѣть въ стороны... Мнѣ казалось, что если я оглянусь, то непремѣнно увижу... видъ смерти...

Панихидинъ порывисто вздохнулъ, выпилъ воды и продолжалъ:

„Этотъ неопредѣленный, но понятный вамъ страхъ не оставилъ меня и тогда, когда я, взобравшись на четвертый этажъ дома Трупова, отперъ дверь и вошелъ въ свою комнату... Въ моемъ скромномъ жилищѣ было темно... Въ печи плакалъ вѣтеръ и, словно просясь въ тепло, постукивалъ въ дверцу отдушника....

— Если вѣрить Спинозѣ, — улыбнулся я,—то

подъ этотъ плачъ сегодня ночью мнѣ придется умереть... Жутко, однако! Я зажегъ спичку.... Неистовый порывъ вѣтра пробѣжалъ по кровлѣ дома. Тихій плачъ обратился въ злобный ревъ... Гдѣ-то внизу застучала наполовину сорвавшаяся ставня, а дверца моего отдушника жалобно провизжала о помощи...

— Плохо въ такую ночь безпріютнымъ,—подумалъ я...

„Но не время было сантиментальничать... Когда на моей спичкѣ синимъ огонькомъ разгоралась сѣра и я окинулъ глазами свою комнату, мнѣ представилось зрѣлище неожиданное и ужасное... Какъ жаль, что порывъ вѣтра не достигъ моей спички! Тогда, быть-можетъ, волосы мои не стали бы дыбомъ, по дрогнувшимъ членамъ не разлился бы холодъ. Я вскрикнулъ, сдѣлалъ шагъ къ двери и полный ужаса, отчаянія, изумленія, закрылъ глаза...

Посреди комнаты стоялъ гробъ...

„Синій огонекъ горѣлъ не долго, но я успѣлъ различить контуры гроба... Я видѣлъ розовый, мерцающій искорками глазетъ, видѣлъ золотой, галунный крестъ на крышкѣ... Есть вещи, господа, которыя запечатлѣваются въ вашей памяти, не смотря даже на то, что вы видѣли ихъ одно только мгновеніе... Такъ и этотъ гробъ... Я видѣлъ его одну только секунду, но помню

во всѣхъ малѣйшихъ чертахъ. Это былъ гробъ для человѣка средняго роста и, судя по розовому цвѣту, для молодой дѣвушки. Дорогой глазетъ, ножки, бронзовыя ручки... все говорило за то, что покойникъ былъ богатъ...

Опрометью выбѣжалъ я изъ своей комнаты и, не разсуждая, не мысля, а только чувствуя невыразимый страхъ, понесся внизъ по лѣстницѣ... Въ корридорѣ и на лѣстницѣ было темно, ноги мои путались въ полахъ шубы, и какъ я не слетѣлъ и не сломалъ себѣ шеи, — вѣдомо одному только Богу. Очутившись на улицѣ, я прислонился къ мокрому, фонарному столбу и началъ себя успокаивать... Сердце мое страшно билось, дыханіе сперло...

Одна изъ слушательницъ припустила огня въ лампѣ, придвинулась ближе къ разсказчику и послѣдній продолжалъ:

„Я не удивился бы, еслибы засталъ въ своей комнатѣ пожаръ, вора, бѣшеную собаку... Я не удивился бы, еслибы обвалился потолокъ, провалился полъ, попадали стѣны... Все это естественно и понятно... Но какъ могъ попасть въ мою комнату гробъ? Откуда онъ взялся? Дорогой, женскій, сдѣланный очевидно для молодой аристократки, — какъ могъ попасть онъ въ убогую комнату одинокаго бѣдняка? Быть-можетъ, онъ содержитъ уже въ себѣ трупъ... Кто же *она*,

эта безвременно покончившая съ жизнью богачка, нанесшая мнѣ такой странный и страшный визитъ?... Мучительная тайна!

— Если здѣсь не чудо, то преступленіе,—блеснуло въ моей головѣ...

„Я терялся въ догадкахъ.... Дверь во время моего отсутствія была заперта и мѣсто, гдѣ находился ключъ, было извѣстно только моимъ очень близкимъ друзьямъ... Не друзья же поставили мнѣ гробъ! Можно было также предположить, что гробъ былъ принесенъ ко мнѣ гробовщиками по ошибкѣ.... Они могли обознаться, ошибиться этажемъ или дверью и внести гробъ не туда, куда слѣдуетъ.... Но гдѣ же они могли взять ключъ? И кому не извѣстно, что наши гробовщики не выйдутъ изъ комнаты прежде, чѣмъ не получатъ за работу, или по крайней мѣрѣ на чай? Нѣтъ, здѣсь что-то другое—чудо или преступленіе!

— Духи предсказали мнѣ смерть... леденила меня мысль.... Не они ли уже постарались кстати снабдить меня и гробомъ?

„Я, господа, не вѣрю и не вѣрилъ въ спиритизмъ, но такое совпаденіе можетъ повергнуть въ мистическое настроеніе даже философа...

— Но все это глупо и я труслпвъ, какъ школьникъ!—рѣшилъ я.—То былъ оптическій обманъ и больше ничего! Идя домой, я былъ такъ мрачно

настроенъ, что не мудрено, если мои больные нервы увидѣли гробъ.... Конечно, оптическій обманъ! Что же другое?

„Дождь хлесталъ меня по лицу, а вѣтеръ сердито трепалъ мои полы, шапку... Я озябъ и страшно промокъ.... Нужно было идти, но.... куда? Воротиться къ себѣ—значило бы подвергнуть себя риску увидѣть гробъ еще разъ, а это зрѣлище было выше силъ моихъ.... Я, не видѣвшій вокругъ себя ни одной живой души, не слышавшій ни одного человѣческаго звука, оставшись одинъ наединѣ съ гробомъ, въ которомъ, быть-можетъ, лежало мертвое тѣло, могъ бы лишиться разсудка... Оставаться же на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ и въ холодѣ было невозможно....

„Я порѣшилъ отправиться ночевать къ другу моему Упокоеву, впослѣдствіи, какъ вамъ извѣстно, застрѣлившемуся.... Жилъ онъ въ меблированныхъ комнатахъ купца Черепова, что въ Мертвомъ переулкѣ....

Панихидинъ вытеръ холодный потъ, выступившій на его блѣдномъ лицѣ и, тяжело вздохнувъ, продолжалъ:

„Дома я своего друга не засталъ. Постучавшись къ нему въ дверь и убѣдившись, что его нѣтъ дома, я нащупалъ на перекладинѣ ключъ, отперъ дверь и вошелъ.... Я сбросилъ съ себя на полъ мокрую шубу, и нащупавъ въ темнотѣ

диванъ, сѣлъ отдохнуть.... Было темно.... Въ оконной вентиляціи тоскливо жужжалъ вѣтеръ.... Въ печи монотонно насвистывалъ свою однообразную пѣсню сверчокъ.... Въ Кремлѣ ударили къ рождественской заутрени....

„Я поспѣшилъ зажечь спичку.... Но свѣтъ не избавилъ меня отъ мрачнаго настроенія, а напротивъ.... Страшный, невыразимый ужасъ овладѣлъ мною вновь.... Я вскрикнулъ, пошатнулся и, не чувствуя себя, выбѣжалъ изъ номера....

„Въ комнатѣ товарища я увидѣлъ то же, что и у себя—гробъ!

„Гробъ товарища былъ почти вдвое больше моего и коричневая обивка придавала ему какой-то особенно мрачный колоритъ.... Какъ онъ попалъ сюда? Что это былъ оптическій обманъ, сомнѣваться уже было невозможно.... Не могъ же въ каждой комнатѣ быть гробъ! Очевидно то была болѣзнь моихъ нервовъ, была галлюцинація.... Куда бы я ни пошелъ, я всюду увидѣлъ-бы передъ собой страшное жилище смерти.... Стало-быть, я сходилъ съ ума, заболѣвалъ чѣмъ то въ родѣ „гробоманіи“; причину умопомѣшательства искать было не долго.... Стоило только вспомнить спиритическій сеансъ и слова Спинозы....

— Я схожу съ ума!—подумалъ я въ ужасѣ, хватая себя за голову.—Боже мой! Что же дѣлать?!

„Голова моя трещала, ноги подкашивались....

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ пронизывалъ насквозь, а на мнѣ не было ни шубы, ни шапки.... Ворочаться за ними въ номеръ было невозможно, выше силъ моихъ.... Страхъ крѣпко сжималъ меня въ своихъ холодныхъ объятіяхъ.... Волосы мои стояли дыбомъ, съ лица струился холодный потъ, хотя я и вѣрилъ, что то была галлюцинація, оптическій обманъ.... Но, друзья мои, къ несчастью то не былъ оптическій обманъ.... Гробы дѣйствительно были....

Разсказчикъ дрожащей рукою провелъ себя по лицу и пошатнулся.... Я поддержалъ его и далъ ему воды....

„Merci.... Что было дѣлать?—продолжалъ Панихидинъ.—Я сходилъ съ ума и рисковалъ страшно простудиться. Къ счастью я вспомнилъ, что недалеко отъ Мертваго переулка жилъ мой хорошій пріятель, недавно только кончившій врачъ, Погостовъ, бывшій со мной въ ту ночь на спиритическомъ сеансѣ.... Я поспѣшилъ къ нему.... Тогда онъ еще не былъ женатъ на богатой купчихѣ и жилъ на пятомъ этажѣ дома статскаго совѣтника Кладбищенскаго....

„У Погостова моимъ нервамъ суждено было претерпѣть еще новую пытку. Взбираясь на пятый этажъ, я услышалъ страшный шумъ.... Наверху кто-то бѣжалъ, сильно стуча ногами и хлопая дверями....

— Ко мнѣ!—услышалъ я раздирающій душу крикъ,—дворникъ!

„И черезъ мгновеніе на встрѣчу мнѣ сверху внизъ по лѣстницѣ неслась темная фигура въ шубѣ и помятомъ цилиндрѣ....

— Погостовъ!—воскликнулъ я, узнавъ въ его фигурѣ друга моего Погостова.—Это вы? Что съ вами?

„Поровнявшись со мной, Погостовъ остановился и судорожно ухватилъ меня за руку.... Онъ былъ блѣденъ, тяжело дышалъ, дрожалъ.... Глаза его безпорядочно блуждали, грудь вздымалась....

— Это вы, Панихидинъ?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ. Но вы ли это? Вы блѣдны, словно.... выходецъ изъ могилы.... Да, полно, не галлюцинація ли вы?... Боже мой.... Вы страшны....

— Но что съ вами? На васъ лица нѣтъ!

— Охъ.... Дайте, голубчикъ, перевести духъ.... Я радъ, что васъ увидѣлъ, если это дѣйствительно вы, а не оптическій обманъ.... Проклятый спиритическій сеансъ ... Онъ такъ разстроилъ мои нервы, что я, представьте, воротившись сейчасъ домой, увидѣлъ, у себя въ комнатѣ.... гробъ!

„Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и попросилъ повторить....

— Гробъ, настоящій гробъ!—сказалъ докторъ, садясь въ изнеможеніи на ступень. Я не трусъ, но вѣдь и самъ чертъ испугается, если послѣ спиритическаго сеанса натолкнется въ потемкахъ на гробъ....

„Путаясь и заикаясь, я разсказалъ доктору про гробы, видѣнные мною у меня и Упокоева.... Минуту глядѣли мы другъ на друга, выпуча глаза и удивленно раскрывъ рты. Потомъ же, чтобы убѣдиться, что мы не галлюцинируемъ, мы принялись щипать другъ друга....

— Намъ обоимъ больно,—сказалъ докторъ, стало быть, сейчасъ мы не спимъ и видимъ другъ друга не снѣ.... Стало быть, гробы, мой и оба ваши, не оптическій обманъ, а нѣчто существующее.... Что же теперь, батенька, дѣлать?

„Воротиться къ себѣ я не желаю.... Кто поручится, что, войдя въ комнату, я кромѣ гроба не встрѣчу тамъ еще мертвечину?

„Простоявъ битый часъ на холодной лѣстницѣ и настроивъ тысячу плановъ и предположеній, мы страшно озябли и порѣшили отбросить малодушный страхъ и, разбудивъ корридорнаго, пойти съ нимъ въ комнату доктора.... Такъ мы и сдѣлали.... Зажегши свѣчу, мы увидѣли гробъ, обитый бѣлымъ глазетомъ и украшенный золотой бахромой и кистями.... Корридорный набожно перекрестился....

— Теперь можно узнать, — сказалъ блѣдный докторъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, пустъ этотъ гробъ, или же.... онъ обитаемъ?

„Послѣ долгой, понятной нерѣшимости, докторъ нагнулся и, стиснувъ отъ страха и ожиданія зубы, сорвалъ съ гроба крышку.... Мы взглянули въ гробъ и“....

Тутъ Панихидинъ схватилъ себя за виски, покачнулся я опустился на диванъ....

— Не могу,—прошепталъ онъ.... Простите.... я выйду....

Разсказчикъ приподнялся и, покачиваясь, вышелъ.... Такимъ образомъ страшная исторія съ гробами осталась для слушателей тайной.

Ваганьковское кладбище. 24 декабря. Полночь.

PS. Разсказъ этотъ былъ уже набранъ и корректированъ, какъ кто то постучалъ ко мнѣ въ дверь и попросилъ позволенія войти.... Это былъ Панихидинъ....

— Очень радъ, что встрѣчаю васъ!—воскликнулъ я.... Говорите скорѣе, что же вы увидѣли въ гробѣ? Что?

— Вы все о томъ же! — махнулъ онъ рукой. Эти разсказчики тѣ же бабы.... Всякую дрянь выложь имъ да положь.... Въ гробѣ увидѣли мы письмо.... Письмо было отъ нашаго общаго дру-

га Ваньки Заѣздова и содержало въ себѣ слѣдующее; „Милый Погостовъ! Ты знаешь, что дѣла моего тестя пришли къ страшному упадку. Онъ залѣзъ въ долги по горло. Завтра, или послѣ завтра явятся описывать его имущество и это окончательно погубитъ его семью, и мою... На вчерашнемъ семейномъ совѣтѣ мы порѣшили припрятать все цѣнное и дорогое.... Такъ-какъ все имущество моего тестя заключается въ гробахъ (онъ, какъ тебѣ извѣстно, гробовыхъ дѣлъ мастеръ, лучшій въ городѣ), то мы порѣшили припрятать самыя лучшія гробы....

„Обращаясь къ твоему содѣйствію, посылаю тебѣ, голубчикъ, одинъ гробъ, который прошу спрятать и хранить.... Безъ помощи знакомыхъ ничего не подѣлаемъ. Надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ, тѣмъ болѣе, что гробъ простоитъ у тебя не болѣе недѣли. Всѣмъ нашимъ я послалъ по гробу и надѣюсь, что они спасутъ мою семью отъ голода. Любящій тебя Заѣздовъ“.—Чепуха, какъ видите....

— Тьфу!—плюнулъ я. Такъ зачѣмъ же вы, чертъ васъ возьми, скотина этакая, когда разсказывали этотъ разсказъ въ тотъ вечеръ дамамъ, то ломались, блѣднѣли, потѣли, покачивались? Стало быть, это актерство?

— Гм.... Если бы вы выпили столько же, сколько я, да еслибы васъ такъ мутило, какъ меня, то

вы еще не такъ бы блѣднѣли да покачивались! Я еле на ногахъ стоялъ.

Я плюнулъ и порѣшилъ никогда больше не слушать „святочныхъ“ разсказовъ.

СЧАСТЛИВЧИКЪ.

Счастливчикъ.

Со станціи „Бологое“, Николаевской желѣзной дороги, трогается пассажирскій поѣздъ. Въ одномъ изъ вагоновъ втораго класса „для курящихъ“, окутанные вагонными сумерками дремлютъ человѣкъ пять пассажировъ. Они только-что закусили и теперь, прикурнувъ къ спинкамъ дивановъ, стараются уснуть. Тишина.

Отворяется дверь и въ вагонъ входитъ высокая, балкообразная фигура въ рыжей шляпѣ и въ щегольскомъ пальто, сильно напоминающая опереточныхъ и жюль-верновскихъ корреспондентовъ. Фигура останавливается посреди вагона, сопитъ и долго щуритъ глаза на диваны.

— Нѣтъ, и это не тотъ!—бормочетъ она.—Чортъ знаетъ, что такое! Это просто возмутительно! Нѣтъ, не тотъ!

Одинъ изъ пассажировъ всматривается въ фигуру и издаетъ радостный крикъ:

— Иванъ Алексѣичъ! Какими судьбами? Это вы?

Палкообразный Иванъ Алексѣичъ вздрагиваетъ, тупо глядитъ на пассажира и, узнавъ его, весело всплескиваетъ руками.

— Га! Петръ Петровичъ!—хохочетъ онъ сквозь зубы:—Сколько зимъ, сколько лѣтъ! А я и не зналъ, что вы въ этомъ поѣздѣ ѣдете.

— Живы, здоровы?

— Ничего себѣ, только вотъ, батенька, вагонъ свой потерялъ и никакъ теперь его не найду, Этакая я идіотина! Пороть меня некому!

Палкообразный Иванъ Алексѣичъ покачивается и хихикаетъ.

— Бываютъ же такіе случаи!—продолжалъ онъ.—Вышелъ я послѣ втораго звонка коньяку выпить. Выпилъ, конечно. Ну, думаю, такъ-какъ станція слѣдующая еще далеко, то не выпить ли и другую рюмку. Пока думалъ и пилъ, тутъ третій звонокъ.... я, какъ сумасшедшій, бѣгу и вскакиваю въ первый попавшійся вагонъ. Ну, не идіотина ли я? Не курицынъ ли сынъ?

— А вы, замѣтно, въ веселомъ настроеніи,—улыбается Петръ Петровичъ. Подсаживайтесь-ка! Честь и мѣсто!

— Ни, ни.... пойду свой вагонъ искать! Прощайте!

— Въ потемкахъ вы чего добраго съ площадки свалитесь. Садитесь, а когда подъѣдемъ къ станціи, вы и найдете свой вагонъ. Садитесь!

Иванъ Алексѣичъ вздыхаетъ и нерѣшительно садится противъ Петра Петровича. Онъ, видимо, возбужденъ и двигается, какъ на иголкахъ.

— Куда ѣдете?—спрашиваетъ Петръ Петровичъ.

— Я? Въ пространство. Такое у меня сейчасъ въ головѣ столпотвореніе, что я самъ не разберу, куда я ѣду. Везетъ судьба, ну и ѣду. Ха, ха.... Голубчикъ, видали-ли вы когда-нибудь счастливыхъ дураковъ? Нѣтъ? Такъ вотъ глядите! предъ вами счастливѣйшій изъ смертныхъ! Да-съ! Ничего по моему лицу не замѣтно?

— То-есть замѣтно, что.... вы того.... чуточку.

— Должно-быть, у меня теперь ужасно глупое лицо! Эхъ, жалко, зеркала нѣтъ, поглядѣлъ бы на свою мордолицацію! Чувствую, батенька, что идіотомъ становлюсь. Честное слово! Ха, ха.... Я, можете себѣ представить, брачное путешествіе совершаю. Ну, не курицынъ ли сынъ?

— Вы? Развѣ вы женились?

— Сегодня, милѣйшій! Повѣнчался и прямо на поѣздъ.

Начинаются поздравленія и обычные вопросы.

— Ишь ты....—смѣется Петръ Петровичъ.— То-то вы франтомъ такимъ разрядились.

— Да-съ.... Для полной иллюзіи даже духами попрыскался. По уши ушелъ въ суету! Ни заботъ, ни мыслей, а одно только ощущеніе чего-то этакого.... чортъ его знаетъ, какъ его и называть.... благодушія, что ли? Отродясь еще такъ себя великолѣпно не чувствовалъ!

Иванъ Алексѣичъ закрылъ глаза и крутилъ головой.

— Возмутительно счастливъ!—говорилъ онъ.— Да вы сами посудите. Пойду я сейчасъ въ свой вагонъ. Тамъ, на диванчикѣ, около окошка спитъ существо, которое, такъ-сказать, всѣмъ своимъ существомъ предано вамъ. Этая блондиночка съ носикомъ.... съ пальчиками.... Душечка моя! Ангелъ ты мой! Пупырчикъ ты этакій! Филоксера души моей! А ножка! Господи! Ножка вѣдь не то, что вотъ наши ножищи, а что-то такое миніатюрное, волшебное.... аллегорическое! Взялъ бы, да такъ и съѣлъ эту ножку! Э, да вы ничего не понимаете! Вѣдь вы матеріалистъ, сейчасъ у васъ анализъ, то да се! Сухіе холостяки и больше ничего! Вотъ когда женитесь, то вспомните! Гдѣ-то теперь, скажите, Иванъ Алексѣичъ? Да-съ, такъ вотъ пойди я сейчасъ въ свой вагонъ. Тамъ ужъ меня съ нетерпѣніемъ ждутъ.... предвкушаютъ мое появленіе. Навстрѣчу мнѣ улыбка. Я подсаживаюсь и этакъ двумя пальцами за подбородочекъ....

Иванъ Алексѣичъ крутилъ головой и закатывается счастливымъ смѣхомъ.

— Потомъ кладешь свою башку ей на плечико и обхватываешь рукой талію. Кругомъ, знаете ли, тишина.... поэтическій полумракъ. Весь бы міръ обнялъ въ эти минуты. Петръ Петровичъ, позвольте мнѣ васъ обнять!

— Сдѣлайте одолженіе.

Пріятели при дружномъ смѣхѣ пассажировъ обнимаются и счастливый новобрачный продолжаетъ:

— А для большаго идіотства, или, какъ тамъ въ романахъ говорятъ, по большей иллюзіи, пойдешь къ буфету и опрокидонтомъ рюмочки двѣ-три. Тутъ ужъ въ головѣ и въ груди происходитъ что-то, чего и въ сказкахъ не вычитаешь. Человѣкъ я маленькій, ничтожный, а кажется мнѣ, что и границъ у меня нѣтъ.... Весь свѣтъ собой обхватываю!

Пассажиры, глядя на пьяненькаго, счастливаго новобрачнаго, заражаются его весельемъ и ужъ не чувствуютъ дремоты. Вмѣсто одного слушателя около Ивана Алексѣича скоро появляется ужъ пять. Онъ вертится, какъ на иголкахъ, брыжетъ, машетъ руками и болтаетъ безъ умолку. Онъ хохочетъ и всѣ хохочутъ.

— Главное, господа, поменьше думать! Къ чорту всѣ эти анализы.... Хочется выпить, ну и пей, а нечего тамъ философствовать, вредно это,

или полезно.... Всѣ эти философіи и психологіи къ черту! Да ей-Богу!

Черезъ вагонъ проходитъ кондукторъ.

— Милый человѣкъ,—обращается къ нему новобрачный,—какъ будете проходить черезъ вагонъ № 209, то найдете тамъ даму въ сѣрой шляпкѣ съ бѣлой птицей и скажите ей, что я здѣсь!

— Слушаю. Только въ этомъ поѣздѣ нѣтъ 209 №. Есть 219!

— Ну, 219! Все равно! Такъ и скажите этой дамѣ: мужъ цѣлъ и невредимъ!

Иванъ Алексѣичъ хватаетъ вдругъ себя за голову и стонетъ:

— Мужъ.... Дама.... Давно ли это? Мужъ.... Ха-ха.... Пороть тебя нужно, а ты—мужъ! Ахъ, идіотина! Но она! Вчера еще была дѣвочечкой.... козявочкой.... Просто не вѣрится!

— Въ наше время даже какъ-то странно видѣть счатливаго человѣка,—говоритъ одинъ изъ пассажировъ.—Скорѣе бѣлаго слона увидишь.

— Да, а кто виноватъ?—говоритъ Иванъ Алексѣичъ, протягивая свои длинныя ноги съ очень острыми носками.—Если вы не бываете счастливы, то сами виноваты! Да-съ, а вы какъ думали? Человѣкъ есть самъ творецъ собственнаго счастья. Захотите, и вы будете счастливы, но вы вѣдь не хотите. Вы упрямо уклоняетесь отъ счастья!

— Вотъ-те на! Какимъ же образомъ?

— Очень просто!... Природа постановила, чтобы человѣкъ въ извѣстный періодъ своей жизни любилъ. Насталъ этотъ періодъ, ну и люби во всѣ лопатки, а вы вѣдь не слушаетесь природы, все чего-то ждете. Далѣе.... Въ законѣ сказано, что нормальный индивидуй долженъ вступить въ бракъ.... Безъ брака счастья нѣтъ.... Приспѣло время благопріятное, ну и женись, нечего канителить.... Но вѣдь вы не женитесь, все чего-то ждете! За симъ, въ писаніи сказано, что вино веселитъ сердце человѣческое.... Если тебѣ хорошо и хочется, чтобы еще лучше было, то, стало-быть, иди въ буфетъ и выпей.... Главное не мудрствовать, а жарить по шаблону! Шаблонъ великое дѣло!

— Вы говорили, что человѣкъ творецъ своего счастья. Какой къ чорту онъ творецъ, если достаточно больнаго зуба, или злой тещи, чтобъ счастье его полетѣло вверхъ тормашкой? Все зависитъ отъ случая.... Случись сейчасъ съ нами кукуевская катастрофа, вы другое бы запѣли....

— Чепуха!—протестуетъ новобрачный.—Катастрофы бываютъ только разъ въ годъ. Никакихъ случаевъ я не боюсь, потому-что нѣтъ предлога случаться этимъ случаямъ. Рѣдки случаи! Ну ихъ къ чорту! И говорить даже о нихъ не хочу! Ну, мы, кажется, къ полустанку подъѣзжаемъ.

— Вы теперь куда ѣдете?—спрашиваетъ Петръ

Петровичъ. Въ Москву или куда-нибудь южнѣе?

— Здравствуйте! Какъ же это я, ѣдучи на сѣверъ, попаду куда-нибудь южнѣе?

— Но вѣдь Москва не на сѣверѣ.

— Знаю, но вѣдь мы сейчасъ ѣдемъ въ Петербургъ!—говоритъ Иванъ Алексѣичъ.

— Въ Москву мы ѣдемъ, помилосердствуйте!

— То-есть какъ же въ Москву? — таращилъ глаза новобрачный.

— Странно.... Вы куда билетъ взяли?

— Въ Петербургъ.

— Въ такомъ случаѣ поздравляю.... Вы не на тотъ поѣздъ попали.

Проходитъ полминуты молчанія. Новобрачный поднимается и тупо обводитъ глазами компанію.

— Да, да,—поясняетъ Петръ Петровичъ.—Въ „Бологое" вы не на тотъ поѣздъ вскочили.... Васъ, значитъ, угораздило послѣ коньяку въ встрѣчный поѣздъ попасть.

Иванъ Алексѣичъ блѣднѣетъ, хватаетъ себя за голову и начинаетъ быстро шагать по вагону.

— Ахъ, я идіотина!—негодуетъ онъ.—Ахъ я подлецъ, чтобъ меня черти съѣли! Ну, что я теперь буду дѣлать? Вѣдь въ томъ поѣздѣ жена! Она тамъ одна, ждетъ, томится! Ахъ, я шутъ гороховый!

Новобрачный падаетъ на диванъ и ежится, какъ змѣя, которой наступили на хвостъ.

— Несчастный я человѣкъ! — стонетъ онъ.— Что я буду дѣлать!

— Ну, ну....—утѣшаютъ его пассажиры.—Пустяки.... Вы телеграфируйте вашей женѣ, а сами постарайтесь сѣсть по пути на курьерскій поѣздъ. Такимъ образомъ вы ее догоните.

— Курьерскій поѣздъ!—плачетъ новобрачный. А гдѣ я денегъ возьму на курьерскій поѣздъ? Всѣ мои деньги у жены!

Пошептавшись, смѣющіеся пассажиры дѣлаютъ складчину и снабжаютъ счастливца деньгами.

БЕЗЗАКОНІЕ.

6*

Беззаконіе.

Совершая свою вечернюю прогулку, коллежскій ассесоръ Семигусевъ остановился около телеграфнаго столба съ цифрой 36 и глубоко вздохнулъ. Недѣлю тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда онъ вечеромъ возвращался съ прогулки къ себѣ домой, его догнала бывшая его горничная Агнія и сказала со злобой:

— Ужо, погоди! Будешь ты меня помнить, лысый фертъ! Такого тебѣ рака спеку, что будешь знать, какъ невинныхъ дѣвушекъ губить! И младенца тебѣ подкину, и въ судъ пойду, и женѣ твоей объясню....

И она потребовала, чтобы онъ положилъ въ банкъ на ея имя пять тысячъ рублей. Семигусевъ вспомнилъ это, вздохнулъ и еще разъ съ

душевнымъ раскаяніемъ упрекнулъ себя за минутное увлеченіе, доставившее ему такую массу хлопотъ и страданій.

— Вотъ теперь и мучься, — думалъ онъ, направляясь къ своей дачѣ. — Сколько разъ говорилъ себѣ: не заводи ты бламанже съ прислугой, такъ нѣтъ же, дернулъ чортъ пьянаго дурака! Эхъ, а еще тоже коллежскій ассесоръ, женатый, почтенныхъ лѣтъ!... Пяти тысячъ нѣтъ, ну, вотъ и срамись.... Агнюшка—чортъ дѣвка, она поставитъ на своемъ!

Дойдя до своей дачи, Семигусевъ сѣлъ на крылечко отдохнуть. Было ровно десять часовъ, и изъ-за облаковъ выглядывалъ кусочекъ луны. На улицѣ и возлѣ дачъ не было ни души: старые дачники уже ложились спать, а молодые гуляли въ рощѣ. Ища въ обоихъ карманахъ спичку, чтобы закурить папиросу, Семигусевъ толкнулся локтемъ обо что-то мягкое; отъ нечего дѣлать онъ взглянулъ подъ свой правый локоть, и вдругъ лицо его перекосило такимъ ужасомъ, какъ-будто онъ увидѣлъ возлѣ себя змѣю. На крылечкѣ у самой двери лежалъ какой-то узелъ. Что-то продолговатое было завернуто во что-то, судя по ощупи, похожее на стеганое одѣяльце. Одинъ конецъ узла былъ слегка открытъ, и коллежскій ассесоръ, сунувъ въ него руку, осязалъ что-то теплое и влажное. Въ ужасѣ вскочилъ онъ на

ноги и оглядѣлся, какъ преступникъ, собирающійся бѣжать отъ стражи....

— Подкинула-таки, подлая!—со злобой процѣдилъ онъ сквозь зубы, сжимая кулаки. — Вотъ оно, лежитъ.... лежитъ беззаконіе! О, Господи!

Отъ страха, злобы и стыда онъ оцѣпенѣлъ.... Что теперь дѣлать? Что скажетъ жена, если узнаетъ? Что скажутъ сослуживцы? Его превосходительство навѣрное похлопаетъ его теперь по животу, фыркнетъ и скажетъ:—„Поздравляю.... Хе-хе-хе.... Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.... шалунъ, Семенъ Эрастовичъ!" Весь дачный поселокъ узнаетъ теперь его тайну и, пожалуй, почтенныя матери семействъ откажутъ ему отъ дому.... О подкидышахъ печатаютъ во всѣхъ газетахъ и, такимъ образомъ, смиренное имя Семигусева пронесется по всей Россіи....

Среднее окно дачи было открыто и явственно слышалось изъ него, какъ Анна Филипповна, жена Семигусева, собирала столъ къ ужину; во дворѣ, сейчасъ же за воротами дворникъ Ермолай жалобно побренкивалъ на балалайкѣ.... Стоило младенцу только проснуться и запищать, и тайна была бы обнаружена. Семигусевъ почувствовалъ непреодолимое желаніе торопиться....

— Скорѣе, скорѣе....—бормоталъ онъ.—Сію минуту, пока никто не видитъ. Занесу его куда-нибудь, положу на чужое крыльцо....

Семигусевъ взялъ въ одну руку узелъ и тихо мѣрнымъ шагомъ, чтобы не казаться подозрительнымъ, пошелъ по улицѣ....

— Удивительно мерзкое положеніе! — думалъ онъ, стараясь придать себѣ равнодушный видъ.— Коллежскій ассесоръ съ младенцемъ идетъ по улицѣ! О, Господи, ежели кто увидитъ и пойметъ, въ чемъ дѣло, я погибъ.... Положу-ка я его на это крыльцо.... Нѣтъ, постой, тутъ окна открыты и, можетъ-быть, глядитъ кто-нибудь.... Куда бы его? Вотъ что, снесу-ка я его на дачу купца Мѣлкина.... Купцы народъ богатый и сердобольный; можетъ-быть, еще спасибо скажутъ и на воспитаніе его къ себѣ возьмутъ.

И Семигусевъ рѣшилъ снести младенца непремѣнно къ Мѣлкину, хотя купеческая дача находилась на крайней улицѣ дачнаго поселка, у самой рѣки.

— Только бы онъ у меня не разревѣлся и не вывалился изъ узла, — думалъ коллежскій ассесоръ.—Вотъ ужъ именно: благодарю—не ожидалъ! Подъ мышкой несу живаго человѣка, словно портфель. Человѣкъ живой, съ душой, съ чувствами, какъ и всѣ.... Ежели, чего добраго, Мѣлкины возьмутъ его на воспитаніе, то, пожалуй, изъ него выйдетъ какой-нибудь этакій.... Пожалуй, выйдетъ изъ него какой-нибудь профессоръ, полководецъ, писатель.... Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ!

Теперь я несу его подъ мышкой, какъ дрянь какую-нибудь, а лѣтъ черезъ 30 — 40, пожалуй, придется передъ нимъ на вытяжку стоять....

Когда Семигусевъ проходилъ узкимъ, пустыннымъ переулочкомъ мимо длинныхъ заборовъ подъ густою, черною тѣнью липъ, ему вдругъ стало казаться, что онъ дѣлаетъ что-то очень жестокое и преступное.

— А вѣдь какъ это, въ сущности, подло! — думалъ онъ.—Такъ подло, что подлѣе и придумать ничего нельзя.... Ну, за что мы несчастнаго младенца швыряемъ съ крыльца на крыльцо? Развѣ онъ виноватъ, что родился? И что онъ намъ худаго сдѣлалъ? Подлецы мы, мерзавцы и душегубы.... Любимъ кататься на саночкахъ, а возитъ саночки приходится невиннымъ дѣточкамъ.... Вѣдь только вдуматься нужно во всю эту музыку! Я безпутничалъ, а вѣдь ребеночка ожидаетъ лютая судьба.... Подброшу я его Мѣлкинымъ, Мѣлкины пошлютъ его въ воспитательный домъ, а тамъ все чужіе, все по казенному.... ни ласкъ, ни любви, ни баловства.... Отдадутъ его потомъ въ сапожники.... сопьется, научится сквернословить, будетъ околѣвать съ голоду.... Въ сапожники, а вѣдь онъ сынъ коллежскаго ассесора, благородной крови.... Онъ плоть и кровь моя....

Семигусевъ изъ тѣни липъ вышелъ на дорогу,

залитую луннымъ свѣтомъ, и развернувъ узелъ, поглядѣлъ на младенца.

— Спитъ, — прошепталъ онъ.—Ишь ты, носъ у подлеца съ горбинкой, отцовскій.... Спитъ и не чувствуетъ, что на него глядитъ родной отецъ.... Драма, братъ.... Ну, что жь, извини.... Прости, братъ.... Такъ ужъ тебѣ, значитъ, на роду написано....

Коллежскій ассесоръ заморгалъ глазами и почувствовалъ, что по его щекамъ ползетъ что-то въ родѣ мурашекъ.... Онъ завернулъ младенца, взялъ его подъ мышку и зашагалъ дальше. Всю дорогу, до самой дачи Мѣлкина въ его головѣ толпились соціальные вопросы, а въ груди царапала совѣсть.

— Будь я путевымъ, честнымъ человѣкомъ,— думалъ онъ,—наплевалъ бы я на все, пошелъ бы съ этимъ младенчикомъ къ Аннѣ Филипповнѣ, сталъ бы передъ ней на колѣнки и сказалъ: „Прости! Грѣшенъ! Терзай меня, но невиннаго младенца губить не будемъ. Дѣточекъ у насъ нѣтъ, возьмемъ его къ себѣ на воспитаніе!“ Она добрая баба, согласилась бы.... И было бы тогда мое дитя при мнѣ.... Эхъ!

Онъ подошелъ къ дачѣ Мѣлкина и остановился въ нерѣшительности.... Ему представлялось, какъ онъ сидитъ у себя въ залѣ и читаетъ газету, а возлѣ него трется мальчишка съ горбатымъ но-

сомъ и играетъ кистями его халата; въ то же время, въ воображеніе лѣзли подмигивающіе сослуживцы и его превосходительство, фыркающее, хлопающее по животу.... Въ душѣ же, рядомъ съ царапающею совѣстью сидѣло что-то нѣжное, теплое, грустное....

Коллежскій ассесоръ осторожно положилъ младенца на ступень террасы и махнулъ рукой. Опять по его лицу сверху внизъ поползли мурашки....

— Прости, братъ, меня подлеца! — пробормоталъ онъ.—Не поминай лихомъ!

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но тотчасъ же рѣшительно крякнулъ и сказалъ:

— Э, была не была! Плевать я на все хотѣлъ! Возьму его и пускай люди говорятъ, что хотятъ!

Семигусевъ взялъ младенца и быстро зашагалъ назадъ.

— Пускай говорятъ, что хотятъ, думалъ онъ.— Плевать я на все хотѣлъ! Пойду сейчасъ стану на колѣнки и скажу: „Анна Филипповна!“ Она баба добрая, пойметъ.... И будемъ мы воспитывать.... Ежели онъ мальчикъ, то назовемъ—Владиміръ, а ежели онъ дѣвочка, то Анной.... По крайности въ старости будетъ утѣшеніе....

И онъ сдѣлалъ такъ, какъ рѣшилъ.... Плача, замирая отъ страха и стыда, полный надеждъ и неопредѣленнаго восторга, онъ вошелъ въ свою

дачу, направился къ женѣ и сталъ передъ ней на колѣни....

— Анна Филипповна!—сказалъ онъ, всхлипывая и кладя младенца на полъ.—Не вели казнить, вели слово вымолвить.... Грѣшенъ! Это мое дите... Ты Агнюшку помнишь, такъ вотъ.... нечистый попуталъ....

И не помня себя отъ стыда и страха, не дожидаясь отвѣта, онъ вскочилъ и, какъ высѣченный, побѣжалъ на чистый воздухъ....

— Буду здѣсь на дворѣ, пока она не позоветъ меня,—думалъ онъ.—Дамъ ей прійти въ чувство и одуматься....

Дворникъ Ермолай съ балалайкой прошелъ мимо, взглянулъ на него и пожалъ плечами.... Черезъ минуту онъ опять прошелъ мимо и опять пожалъ плечами....

— Вотъ исторія, скажи на милость!—пробормоталъ онъ, усмѣхаясь.—Приходила сейчасъ, Семенъ Эрастычъ, сюда баба, прачка Аксинья. Положила, дура, своего ребенка на крыльцѣ, на улицѣ, и покуда тутъ у меня сидѣла, кто-то взялъ да и унесъ ребенка.... Вотъ оказія!

— Что? Что ты говоришь? — крикнулъ во все горло Семигусевъ.

Ермолай, по своему объяснившій гнѣвъ барина, почесалъ затылокъ и вздохнулъ.

— Извините, Семенъ Эрастычъ,—сказалъ онъ,—

по таперича время дачное.... безъ эстого нельзя.... безъ бабы, то-есть....

И взглянувъ на вытаращенные, злобно удивленные глаза барина, онъ виновато крякнулъ и продолжалъ:

— Оно, конечно, грѣхъ, да вѣдь что подѣлаешь.... Вы не приказывали во дворъ чужихъ бабъ пущать, оно точно, да вѣдь гдѣ жь своихъ-то взять.... Прежде, когда жила Агнюшка, не пускалъ чужихъ, потому — своя была, а таперя, сами изволите видѣть.... безъ чужихъ не обойдешься.... А при Агнюшкѣ, это точно, безпорядковъ не было, потому....

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ!—крикнулъ на него Семигусевъ, затопалъ ногами и пошелъ назадъ въ комнаты....

Анна Филипповна, удивленная и разгнѣванная, сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и не спускала заплаканныхъ глазъ съ младенца....

— Ну, ну.... — забормоталъ блѣдный Семигусевъ, кривя ротъ улыбкой.—Я пошутилъ.... Это не мой, а.... а прачки Аксиньи. Я.... я пошутилъ.... Снеси его дворнику.

ДРАМА.

Драма.

— Павелъ Васильевичъ, тамъ какая-то дама пришла, васъ спрашиваетъ,—доложилъ Лука.— Ужъ цѣлый часъ дожидается....

Павелъ Васильевичъ только-что позавтракалъ и находился въ томъ безмятежно-блаженномъ настроеніи, когда въ желудкѣ восходятъ вмѣстѣ солнце и луна, когда хочется лежать на диванѣ, почитать какую-нибудь очень умную статью, не понимать и ни о чемъ не думать. Услыхавъ о дамѣ, онъ поморщился и сказалъ:

— Ну ее къ чорту! Скажи, что я занятъ.

— Она, Павелъ Васильевичъ, ужъ пять разъ приходила....—Говоритъ, что очень нужно васъ видѣть.... Чуть не плачетъ.

— Гм.... Ну, ладно, проси ее въ кабинетъ.

Павелъ Васильевичъ не спѣша надѣлъ сюртукъ,

взялъ въ одну руку перо, въ другую—книгу, и, дѣлая видъ, что онъ очень занятъ, пошелъ въ кабинетъ. Тамъ уже ждала его гостья—большая полная дама съ краснымъ, мясистымъ лицомъ и въ очкахъ, на видъ весьма почтенная и одѣтая больше чѣмъ прилично (на ней былъ тюрнюръ съ четырьмя перехватами и высокая шляпка съ рыжей птицей). Увидѣвъ хозяина, она закатила подъ лобъ глаза и сложила молитвенно руки.

— Вы, конечно, не помните меня,—начала она высокимъ мужскимъ теноромъ, замѣтно волнуясь. —Я.... я имѣла удовольствіе познакомиться съ вами у Хруцкихъ.... Я—Мурашкина....

— А-а-а.... мм.... Садитесь! Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Видите ли, я.... я....—продолжала дама, садясь и еще больше волнуясь.—Вы меня не помните.... Я—Мурашкина.... Видите ли, я большая поклонница вашего таланта и всегда съ наслажденіемъ читаю ваши статьи.... Не подумайте, что я льщу,—избави Богъ!—я воздаю только должное.... Всегда, всегда васъ читаю! Отчасти я сама не чужда авторства, то-есть, конечно.... я не смѣю называть себя писательницей, но.... все-таки и моя капля меда есть въ ульѣ.... Я напечатала разновременно три дѣтскихъ разсказа,—вы не читали, конечно.... много переводила и.... и мой покойный братъ работалъ въ „Дѣлѣ“.

— Такъ-съ.... э-э-э.... Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Видите ли.... (Мурашкина потупила глаза и зарумянилась). Я знаю вашъ талантъ.... ваши взгляды, Павелъ Васильевичъ, и мнѣ хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе, или, вѣрнѣе.... попросить совѣта. Я, надо вамъ сказать, pardon pour l'expression, разрѣшилась отъ бремени драмой и мнѣ, прежде чѣмъ посылать ее въ цензуру, хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе....

Мурашкина нервно, съ выраженіемъ пойманной птицы, порылась у себя въ платьѣ и вытащила большую, жирную тетрадищу. Павелъ Васильевичъ любилъ только свои статьи, чужія же, которыя ему предстояло прочесть или прослушать, производили на него всегда впечатлѣніе пушечнаго жерла, направленнаго ему прямо въ физіономію. Увидѣвъ тетрадь, онъ испугался и поспѣшилъ сказать:

— Хорошо, оставьте.... я прочту.

— Павелъ Васильевичъ!—сказала томно Мурашкина, поднимаясь и складывая молитвенно руки.—Я знаю, вы заняты.... вамъ каждая минута дорога, и я знаю, вы сейчасъ въ душѣ посылаете меня къ чорту, но.... будьте добры, позвольте мнѣ прочесть вамъ мою драму сейчасъ.... Будьте милы!

— Я очень радъ....—замялся Павелъ Василь-

ичъ,—но, сударыня, я.... я занятъ.... Мнѣ.... мнѣ сейчасъ ѣхать нужно.

— Павелъ Васильичъ!—простонала барыня, и глаза ея наполнились слезами.—Я жертвы прошу. Я нахальна и назойлива, но будьте великодушны! Завтра я уѣзжаю въ Казань, и мнѣ сегодня хотѣлось бы знать ваше мнѣніе. Подарите мнѣ полчаса вашего вниманія.... только полчаса! Умоляю васъ!

Павелъ Васильевичъ былъ въ душѣ тряпкой и не умѣлъ отказывать. Когда ему стало казаться, что барыня собирается рыдать и стать на колѣни, онъ сконфузился и забормоталъ растерянно:

— Хорошо-съ, извольте.... я послушаю.... Полчаса я готовъ....

Мурашкина радостно вскрикнула, сняла шляпку и, усѣвшись, начала читать. Сначала она прочла о томъ, какъ лакей и горничная, убирая роскошную гостиную, длинно говорили о барышнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ, которая построила въ селѣ школу и больницу. Горничная, когда лакей вышелъ, произнесла монологъ о томъ, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма; потомъ Мурашкина вернула лакея въ гостиную и заставила его сказать длинный монологъ о баринѣ-генералѣ, который не терпитъ убѣжденій дочери, собирается выдать ее за богатаго камеръ-юнкера и находитъ, что спасеніе народа заключается въ кругломъ невѣжествѣ. За-

тѣмъ, когда прислуга вышла, явилась сама барышня и заявила зрителямъ, что она не спала всю ночь и думала о Валентинѣ Иванычѣ, сынѣ бѣднаго учителя, безвозмездно помогающемъ своему больному отцу. Валентинъ прошелъ всѣ науки, но не вѣруетъ ни въ дружбу, ни въ любовь, не знаетъ цѣли въ жизни и жаждетъ смерти, а потому ей, барышнѣ, нужно спасти его....

Павелъ Васильичъ слушалъ и съ тоской вспоминалъ о своемъ диванѣ. Солнце и луна уже вышли изъ его желудка и осталась одна только тяжесть подъ ложечкой. Онъ злобно оглядывалъ Мурашкину, чувствовалъ, какъ по его барабаннымъ перепонкамъ стучалъ ея мужской теноръ, ничего не понималъ и думалъ:

„Чортъ тебя принесъ.... Очень мнѣ нужно слушать твою чепуху!... Ну, чѣмъ я виноватъ, что ты драму написала? Господи, а какая тетрадь толстая! Вотъ наказаніе!“

Павелъ Васильичъ взглянулъ на простѣнокъ, гдѣ висѣлъ портретъ его жены, и вспомнилъ, что жена приказала ему купить и привезти на дачу 5 аршинъ тесьмы, фунтъ сыру и зубнаго порошку.

„Какъ бы мнѣ не потерять образчикъ тесьмы“, думалъ онъ. „Куда я его сунулъ? Кажется, въ синемъ пиджакѣ.... А подлыя мухи успѣли-таки засыпать многоточіями женинъ портретъ. Надо будетъ приказать Ольгѣ помыть стекло.... Чи-

таетъ XII явленіе, значитъ, скоро конецъ перваго дѣйствія. Неужели въ такую жару, да еще при такой корпуленціи, какъ у этой туши, возможно вдохновеніе? Чѣмъ драмы писать, ѣла бы лучше холодную окрошку, да спала бы въ погребѣ...“

— Вы не находите, что этотъ монологъ нѣсколько длиненъ?—спросила вдругъ Мурашкина, поднимая глаза.

Павелъ Васильичъ не слышалъ монолога. Онъ сконфузился и сказалъ такимъ виноватымъ тономъ, какъ будто бы не барыня, а онъ самъ написалъ этотъ монологъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько.... Очень мило....

Мурашкина просіяла отъ счастья и продолжала читать:

— „*Анна.*—Васъ заѣлъ анализъ. Вы слишкомъ рано перестали жить сердцемъ и довѣрились уму.—*Валентинъ.*—Что такое сердце? Это понятіе анатомическое. Какъ условный терминъ того, что называется чувствами, я не признаю его.—*Анна* (смутившись).— А любовь? Неужели и она есть продуктъ ассоціаціи идей? Скажите откровенно: вы любили когда-нибудь?—*Валентинъ* (съ горечью).—Не будемъ трогать старыхъ, еще не зажившихъ ранъ (*пауза*). О чемъ вы задумались?—*Анна.*—Мнѣ кажется, что вы несчастливы.

Во время XVI явленія Павелъ Васильичъ зѣвнулъ и нечаянно издалъ зубами звукъ, какой из-

даютъ собаки, когда ловятъ мухъ. Онъ испугался этого неприличнаго звука и, чтобы замаскировать его, придалъ своему лицу выраженіе умилительнаго вниманія.

„XVII явленіе.... Когда же конецъ?“ думалъ онъ. „О, Боже мой! Если эта мука продолжится еще десять минутъ, то я крикну караулъ.... Невыносимо!“

Но вотъ, наконецъ, барыня стала читать быстрѣе и громче, возвысила голосъ и прочла: „занавѣсъ“. Павелъ Васильичъ легко вздохнулъ и собрался подняться, но тотчасъ же Мурашкина перевернула страницу и продолжала читать:

— „Дѣйствіе второе. Сцена представляетъ сельскую улицу. Направо школа, налѣво больница. На ступеняхъ послѣдней сидятъ поселяне и поселянки“.

— Виноватъ.... перебилъ Павелъ Васильичъ.— Сколько всѣхъ дѣйствій?

— Пять,—отвѣтила Мурашкина и тотчасъ же, словно боясь, чтобы слушатель не ушелъ, быстро продолжала:—„Изъ окна школы глядитъ Валентинъ. Видно, какъ въ глубинѣ сцены мужики носятъ свои пожитки въ кабакъ“.

Какъ приговоренный къ казни и увѣренный въ невозможности помилованія, Павелъ Васильичъ ужъ не ждалъ конца, ни на что не надѣялся, а только старался, чтобы его глаза не слипались и

чтобы съ лица не сходило выраженіе вниманія.... Будущее, когда барыня кончитъ драму и уйдетъ, казалось ему такимъ отдаленнымъ, что онъ и не думалъ о немъ....

— Тру-ту-ту-ту....—звучалъ въ его ушахъ голосъ Мурашкиной.—Тру-ту-ту.... Жжжж....

„Забылъ я соды принять, думалъ онъ.—О чемъ, бишь, я? Да, о содѣ.... У меня, по всей вѣроятности, катарръ желудка.... Удивительно: Смирновскій цѣлый день глушитъ водку, и у него до сихъ поръ нѣтъ катарра.... На окно какая-то птичка сѣла.... Воробей....“

Павелъ Васильичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы разомкнуть напряженныя, слипающіяся вѣки, зѣвнулъ, не раскрывая рта, и поглядѣлъ на Мурашкину. Та затуманилась, закачалась въ его глазахъ, стала трехголовой и уперлась головой въ потолокъ....

— „*Валентинъ*.—Нѣтъ, позвольте мнѣ уѣхать... *Анна* (испуганно).—Зачѣмъ?—*Валентинъ* (въ сторону).—Она поблѣднѣла. (Ей) не заставляйте меня объяснять причины. Скорѣе я умру, но вы не узнаете этихъ причинъ.—*Анна* (послѣ паузы). —Вы не можете уѣхать....“

Мурашкина стала пухнуть, распухла въ громадину и слилась съ сѣрымъ воздухомъ кабинета; виденъ былъ только одинъ ея двигающійся ротъ; потомъ она вдругъ стала маленькой, какъ бутыл-

ка, закачалась и вмѣстѣ со столомъ ушла въ глубину комнаты....

— „*Валентинъ* (держа Анну въ объятіяхъ).— Ты воскресила меня, указала цѣль жизни! Ты обновила меня, какъ весенній дождь обновляетъ пробужденную землю! Но.... поздно, поздно. Грудь мою точитъ неизлѣчимый недугъ....“

Павелъ Васильичъ вздрогнулъ и уставился посоловѣлыми, мутными глазами на Мурашкину; минуту глядѣлъ онъ неподвижно, какъ будто ничего не понимая....

— „Явленіе XI. Тѣ же, баронъ и становой съ понятыми.... *Валентинъ.*—Берите меня!—*Анна.*— Я его! Берите и меня! Да, берите и меня! Я люблю его, люблю больше жизни!—*Баронъ.*—Анна Сергѣевна, вы забываете, что губите этимъ своего отца....“

Мурашкина опять стала пухнуть.... Дико осматриваясь, Павелъ Васильичъ приподнялся, вскрикнулъ груднымъ, неестественнымъ голосомъ, схватилъ со стола тяжелое прессъ-папье и, не помня себя, со всего размаха хватилъ имъ по головѣ Мурашкиной....

— Вяжите меня, я убилъ ее!—сказалъ онъ черезъ минуту вбѣжавшей прислугѣ.

Присяжные оправдали его.

ПРОИЗВЕДЕНІЕ ИС-
КУССТВА.

Произведеніе искусства.

Держа подъ мышкой что-то, завернутое въ 223-й нумеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, Саша Смирновъ, единственный сынъ у матери, сдѣлалъ кислое лицо и вошелъ въ кабинетъ доктора Кошелькова.

— А, милый юноша!—встрѣтилъ его докторъ,— Ну, какъ мы себя чувствуемъ? Что скажете хорошенькаго?

Саша заморгалъ глазами, приложилъ руку къ сердцу и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Кланялась вамъ, Иванъ Николаевичъ, мамаша, и велѣла благодарить васъ.... Я единственный сынъ у матери и вы спасли мнѣ жизнь.... вылѣчили отъ опасной болѣзни, и.... мы оба не знаемъ, какъ благодарить васъ.

— Полно, юноша!—перебилъ докторъ, раскисая отъ благодарности.—Я сдѣлалъ только то,

что всякій другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ....

— Я единственный сынъ у своей матери.... Мы люди бѣдные и, конечно, не можемъ заплатить вамъ за вашъ трудъ, и.... и намъ очень совѣстно, докторъ, хотя, впрочемъ, мамаша и я.... единственный сынъ у матери, убѣдительно просимъ васъ принять въ знакъ нашей благодарности.... вотъ эту вещь, которая.... Вещь очень дорогая, изъ старинной бронзы.... рѣдкое произведеніе искусства.

— Напрасно!—поморщился докторъ. — Ну, къ чему это?

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуй не отказывайтесь,—продолжалъ бормотать Саша, развертывая свертокъ.—Вы обидите отказомъ и меня, и мамашу.... Вещь очень хорошая.... изъ старинной бронзы.... Досталась она намъ отъ покойнаго папаши и мы хранили ее, какъ дорогую память.... Мой папаша скупалъ старинную бронзу и продавалъ ее любителямъ.... Теперь мамаша и я этимъ не занимаемся....

Саша развернулъ вещь и торжественно поставилъ ее на столъ. Это былъ невысокій канделябръ старой бронзы, художественной работы. Изображалъ онъ группу: на пьедесталѣ стояли двѣ женскія фигуры въ костюмахъ Евы и въ позахъ, для описанія которыхъ у меня не хватаетъ ни смѣ-

лости, ни подобающаго темперамента. Фигуры кокетливо улыбались и вообще имѣли такой видъ, что, кажется, еслибы ихъ не удерживала обязанность поддерживать подсвѣчникъ, онѣ спрыгнули бы съ пьедестала и устроили бы въ комнатѣ такой дебошъ, о которомъ, читатель, даже и думать неприлично.

Поглядѣвъ на подарокъ, докторъ медленно почесалъ за ухомъ, крякнулъ и нерѣшительно высморкался.

— Да, вещь, дѣйствительно, прекрасная,—пробормоталъ онъ,—но.... какъ бы выразиться, не тово.... нелитературна слишкомъ.... Это ужъ не декольтэ, а чортъ знаетъ что....

— То-есть, почему же?

— Не только Сухоровскій, но даже самъ змій не могъ бы придумать ничего сквернѣе.... Вѣдь поставить на столѣ такую фантасмагорію, значитъ всю квартиру загадить!

— Какъ вы странно, докторъ, смотрите на искусство!—обидѣлся Саша.—Вѣдь это художественная вещь, вы поглядите! Столько красоты и изящества, что душу наполняетъ благоговѣйное чувство и къ горлу подступаютъ слезы! Когда видишь такую красоту, то забываешь все земное.... Вы поглядите, сколько движенія, какая масса воздуха, экпрессія!

— Все это я отлично понимаю, милый мой,—

перебилъ докторъ,—но вѣдь я человѣкъ семейный, у меня тутъ дѣтишки бѣгаютъ, дамы бываютъ....

— Конечно, если смотрѣть съ точки зрѣнія толпы....—заморгалъ глазами Саша,—то, конечно, эта высоко-художественная вещь представляется въ иномъ свѣтѣ.... Но, докторъ, будьте выше толпы, тѣмъ болѣе, что своимъ отказомъ вы глубоко огорчите и меня, и мамашу.... Я единственный сынъ у матери.... вы спасли мнѣ жизнь.... Мы отдаемъ вамъ самую дорогую для насъ вещь, и.... и я жалѣю только, что у васъ нѣтъ пары для этого канделябра....

— Спасибо, голубчикъ, я очень благодаренъ.... Кланяйтесь мамашѣ, но, ей-Богу, сами посудите, у меня тутъ дѣтишки бѣгаютъ, дамы бываютъ.... Ну, впрочемъ, пусть остается! Вѣдь вамъ не втолкуешь.

— И толковать нечего!—обрадовался Саша.—Этотъ канделябръ вы тутъ поставьте, вотъ около вазы. Эка жалость, что пары нѣтъ! Такая жалость! Ну, прощайте, докторъ.

По уходѣ Саши, докторъ долго глядѣлъ на канделябръ, чесалъ у себя за ухомъ и размышлялъ.

— „Вещь превосходная, спора нѣтъ,—думалъ онъ,—и бросать ее жалко.... Оставить ее у себя невозможно.... Гм.... Вотъ задача! Кому бы ее подарить, или пожертвовать?....“

Послѣ долгаго размышленія, онъ вспомнилъ про своего хорошаго пріятеля, адвоката Ухова, которому былъ долженъ за веденіе дѣла.

— И отлично, рѣшилъ докторъ. — Ему, какъ пріятелю, неловко взять съ меня деньги, и будетъ очень прилично, если я презентую ему вещь.... Отвезу-ка ему эту чертовщину! Кстати же онъ холостъ и легкомысленъ....

Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, докторъ одѣлся, взялъ канделябръ и поѣхалъ къ Ухову....

— Здорово, пріятель! — сказалъ онъ, заставъ адвоката дома.—Я къ тебѣ.... Пришелъ благодарить, братецъ, за твои труды.... Денегъ не хочешь брать, такъ возьми хоть эту вотъ вещицу.... вотъ, братецъ ты мой.... Вещица роскошь!

Увидѣвъ вещицу, адвокатъ пришелъ въ неописанный восторгъ.

— Вотъ такъ штука!—захохоталъ онъ.—Ахъ, чортъ подери его совсѣмъ, придумаютъ же черти такую штуку! Чудесно! Восхитительно! Гдѣ ты досталъ такую прелесть?

Изливъ свой восторгъ, адвокатъ пугливо поглядѣлъ на двери и сказалъ:

— Только ты, братъ, убери свой подарокъ. Я не возьму....

— Почему?—испугался докторъ.

— А потому.... У меня бываютъ тутъ мать, кліенты.... да и отъ прислуги совѣстно....

— Ни-ни-ни.... Не смѣешь отказываться!—замахалъ руками докторъ.—Это свинство съ твоей стороны! Вещь художественная.... сколько движенія.... экпрессіи.... И говорить не хочу! Обидишь!

— Хоть бы замазано было, или фиговые листики нацѣпить....

Но докторъ еще пуще замахалъ руками, выскочилъ изъ квартиры Ухова, и довольный, что сумѣлъ сбыть съ рукъ подарокъ, поѣхалъ домой.... По уходѣ его, адвокатъ осмотрѣлъ канделябръ, потрогалъ его со всѣхъ сторонъ пальцами, и, подобно доктору, долго ломалъ голову надъ вопросомъ: что дѣлать съ подаркомъ?

— „Вещь прекрасная, — разсуждалъ онъ, — и бросить жалко, держать же у себя неприлично.... Самое лучшее, зто подарить кому-нибудь.... Вотъ что, поднесу-ка я этотъ канделябръ сегодня вечеромъ комику Шашкину. Каналья любитъ подобныя штуки, да и кстати же у него сегодня бенефисъ....“

Сказано — сдѣлано. Вечеромъ, тщательно завернутый канделябръ былъ поднесенъ комику Шашкину. Весь вечеръ уборную комика брали приступомъ мужчины, приходившіе полюбоваться на подарокъ; все время въ уборной стоялъ восторженный гулъ и смѣхъ, похожій на лошадиное ржанье.... Если какая-нибудь изъ актрисъ под-

ходила къ двери и спрашивала: „можно войти?“, то тотчасъ же слышался хриплый голосъ комика:

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка! Я не одѣтъ!

Послѣ спектакля комикъ пожималъ плечами, разводилъ руками и говорилъ:

— Ну, куда я эту гадость дѣну? Вѣдь я на частной квартирѣ живу! У меня артистки бываютъ! Это не фотографія, въ столъ не спрячешь!

— А вы, сударь, продайте,—посовѣтовалъ парикмахеръ, разоблачая комика.—Тутъ въ предмѣстьи живетъ старуха, которая покупаетъ старинную бронзу.... Поѣзжайте и спросите Смирнову.... Ее всякій знаетъ....

Комикъ послушался.... Дня черезъ два докторъ Кошельковъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и, приложивъ палецъ ко лбу, думалъ о желчныхъ кислотахъ. Вдругъ отворилась дверь и въ кабинетъ влетѣлъ Саша Смирновъ.... Онъ улыбался, сіялъ и вся его фигура дышала счастьемъ.... Въ рукахъ онъ держалъ что-то завернутое въ 303 нумеръ „Новостей“.

— Докторъ!—началъ онъ задыхаясь.—Представьте мою радость! На ваше счастье, намъ удалось пріобрѣсти пару для вашего канделябра!... Мамаша такъ счастлива.... Я единственный сынъ у матери.... вы спасли мнѣ жизнь....

И Саша, дрожа отъ чувства благодарности,

поставилъ передъ докторомъ канделябръ. Докторъ разинулъ ротъ, хотѣлъ было что-то сказать, но не сказалъ ничего: у него отнялся языкъ....

ТО БЫЛА ОНА!

То была она!

— Разскажите намъ что-нибудь, Петръ Иванычъ!—сказали дѣвицы.

Полковникъ покрутилъ свой сѣдой усъ, крякнулъ и началъ:

— Это было въ 1843 году, когда нашъ полкъ стоялъ подъ Ченстоховомъ. А надо вамъ замѣтить, сударыни мои, зима въ томъ году стояла лютая, такъ-что не проходило ни одного дня, чтобы часовые не отмораживали себѣ носовъ или вьюга не засыпала бы снѣгомъ дорогъ. Трескучій морозище, какъ сталъ въ концѣ октября, такъ и продержался вплоть до самаго апрѣля. Въ тѣ поры, надо вамъ замѣтить, я не выглядывалъ такимъ старымъ, прокопченнымъ чубукомъ, какъ теперь, а былъ, можете себѣ представить, молодецъ-молодцомъ, кровь съ молокомъ, красавецъ

мужчина однимъ словомъ.... Франтилъ я, какъ павлинъ, сорилъ деньгами направо и налѣво, и закручивалъ свои усы, какъ ни одинъ прапорщикъ въ свѣтѣ. Бывало, стоило мнѣ только моргнуть глазомъ, звякнуть шпорой и крутнуть усъ— и самая гордая красавица обращалась въ послушнаго ягненка. Жаденъ я былъ до женщинъ, какъ паукъ до мухъ, и еслибы, сударыни мои, я сталъ сейчасъ перечислять вамъ полячекъ и жидовочекъ, которыя въ свое время висли на моей шеѣ, то, смѣю васъ увѣрить, въ математикѣ не хватило бы чиселъ.... Прибавьте ко всему этому, что я состоялъ полковымъ адъютантомъ, отлично плясалъ мазурку и былъ женатъ на прехорошенькой женщинѣ, упокой, Господи, ея душу. А какой я былъ сорванецъ, буйная головушка, вы и представить себѣ не можете. Если въ уѣздѣ случалась какая-нибудь амурная кувырколегія, если кто-нибудь вырывалъ жиду пейсы, или билъ по мордасамъ шляхтича, то такъ и знали, что это подпоручикъ Вывертовъ натворилъ.

„Въ качествѣ адъютанта мнѣ много приходилось рыскать по уѣзду. То я ѣздилъ овесъ или сѣно покупать, то продавалъ жидамъ и панамъ бракованныхъ лошадей, а чаще всего, сударыни мои, подъ видомъ службы скакалъ къ паночкамъ на рандеву, или къ богатымъ помѣщикамъ поиграть въ картишки.... Въ ночь подъ Рождество,

какъ теперь помню, я ѣхалъ изъ Ченстохова въ деревню Шевелки, куда послали меня по служебнымъ надобностямъ. Погода была, я вамъ доложу, нестерпимая.... Морозъ такъ трещалъ и сердился, что даже лошади крякали, а я и мой возница въ какіе-нибудь полчаса обратились въ двѣ сосульки.... Съ морозомъ еще можно мириться, куда ни шло, но представьте себѣ, на полдорогѣ вдругъ поднялась мятель. Бѣлый саванъ закружился, завертѣлся, какъ чортъ передъ заутреней, вѣтеръ застоналъ, точно у него жену отняли, дорога исчезла.... Не больше, какъ въ десять минутъ, меня, возницу и лошадей облѣпило снѣгомъ.

— „Ваше благородіе, мы съ дороги сбились!“— говоритъ возница.

— „Ахъ, чортъ возьми! Что жъ ты, болванъ, глядѣлъ?—Ну, ѣзжай прямо, авось, наткнемся на жилье!“...

„Ну-съ, ѣхали мы, ѣхали, кружились, кружились и этакъ къ полночи наши кони уперлись въ ворота имѣнія, какъ теперь помню, графа Баядловскаго, богатаго поляка. Поляки и жиды для меня все равно, что хрѣнъ послѣ обѣда, но надо правду сказать, шляхта гостепріимный народъ и нѣтъ горячѣй женщинъ, какъ паночки.... Насъ впустили.... Самъ графъ Баядловскій жилъ въ ту пору въ Парижѣ, и насъ принялъ его управляющій, полякъ Казимиръ Хапцинскій. Помню, не

прошло и часа, какъ я уже сидѣлъ во флигелѣ управляющаго, миндальничалъ съ его женой, пилъ и игралъ въ карты. Выигравъ пять червонцевъ и напившись, я попросился спать. За неимѣніемъ мѣста во флигелѣ, мнѣ отвели комнату въ графскихъ хоромахъ.

— „Вы не боитесь привидѣній?"—спросилъ управляющій, вводя меня въ небольшую комнату, прилегавшую къ громадной пустой залѣ, полной холода и потемокъ.

— „А развѣ тутъ есть привидѣнія?"—спросилъ я, слушая, какъ глухое эхо повторяетъ мои слова и шаги.

— „Не знаю", засмѣялся полякъ, „но мнѣ кажется, что это мѣсто самое подходящее для привидѣній и нечистыхъ духовъ".

„Я хорошо заложилъ за галстукъ и былъ пьянъ, какъ сорокъ тысячъ сапожниковъ, но, признаться, отъ такихъ словъ меня обдало холодкомъ. Чортъ побери, лучше сотня черкесовъ, чѣмъ одно привидѣніе! Но дѣлать было нечего, я раздѣлся и легъ.... Моя свѣчка освѣщала стѣны еле-еле, а на стѣнахъ, можете себѣ представить, портреты предковъ, одинъ страшнѣе другаго, старинное оружіе, охотничьи рога и прочая фантасмагорія.... Тишина стояла, какъ въ могилѣ, только въ сосѣдней залѣ шуршали мыши и потрескивала разсохшаяся мебель. А за окномъ тво-

рилось что-то адское.... Вѣтеръ отпѣвалъ кого-то, деревья гнулись съ воемъ и плачемъ; какая-то чертовщина, должно-быть, ставня, жалобно скрипѣла и стучала по оконной рамѣ. Прибавьте ко всему этому, что у меня кружилась голова, а съ головою и весь міръ.... Когда я закрывалъ глаза, мнѣ казалось, что моя кровать носилась по всему пустому дому и играла въ чехарду съ духами.... Чтобы уменьшить свой страхъ, я первымъ дѣломъ потушилъ свѣчу, такъ-какъ пустующія комнаты при свѣтѣ гораздо страшнѣе, чѣмъ въ потемкахъ"....

Три дѣвицы, слушавшія полковника, придвинулись поближе къ разсказчику и уставились на него неподвижными глазами.

— Ну-съ,—продолжалъ полковникъ,—какъ я ни старался уснуть, но сонъ бѣжалъ отъ меня. То мнѣ казалось, что воры лѣзутъ въ окно, то слышался чей-то шопотъ, то кто-то касался моего плеча—вообще чудилась чертовщина, какая знакома всякому, кто когда-нибудь находился въ нервномъ напряженіи. Но, можете себѣ представить, среди чертовщины и хаоса звуковъ я явственно различаю звукъ, похожій на шлепанье туфель. Прислушиваюсь—и что бы вы думали? слышу я, что кто-то подходитъ къ моей двери, кашляетъ и отворяетъ ее....

— „Кто здѣсь?"—спрашиваю я, поднимаясь.

— „Это я.... не бойся!“—отвѣчаетъ женскій голосъ.

„Я направился къ двери.... Прошло нѣсколько секундъ и я почувствовалъ, какъ двѣ женскія ручки, мягкія, какъ гагачій пухъ, легли мнѣ на плечи....

— „Я люблю тебя.... Ты для меня дороже жизни“,—сказалъ женскій мелодичный голосокъ.

„Горячее дыханіе коснулось моей щеки.... Забывъ про мятель, про духовъ, про все на свѣтѣ, я обхватилъ рукой талію.... и какую талію! Такія таліи природа можетъ изготовлять только по особому заказу, разъ въ десять лѣтъ.... Тонкая, точно выточенная, горячая, эфемерная, какъ дыханіе младенца! Я не выдержалъ, крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ.... Уста наши слились въ крѣпкій, продолжительный поцѣлуй, и.... клянусь вамъ всѣми женщинами въ мірѣ, я до могилы не забуду этого поцѣлуя“....

Полковникъ умолкъ, выпилъ полстакана воды и продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Когда на другой день утромъ я выглянулъ въ окно, то увидѣлъ, что мятель стала еще больше.... Ѣхать не было никакой возможности. Пришлось весь день сидѣть у управляющаго, играть въ карты и пить.... Вечеромъ я опять былъ въ пустомъ домѣ, и ровно въ полночь я опять обнималъ знакомую талію.... Да, барышни, еслибъ не

любовь, околѣлъ бы я тогда со скуки.... Спился бы, пожалуй....

Полковникъ вздохнулъ, поднялся и молча зашагалъ по гостинной.

— Но.... что же дальше?—спросила одна изъ барышенъ, замирая отъ ожиданія.

— Ничего.... На слѣдующій день я былъ уже въ дорогѣ....

— Но.... кто же была та женщина?—спросили нерѣшительно барышни.

— Понятно, кто!

— Ничего не понятно....

— Это была моя жена!

Всѣ три барышни вскочили и вытаращили на полковника глаза.

— То-есть.... какъ же такъ?—спросили онѣ.

— Ахъ, Господи, что же тутъ непонятнаго? пожалъ плечами полковникъ.—Вѣдь я, кажется, достаточно ясно выражался! Ѣхалъ я въ Шевелки съ женой.... Ночевала она въ пустомъ домѣ въ сосѣдней комнатѣ.... Очень ясно!

— Ммм.... промычали барышни, разочарованно опуская руки.—Начали хорошо, а кончили Богъ знаетъ какъ.... Жена.... Извините, но это даже не интересно и.... нисколько не умно....

— Странно! Значитъ, вамъ хотѣлось бы, чтобъ это была не моя законная жена, а какая-нибудь посторонняя женщина! Ахъ, барышни, барышни!

Если вы теперь такъ разсуждаете, то что же вы будете говорить, когда повыходите замужъ?

Барышни сконфузились и замолчали. Онѣ надулись, нахмурились и, совсѣмъ разочарованныя, стали громко зѣвать.... За ужиномъ онѣ ничего не ѣли, катали изъ хлѣба шарики и молчали....

— Нѣтъ, это даже.... безсовѣстно!—не выдержала одна изъ нихъ.—Зачѣмъ же было разсказывать, если такой конецъ? Ничего хорошаго въ этомъ разсказѣ нѣтъ.... Даже дико!

— Начали такъ заманчиво и.... вдругъ оборвали....—добавила другая.—Насмѣшка, и больше ничего.

— Ну, ну, ну.... я пошутилъ....—сказалъ полковникъ.—Не сердитесь, барышни, я пошутилъ.... То была не моя жена, а жена управляющаго....

— Да?!

Барышни вдругъ повеселѣли, глазки ихъ засверкали.... Онѣ придвинулись къ полковнику и, подливая ему вина, засыпали его вопросами.... Скука изчезла, изчезъ скоро и ужинъ, такъ-какъ барышни стали кушать съ большимъ аппетитомъ.

T C C C!...

Тссс!..

Иванъ Егоровичъ Краснухинъ, газетный сотрудникъ средней руки, возвращается домой поздно ночью нахмуренный, серьезный и какъ-то особенно сосредоточенный. Видъ у него такой, точно онъ ждетъ обыска, или замышляетъ самоубійство. Пошагавъ по своей комнатѣ, онъ останавливается, взъерошиваетъ волосы и говоритъ тономъ Лаэрта, собирающагося мстить за свою сестру:

— Разбитъ, утомленъ душой, на сердцѣ гнетущая тоска, а ты изволь садится и писать! И это называется жизнью?! Отчего еще никто не описалъ того мучительнаго разлада, который происходитъ въ писателѣ, когда онъ грустенъ, но долженъ смѣшить толпу, или когда веселъ, а долженъ позаказу лить слезы? Я долженъ быть иг-

ривъ, равнодушно-холоденъ, остроуменъ, но представьте, что меня гнететъ тоска, или, положимъ, я боленъ, у меня умираетъ ребенокъ, родитъ жена!

Читаетъ онъ монологъ, потрясая кулакомъ, и вращая глазами.... Попрекнувъ своею работой человѣчество и русскую литературу, Краснухинъ шагаетъ въ спальню и будитъ жену.

— Надя,—говоритъ онъ,—я сажусь писать... Пожалуйста, чтобъ мнѣ никто не мѣшалъ. Нельзя писать если ревутъ дѣти или храпятъ кухарки... Распорядись также, чтобъ былъ чай и... бифштексъ, что ли... Ты знаешь, я безъ чаю не могу писать... Чай, это единственное, что подкрѣпляетъ меня въ работѣ.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ снимаетъ сюртукъ, жилетку и сапоги. Разоблачается онъ медленно, томно, черезъ часъ по столовой ложкѣ, какъ актриса-бенефиціантка, утомленная игрой и оваціями; затѣмъ, придавъ своему лицу выраженіе оскорбленной невинности, онъ садится за письменный столъ.

На столѣ вы найдете все, чѣмъ окружаетъ себя самомнящая бездарность и фальшивая, искусственная восторженность. Ничего случайнаго, будничнаго, но все, каждая самомалѣйшая бездѣлушка носитъ на себѣ характеръ обдуманности и строгой программы, точно столъ убиралъ не хозяинъ, а

бутафоръ. Бюстики и карточки великихъ писателей, куча черновыхъ рукописей, томъ Бѣлинскаго съ загнутой страницей, затылочная кость вмѣсто пепельницы, газетный листъ, сложенный небрежно, но такъ, чтобы видно было мѣсто, очерченное синимъ карандашомъ и украшенное на поляхъ крупною надписью: „подло!!" Тутъ же съ десятокъ свѣже-очиненныхъ карандашей и ручекъ съ новыми перьями, очевидно положенныхъ съ тою цѣлью, чтобы внѣшнія причины и случайности, въ родѣ порчи пера, не могли прерывать ни на секунду свободнаго, творческаго полета...

Краснухинъ откидывается на спинку кресла и, закрывъ глаза, погружается въ обдумываніе темы. Ему слышно, какъ жена шлепаетъ туфлями и колетъ лучину для самовара. Она еще не совсѣмъ проснулась, что видно изъ того, что самоварная крышка и ножъ то и дѣло валятся изъ ея рукъ. Скоро доносится шипѣнье самовара и поджариваемаго мяса. Жена не перестаетъ колоть лучину и стучать около печки заслонками, вьюшками и дверцами. Вдругъ Краснухинъ вздрагиваетъ, открываетъ испуганно глаза и начинаетъ нюхать воздухъ.

— Боже мой, угаръ! стонетъ онъ, страдальчески морща свое лицо.—Угаръ! Эта несносная женщина задалась цѣлью отравить меня! Ну, ска-

жите же, Бога ради, могу ли я писать при такой обстановкѣ?

Онъ бѣжитъ въ кухню и разражается тамъ драматическимъ воплемъ. Когда, немного погодя, жена, осторожно ступая на цыпочкахъ, приноситъ ему скаканъ чаю, онъ попрежнему сидитъ въ креслѣ, съ закрытыми глазами, и погруженъ въ свою тему. Онъ не шевелится, слегка барабанитъ по лбу двумя пальцами и дѣлаетъ видъ, что не слышитъ присутствія жены... На лицѣ его попрежнему выраженіе оскорбленной невинности... По уходѣ жены, онъ приступаетъ къ писанію. Какъ дѣвочка, которой подарили дорогой вѣеръ, онъ, прежде чѣмъ написать заглавіе, долго кокетничаетъ передъ самимъ собою, рисуется, ломается... Онъ сжимаетъ себѣ виски, то корчится и поджимаетъ подъ кресло ноги, точно отъ боли, то томно жмурится, какъ котъ на солнцѣ... Наконецъ, не безъ колебанія протягиваетъ онъ къ чернилницѣ руку и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто подписываетъ смертный приговоръ, дѣлаетъ заглавіе...

— Мама, дай воды!—слышитъ онъ голосъ сына.

— Тссс! говоритъ мать.—Папа пишетъ! Тссс...

Папа пишетъ быстро, быстро, безъ помарокъ и остановокъ, едва успѣвая перелистывать страницы... Бюсты и портреты знаменитыхъ писате-

лей глядятъ на его быстро бѣгающее перо, не шевелятся и, кажется, думаютъ: „Эка, братъ, какъ ты насобачился!"...

— Тссс!—скрипитъ перо...

— Тссс!—издаютъ писатели, когда вздрагиваютъ вмѣстѣ со столомъ отъ толчка колѣномъ...

Вдругъ Краснухинъ выпрямляется, кладетъ перо и прислушивается... Онъ слышитъ ровный, монотонный шопотъ... Это въ сосѣдней комнатѣ жилецъ Ѳома Николаевичъ молится богу.

— Послушайте! — кричитъ Краснухинъ.—Не угодно ли вамъ потише молиться? Вы мѣшаете мнѣ писать!

— Виноватъ-съ... робко отвѣчаетъ Ѳома Николаевичъ.

— Тссс!

Исписавъ пять страничекъ, Краснухинъ потягивается и глядитъ на часы.

— Боже, ужъ три часа!—стонетъ онъ.—Люди спятъ, а я... одинъ я долженъ работать!

Разбитый, утомленный, склонивъ голову на бокъ, онъ идетъ въ спальню, будитъ жену и говоритъ томнымъ голосомъ:

— Надя, дай мнѣ еще чаю! Я... ослабѣлъ!

Какъ этотъ деспотъ непохожъ въ это время на того маленькаго, приниженнаго, безсловеснаго человѣчка, котораго мы привыкли видѣть въ редакціяхъ!

Пишетъ онъ до четырехъ часовъ и охотно писалъ бы до шести, еслибы не иссякла тема. Кокетничанье и ломанье передъ самимъ собою, передъ неодушевленными предметами, вдали отъ нескромнаго, наблюдающаго ока, деспотизмъ и тиранія надъ маленькимъ муравейникомъ, попавшимъ подъ его власть, составляютъ соль и медъ его существованія. Ахъ, какъ бы онъ развернулся, если бы сдѣлался извѣстнымъ писателемъ, редакторомъ, или хотя бы издателемъ!

— Я такъ утомленъ, что едва ли усну.... жеманничаетъ онъ, ложась спать.—Наша работа, эта проклятая, неблагодарная, каторжная работа. утомляетъ не такъ тѣло, какъ душу.... Мнѣ бы бромистаго калія принять.... Охъ, видитъ Богъ, еслибъ не семья, бросилъ бы я эту работу.... Писать по заказу!! Бррр....

Спитъ онъ до двѣнадцати, или до часа дня, спитъ крѣпко и здорово....

— Онъ всю ночь писалъ!—шепчетъ жена, дѣлая испуганное лицо.—Тссс!

Никто не смѣетъ ни говорить, ни ходить, ни стучать.... Его сонъ—святыня, за оскорбленіе которой дорого поплатится виновный!

— Тссс!—носится по квартирѣ.—Тссс!

МЕСТЬ.

Месть.

Левъ Саввичъ Турмановъ, дюжинный обыватель, имѣющій капиталецъ, молодую жену и солидную плѣшь, какъ-то игралъ на именинахъ у пріятеля въ винтъ. Послѣ одного хорошаго минуса, когда его въ потъ прошибло и въ краску ударило, онъ вдругъ вспомнилъ, что давно не пилъ водки. Поднявшись, онъ на цыпочкахъ, солидно покачиваясь, пробрался между столовъ, прошелъ черезъ гостиную, гдѣ плясала молодежь (тутъ онъ снисходительно улыбнулся и отечески похлопалъ по плечу молодаго, жидкаго аптекаря), затѣмъ юркнулъ въ маленькую дверь, которая вела въ буфетную. Тутъ на кругломъ столикѣ стояли бутылки, графины съ водкой.... Около нихъ, среди другой закуски, зеленѣя лукомъ и петрушкой, покоилась на тарелкѣ на половину уже съѣденная

селедка. Левъ Саввичъ налилъ себѣ рюмку, пошевелилъ въ воздухѣ пальцами, какъ бы собираясь говорить рѣчь, выпилъ и сдѣлалъ страдальческое лицо, потомъ ткнулъ вилкой въ селедку и.... Но тутъ за стѣной послышались голоса.

— Пожалуй, пожалуй....—бойко говорилъ женскій голосъ.—Только когда это будетъ?

— „Моя жена?“ узналъ Левъ Саввичъ. „Съ кѣмъ это она?“

— Когда хочешь, мой другъ....—отвѣчалъ за стѣной густой, сочный басъ. — Сегодня не совсѣмъ удобно, завтра я цѣлешенькій день занятъ....

— „Это Дегтяревъ?“ узналъ Турмановъ въ басѣ одного изъ своихъ пріятелей. „И ты, Брутъ, туда же! Неужели и его ужъ подцѣпила? Экая ненасытная, неутомимая баба! Дня не можетъ продышать безъ романа!“

— Да, завтра я занятъ,—продолжалъ басъ.— Если хочешь, напиши мнѣ завтра что-нибудь.... Буду радъ и счастливъ.... Только намъ слѣдовало бы упорядочить нашу корреспонденцію.... Нужно придумать какой-нибудь фокусъ. Почтой посылать не совсѣмъ удобно. Если я тебѣ напишу, то твой индюкъ можетъ перехватить письмо у почтальона; если ты мнѣ напишешь, то моя половина получитъ безъ меня и навѣрное распечатаетъ....

— Какъ же быть?

— Нужно фокусъ какой-нибудь придумать.... Черезъ прислугу посылать тоже нельзя, потому что твой Собакевичъ навѣрное держитъ въ ежовыхъ горничную и лакея.... Что, онъ въ карты играетъ?

— Да.... Сидитъ себѣ и свои буркалы на проигрышъ пялитъ.... Вѣчно, дуралей, проигрываетъ!

— Значитъ, въ любви ему везетъ!—засмѣялся Дегтяревъ.—Но оставимъ говорить про него.... Когда мнѣ приходится говорить про этого гуся, то у меня въ горлѣ дѣлается перхотка.... Вотъ, мамочка, какой фортель я придумалъ.... Завтра, ровно въ шесть часовъ вечера я, возвращаясь изъ конторы, буду проходить черезъ городской садъ, гдѣ мнѣ нужно повидаться со смотрителемъ.... Такъ вотъ ты, душа моя, постарайся непремѣнно къ шести часамъ, не позже, положить записочку въ ту мраморную вазу, которая, знаешь, стоитъ налѣво отъ виноградной бесѣдки....

— Знаю, знаю....

— Это выйдетъ и поэтично, и таинственно, и ново.... Не узнаетъ ни твой пузанъ, ни моя тетеха.... Поняла?

Левъ Саввичъ выпилъ еще одну рюмку и отправился къ игорному столу. Открытіе, которое онъ только-что сдѣлалъ, не поразило его, не удивило и нимало не возмутило.... Время, когда онъ возмущался, устраивалъ сцены,

бранился и даже дрался, давно уже прошло; онъ махнулъ рукой и теперь смотрѣлъ на романы своей вѣтреной супруги сквозь пальцы.

Но ему все-таки было непріятно. Такія выраженія, какъ индюкъ, Собакевичъ, гусь и проч., покоробили его самолюбіе и своею обидною сущностью, и тономъ, какимъ они были сказаны.

„Какая, однако, каналья этотъ Дегтяревъ!"— думалъ онъ, записывая минусы. „Когда встрѣчается на улицѣ, такимъ милымъ другомъ прикидывается, скалитъ зубы и по животу гладитъ, а теперь, поди-ка, какія пули отливаетъ! Въ лицо другомъ величаетъ, а за глаза я у него и индюкъ, и пузанъ...."

Чѣмъ глубже онъ погружался въ свои противные минусы, тѣмъ гуще и тяжелѣе становилось чувство обиды....

„Молокососъ..."—думалъ онъ, сердито ломая мѣлокъ.... „Мальчишка.... Не хочется только связываться, а то я показалъ бы тебѣ Собакевича! Свистунишка.... Хлестаковъ..."

За ужиномъ онъ не могъ равнодушно видѣть физіономію Дегтярева, а тотъ, какъ нарочно, неотвязчиво приставалъ къ нему съ вопросами: выигралъ ли онъ? отчего такъ грустенъ? и проч. И даже имѣлъ нахальство, на правахъ добраго знакомаго, громко пожурить его супругу за то, что та плохо заботится о здоровьѣ мужа. А су-

пруга, какъ ни въ чемъ не бывало, глядѣла на мужа маслеными глазками, весело смѣялась, невинно болтала, такъ-что самъ чортъ не заподозрилъ бы ея въ невѣрности.... Возвратясь домой, Левъ Саввичъ чувствовалъ себя злымъ и неудовлетвореннымъ, точно онъ вмѣсто ужина съѣлъ что-нибудь противное и тошнотворное.... Быть-можетъ, онъ пересилилъ бы себя и забылся, но болтовня супруги и ея улыбки каждую секунду напоминали ему про индюка, гуся, пузана....

„По щекамъ бы его, подлеца, отхлопать...“ думалъ онъ. „Оборвать бы его публично“.

И онъ сталъ успокоивать себя мечтами мстительнаго свойства. Онъ думалъ, что хорошо бы теперь побить Дегтярева, подстрѣлить его на дуэли, какъ воробья.... спихнуть съ должности, или положить въ мраморную вазу что-нибудь неприличное, вонючее—дохлую крысу, напримѣръ.... Недурно бы женино письмо заранѣе выкрасть изъ вазы, а вмѣсто него положить какія-нибудь скабрезные стишки съ надписью „Твоя Акулька“, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Долго Турмановъ шагалъ по спальной и услаждалъ себя подобными мечтами. Вдругъ онъ остановился и хлопнулъ себя по лбу.

— Нашелъ, браво!—воскликнулъ онъ и даже просіялъ отъ удовольствія.—Это выйдетъ отлично! О-отлично!

Когда уснула его супруга, онъ сѣлъ за столъ и послѣ долгаго раздумья, всячески коверкая свой почеркъ и изобрѣтая грамматическія ошибки, написалъ слѣдующіе: „Купцу Дулпкову. Милостивый Государь! Если къ шести часамъ вечера сего 12-го сентября въ мраморную вазу, что находится въ городскомъ саду налѣво отъ виноградной бесѣдки, не будетъ положено вами *двѣсти* рублей, то вы будете убиты и ваша галантерейная лавка взлетитъ на воздухъ“. Написавъ такое письмо, Левъ Саввичъ подскочилъ отъ восторга.

— Каково придумано, а?—бормоталъ онъ, потирая руки.—Шикарно! Лучшей мести самъ сатана не придумаетъ! Естественно, купчина струситъ и сейчасъ же донесетъ полиціи, а полиція засядетъ къ шести часамъ въ кусты—и цапъ-царапъ его, голубчика, когда онъ за письмомъ полѣзетъ!... То-то струситъ! Пока дѣло выяснится, такъ успѣетъ каналья и натерпѣться, и насидѣться.... Браво!

Левъ Саввичъ прилѣпилъ марку къ письму и самъ снесъ его въ почтовый ящикъ. Уснулъ онъ съ блаженнѣйшей улыбкой и спалъ такъ сладко, какъ давно уже не спалъ. Проснувшись утромъ и вспомнивши свою выдумку, онъ весело замурлыкалъ и даже потрогалъ невѣрную жену за подбородочекъ. Отправляясь на службу и потомъ

сидя въ канцеляріи, онъ все время улыбался и соображалъ себѣ ужасъ Дегтярева, когда тотъ попадетъ въ западню....

Въ шестомъ часу онъ не выдержалъ и побѣжалъ въ городской садъ, чтобы воочію полюбоваться отчаяннымъ положеніемъ врага.

„Ага!“ подумалъ онъ, встрѣтивъ въ аллеѣ городоваго.

Дойдя до виноградной бесѣдки, онъ сѣлъ подъ кустъ и, устремивъ жадные взоры на вазу, принялся ждать. Нетерпѣніе его не имѣло предѣловъ. Ровно въ шесть часовъ показался Дегтяревъ. Молодой человѣкъ, повидимому, былъ подъ хмѣлькомъ и въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Цилиндръ его ухорски сидѣлъ на затылкѣ и изъ-за распахнувшагося пальто вмѣстѣ съ жилеткой, казалось, выглядывала сама подгулявшая душа. Онъ насвистывалъ и курилъ сигару....

„Вотъ сейчасъ узнаешь индюка да гуся!“ злорадствовалъ Турмановъ. „Погоди!“

Дегтяревъ подошелъ къ вазѣ и лѣниво сунулъ въ нее руку.... Левъ Саввичъ приподнялся и впился въ него глазами.... Молодой человѣкъ вытащилъ изъ вазы небольшой пакетъ, оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ и пожалъ плечами; потомъ онъ нерѣшительно распечаталъ его, опять пожалъ плечами и изобразилъ на лицѣ своемъ крайнее недоумѣніе: въ пакетѣ были двѣ

радужныя бумажки! Долго осматривалъ ихъ Дегтяревъ.... Въ концѣ концовъ, не переставая пожимать плечами, онъ сунулъ ихъ въ карманъ и произнесъ: „Merci!"

Несчастный Левъ Саввичъ слышалъ это „merci". Цѣлый вечеръ потомъ стоялъ онъ противъ лавки Дулинова, грозился на вывѣску кулакомъ и бормоталъ въ негодованіи:

— Тррусъ! Купчишка! Презрѣнный Китъ Китычъ! Тррусъ! Заяцъ толстопузый!...

НА ЧУЖБИНѢ.

На чужбинѣ.

Воскресный полдень. Помѣщикъ Евграфъ Какшевъ сидитъ у себя въ столовой за роскошно сервированнымъ столомъ и медленно завтракаетъ. Съ нимъ раздѣляетъ трапезу чистенькій, гладко выбритый старикъ-французикъ m-r Шампунь. Этотъ Шампунь былъ когда-то у Какшева гувернеромъ, училъ его дѣтей манерамъ, хорошему произношенію и танцамъ, потомъ же, когда дѣти Какшева выросли и стали поручиками, Шампунь остался чѣмъ-то въ родѣ бонны мужскаго пола. Обязанности бывшаго гувернера не сложны. Онъ долженъ прилично одѣваться, пахнуть духами, выслушивать праздную болтовню Какшева, ѣсть, пить, спать и—больше, кажется, ничего. За это онъ получаетъ столъ, комнату и неопредѣленное жалованье.

Какпшевъ ѣстъ и, по обыкновенію, празднословитъ.

— Смерть! — говоритъ онъ, вытирая слезы, выступившія послѣ куска ветчины, густо вымазаннаго горчицей.—Уфъ! Въ голову и во всѣ суставы ударило. А вотъ отъ вашей французской горчицы не будетъ этого, хоть всю банку съѣшь.

— Кто любитъ французскую, а кто русскую....— кротко заявляетъ Шампунь.

— Никто не любитъ французской, развѣ только одни французы. А французу что ни подай, все стрескаетъ: и лягушку, и крысу, и тараканов.... брр! Вамъ, напримѣръ, эта ветчина не нравится, потому-что она русская, а подай вамъ жареное стекло и скажи, что оно французское, вы станете ѣсть и причмокивать.... По-вашему, все русское скверно....

— Я этого не говорю.

— Все русское скверно, а французское—о, сэ трэ жоли! По-вашему, лучше и страны нѣтъ, какъ Франція, а по-моему.... ну, что такое, Франція, говоря по совѣсти? Кусочекъ земли! Пошли туда нашего исправника, такъ онъ черезъ мѣсяцъ же перевода запроситъ: повернуться негдѣ! Вашу Францію всю въ одинъ день можно объѣздить, а у насъ выйдешь за ворота—конца краю не видно! Ѣдешь, ѣдешь....

— Да, monsieur, Россія громадная страна.

— То-то вотъ и есть. По-вашему, лучше французовъ и людей нѣтъ. Ученый, умный народъ! Цивилизація. Согласенъ, французы всѣ ученые, манерные.... это вѣрно.... Французъ никогда не позволитъ себѣ невѣжества: во-время дамѣ стулъ подастъ, раковъ не станетъ ѣсть вилкой, не харкнетъ на полъ, но.... нѣтъ того духу! Духу того въ немъ нѣтъ! Я не могу только вамъ объяснить, но, какъ бы это выразиться, во французѣ не хватаетъ чего-то такого этакаго.... (говорящій шевелитъ пальцами) чего-то такого.... юридическаго. Я, помню, читалъ гдѣ-то, что у васъ у всѣхъ умъ пріобрѣтенный, изъ книгъ, а у насъ умъ врожденный.... Ежели русскаго обучить, какъ слѣдуетъ, наукамъ, то никакой вашъ профессоръ не сравняется.

— Можетъ-быть....—какъ бы нехотя говоритъ Шампунь.

— Нѣтъ, не можетъ быть, а вѣрно! Нечего морщиться, правду говорю! Русскій умъ—изобрѣтательный умъ! Только, конечно, ходу ему не даютъ, да и хвастать онъ не умѣетъ.... Изобрѣтетъ что-нибудь и поломаетъ, или же дѣтишкамъ отдастъ играть, а вашъ французъ изобрѣтетъ какую-нибудь чепуху и на весь свѣтъ кричитъ. Намедни кучеръ Іона сдѣлалъ изъ дерева человѣчка: дернешь этого человѣчка за ниточку, а онъ и сдѣлаетъ непристойность.... Однакоже Іона

не хвастаетъ. Вообще.... не нравятся мнѣ французы! Я про васъ не говорю, а вообще.... Безнравственный народъ! Наружностью словно какъ бы и на людей походятъ, а живутъ какъ собаки.... Взять хоть, напримѣръ, бракъ. У насъ, коли женился, такъ прилѣпись къ женѣ и никакихъ разговоровъ, а у васъ чортъ знаетъ что. Мужъ цѣлый день въ кафе сидитъ, а жена напуститъ полный домъ французовъ и давай съ ними канканировать.

— Это не правда! — не выдерживаетъ Шампунь, вспыхивая.—Во Франціи семейный принципъ стоитъ очень высоко!

— Знаемъ мы этотъ принципъ! А вамъ стыдно защищать.... Надо безпристрастно: свиньи, такъ и есть свиньи ... Спасибо нѣмцамъ за то, что побили.... Ей-Богу, спасибо.... Дай Богъ имъ здоровья....

— Въ такомъ случаѣ, monsieur, я не понимаю,—говоритъ французъ, вскакивая и сверкая глазами,—если вы ненавидите французовъ, зачѣмъ же вы меня держите?

— Куда же мнѣ васъ дѣвать?

— Отпустите меня и я уѣду во Францію!

— Что-о-о? Да нешто васъ пустятъ теперь во Францію? Вѣдь вы измѣнникъ своему отечеству! То у васъ Наполеонъ великій человѣкъ, то Гамбетта.... самъ чортъ васъ не разберетъ!

— Monsieur!—говоритъ по-французски Шампунь, брызжа и комкая въ рукахъ салфетку. — Выше оскорбленія, которое вы нанесли сейчасъ моему чувству, не могъ бы придумать и врагъ мой! Все кончено!!

И сдѣлавъ рукой трагическій жестъ, французъ манерно бросаетъ на столъ салфетку и съ достоинствомъ выходитъ.

Часа черезъ три на столѣ перемѣняется сервировка и прислуга подаетъ обѣдъ. Какишевъ садится за обѣдъ одинъ. Послѣ предобѣденной рюмки у него является жажда празднословія. Поболтать хочется, а слушателя нѣтъ....

— Что дѣлаетъ Альфонсъ Людовиковичъ? — спрашиваетъ онъ лакея.

— Чемоданъ укладываютъ-съ....

— Экая дуррында, прости Господи!...

Шампунь сидитъ у себя на полу среди комнаты и дрожащими руками укладываетъ въ чемоданъ бѣлье, флаконы изъ-подъ духовъ, молитвенники, помочи, галстуки.... Вся его приличная фигура, чемоданъ, кровать и столъ такъ и дышатъ изяществомъ и женственностью. Изъ его большихъ голубыхъ глазъ капаютъ въ чемоданъ крупныя слезы.

— Куда же это вы?—спрашиваетъ Какишевъ, постоявъ немного.

Французъ молчитъ.

— Уѣзжать хотите?—продолжаетъ Какпшевъ.— Что жъ, какъ знаете.... Не смѣю удерживать.... Только вотъ что, странно: какъ это вы безъ паспорта поѣдете? Удивляюсь! Вы знаете, вѣдь я потерялъ вашъ паспортъ? Сунулъ его куда-то между бумагъ, онъ и потерялся.... А у насъ насчетъ паспортовъ строго. Не успѣете и пяти верстъ проѣхать, какъ васъ сцарапаютъ.

Шампунь поднимаетъ голову и недовѣрчиво глядитъ на Какпшева.

— Да.... Вотъ увидите! Замѣтятъ по лицу, что вы безъ паспорта, и сейчасъ: кто таковъ? Альфонсъ Шампунь! Знаемъ мы этихъ Альфонсовъ Шампуней! А не угодно ли вамъ по этапу въ не столь отдаленныя!

— Вы это шутите?

— Съ какой стати мнѣ шутить? Очень мнѣ нужно! Только смотрите, условіе: не извольте потомъ хныкать и письма писать. И пальцемъ не пошевельну, когда васъ мимо въ кандалахъ проведутъ!

Шампунь вскакиваетъ и, блѣдный, широкоглазый, начинаетъ шагать по комнатѣ.

— Что вы со мной дѣлаете?!—говоритъ онъ, въ отчаяніи хватая себя за голову.—Боже мой! О, будь проклятъ тотъ часъ, когда мнѣ пришла въ голову пагубная мысль оставить отечество!

— Ну, ну, ну.... я пошутилъ!—говоритъ Ка-

кишевъ, понизивъ тонъ.—Чудакъ какой, шутокъ не понимаетъ! Слова сказать нельзя!

— Дорогой мой!—взвизгиваетъ Шампунь, успокоенный тономъ Какишева.—Клянусь вамъ, я привязанъ къ Россіи, къ вамъ и къ вашимъ дѣтямъ.... Оставить васъ для меня такъ же тяжело, какъ умереть! Но каждое ваше слово рѣжетъ мнѣ сердце!

— Ахъ, чудакъ! Если я французовъ ругаю, такъ вамъ-то съ какой стати обижаться? Мало ли кого мы не ругаемъ, такъ всѣмъ и обижаться? А вы наплюйте.... Взять вотъ Лазаря Исакича, арендатора.... Я его и, такъ, и этакъ, и жидомъ, и пархомъ, и свиничье ухо изъ полы дѣлаю, и за пейсы хватаю.... не обижается же!

— Но то вѣдь рабъ! Изъ-за копѣйки онъ готовъ плевки подтирать!

— Ну, ну, ну.... будетъ! Пойдемъ обѣдать! Миръ....

Шампунь пудритъ свое заплаканное лицо и идетъ съ Какишевымъ въ столовую. Первое блюдо съѣдается молча, послѣ втораго начинается та же исторія и такимъ образомъ страданія Шампуня не имѣютъ конца.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Одинъ изъ многихъ.

За часъ до отхода поѣзда, дачный отецъ семейства, держа въ рукахъ стеклянный шаръ для лампы, игрушечный велосипедъ и дѣтскій гробикъ, входитъ къ своему пріятелю и въ изнеможеніи опускается на диванъ.

— Голубчикъ, милый мой....—бормочетъ онъ, задыхаясь и безсмысленно поводя глазами. У меня къ тебѣ просьба. Христомъ Богомъ молю.... одолжи до завтрашняго дня револьвера. Будь другомъ.

— На что тебѣ револьверъ?

— Нужно.... Охъ, Боже мой! Дай-ка воды. Скорѣй воды!... Нужно.... Ночью придется ѣхать темнымъ лѣсомъ, такъ вотъ я.... на всякій случай.... Одолжи, сдѣлай милость!...

Пріятель глядитъ на блѣдное, измученное ли-

цо отца семейства, на его вспотѣвшій лобъ, безумные глаза и пожимаетъ плечами.

— Ой врешь, Иванъ Иванычъ!—говоритъ онъ. Какой тамъ темный лѣсъ у чорта? Вѣроятно, задумалъ что-нибудь! По лицу вижу, что задумалъ недоброе! Да что съ тобой? Зачѣмъ это у тебя гробъ? Послушай, тебѣ дурно!

— Воды.... О, Боже мой.... Постой, дай отдышаться.... Замучился, какъ собака. Во всемъ тѣлѣ и въ башкѣ такое ощущеніе, какъ будто изъ меня всѣ жилы вытянули и на вертелѣ изжарили.... Не могу больше терпѣть.... Будь другомъ, ничего не спрашивай, не вдавайся въ подробности.... дай револьвера! Умоляю!

— Ну, полно! Иванъ Иванычъ, что за малодушіе? Отецъ семейства, статскій совѣтникъ! Стыдись!

— Тебѣ легко.... стыдить другихъ, когда живешь тутъ въ городѣ и этихъ проклятыхъ дачъ не знаешь.... Еще воды дай.... А еслибы пожилъ на моемъ мѣстѣ, не то-бы запѣлъ.... Я мученикъ! Я вьючная скотина, рабъ, подлецъ, который все еще чего-то ждетъ и не отправляетъ себя на тотъ свѣтъ! Я тряпка, болванъ, идіотъ! Зачѣмъ я живу? Для чего?

Отецъ семейства вскакиваетъ и, отчаянно всплескивая руками, начинаетъ шагать по кабинету.

— Ну, ты скажи мнѣ, для чего я живу?—кричитъ онъ, подскакивая къ пріятелю и хватая его за пуговицу.—Къ чему этотъ непрерывный рядъ нравственныхъ и физическихъ страданій! Я понимаю быть мученикомъ идеи, да! но быть мученикомъ чортъ знаетъ чего, дамскихъ юбокъ, да дѣтскихъ гробиковъ, нѣтъ—слуга покорный! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Довольно съ меня! Довольно!

— Ты не кричи, сосѣдямъ слышно!

— Пусть и сосѣди слышатъ, для меня все равно! Не дашь ты револьвера, такъ другой дастъ, а ужъ мнѣ не быть въ живыхъ! Рѣшено!

— Постой, ты мнѣ пуговицу оторвалъ.... Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чѣмъ же плоха твоя жизнь?

— Чѣмъ? Ты спрашиваешь: чѣмъ? Изволь, я разскажу тебѣ! Изволь! Выскажусь передъ тобой и, можетъ-быть, у меня на душѣ будетъ не такъ гнусно! Сядемъ.... Я буду коротокъ, потому-что скоро на вокзалъ ѣхать, да еще нужно забѣжать къ Тютрюмову взять у него двѣ банки килекъ и фунтъ мармеладу для Марьи Осиповны, чтобъ у нея на томъ свѣтѣ черти языкъ вытянули! Ну, слушай.... Возьмемъ для примѣра хоть сегодняшній день. Возьмемъ. Какъ ты знаешь, отъ десяти часовъ до четырехъ приходится трубить въ канцеляріи. Жарища, духота, мухи и несовмѣстимѣйшій, братецъ ты мой, хаосъ.

Секретарь отпускъ взялъ, Храповъ жениться поѣхалъ, канцелярская мелюзга помѣшалась на дачахъ, амурахъ, да любительскихъ спектакляхъ. Всѣ заспанные, уморенные, испитые, такъ-что не добьешься никакого толка, ничего не подѣлаешь ни убѣжденіями, ни ораньемъ.... Должность секретаря справляетъ субъектъ, глухой на лѣвое ухо и влюбленный, едва отличающій входящую отъ исходящей; дубина ничего не смыслитъ и я самъ все за него дѣлаю. Безъ секретаря и Храпова никто не знаетъ, гдѣ что лежитъ, куда что послать, а просители оболдѣлые, все куда то спѣшатъ и торопятся, сердятся, грозятъ,—такой кавардакъ со стихіями, что хоть караулъ кричи! Путаница и дымъ коромысломъ.... А работа анафемская: одно и то же, одно и то же, справка, отношеніе, справка, отношеніе—однообразно, какъ зыбь морская. Просто, понимаешь ли ты, глаза вонъ изъ-подъ лба лѣзутъ, а тутъ еще на мое горе начальство съ супругой разводится и пишесомъ страдаетъ; такъ поетъ и куксятъ, что житья никому нѣтъ. Невыносимо!

Отецъ семейства вскакиваетъ и тотчасъ же опять садится.

— Все это пустяки, ты послушай, что дальше!—говоритъ онъ.—Выходишь изъ присутствія разбитый, измочаленный; тутъ бы обѣдать идти и спать завалиться, анъ нѣтъ, помни, что ты дач-

никъ, т.-е. рабъ, дрянь, мочалка, и изволь, какъ курицынъ сынъ, сейчасъ же бѣжать по городу исполнять порученія. На нашихъ дачахъ установился милый обычай: если дачникъ ѣдетъ въ городъ, то, не говоря ужъ о его супругѣ, всякая дачная мразь и тля имѣетъ власть и право навязать ему тьму порученій. Супруга требуетъ, чтобы я заѣхалъ къ модисткѣ и выругалъ ее за то, что лифъ вышелъ широкъ, а въ плечахъ узко; Сонечкѣ нужно перемѣнить башмаки, свояченицѣ пунцоваго шолку по образчику на 20 к. и три аршина тесьмы.... Да вотъ постой, я тебѣ сейчасъ прочту.

Отецъ семейства вытаскиваетъ изъ жилетнаго кармана скомканную записочку и съ остервенѣніемъ читаетъ:

— Шаръ для лампы; 1 фунтъ ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на 5 коп.; касторового масла для Миши; 10 ф. сахарнаго песку; взять изъ дома мѣдный тазъ и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидскаго порошку на 20 копѣекъ; 20 бутылокъ пива и 1 бутылку уксусной эссенціи; корсетъ для m-lle Шансо № 82 у Гвоздева и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши". Это приказъ супруги и семейства. Теперь порученія милыхъ знакомыхъ и сосѣдей, чортъ ды ихъ съѣлъ! У Власиныхъ завтра именинникъ Володя, ему нужно велосипедъ привезти; у Кур-

кпныхъ окочурился младенецъ, и я долженъ гробикъ купить; у Марьи Михайловны варятъ варенье и по этому случаю я ежедневно долженъ ей таскать по полъ-пуда сахару; подполковница Вихрина въ интересномъ положеніи; я въ этомъ не виноватъ ни сномъ, ни духомъ, но почему-то обязанъ заѣхать къ акушеркѣ и приказать ей пріѣхать тогда-то.... А о такихъ порученіяхъ, какъ письма, колбаса, телеграммы, зубной порошокъ—и говорить нечего. Пять записокъ у меня въ карманахъ! Отказаться отъ порученій невозможно: не прилично, не любезно! Чортъ возьми! Навязать человѣку пудъ сахару и акушерку—это прилично, а отказаться—кель ореръ, послѣднее слово неприличія! Откажи я какимъ-нибудь Курскинымъ, первая супружница станетъ на дыбы: что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна?!.... о! ахъ! Не оберешься потомъ обмороковъ, ну его къ чорту! Этакъ, батенька, въ промежуткѣ между службой и поѣздомъ бѣгаешь по городу, какъ собака, высунувъ языкъ, бѣгаешь, бѣгаешь и жизнь проклянешь. Изъ магазина въ аптеку, изъ аптеки къ модисткѣ, отъ модистки въ колбасную, а тамъ опять въ аптеку. Тутъ спотыкаешься, тамъ деньги потеряешь, въ третьемъ мѣстѣ заплатить забудешь и за тобой гонятся со скандаломъ, въ четвертомъ мѣстѣ дамѣ на шлейфъ наступишь.... тьфу! Отъ такого моціона такъ осатанѣешь и

такъ тебя разломаетъ, что потомъ всю ночь кости трещатъ и поджилки сводитъ. Ну-съ, порученія исполнены, все куплено, теперь какъ прикажешь упаковать всю эту музыку? Какъ ты, напримѣръ, уложишь вмѣстѣ тяжелую мѣдную ступку и толкачъ съ ламповымъ шаромъ, или карболку съ чаемъ? Ну, вотъ и смекай. Какъ ты скомбинируешь во-едино пивныя бутылки и этотъ велосипедъ? Это, братъ, египетская работа, задача для ума, ребусъ! Какъ тамъ ни упаковывай, какъ ни увязывай, а въ концѣ-концовъ навѣрное что-нибудь расколотишь и разсыплешь, а на вокзалѣ и въ вагонѣ будешь стоять, растопыривши обѣ руки, раскорячившись и поддерживая подбородкомъ какой-нибудь узелъ, весь въ кулькахъ, въ картонкахъ и въ прочей дряни. А тронется поѣздъ, публика начинаетъ швырять во всѣ стороны твой багажъ: ты своими вещами чужія мѣста занялъ. Кричатъ, зовутъ кондуктора, грозятъ высадить, а я-то что подѣлаю? Не бросать же мнѣ вещи въ окна! Сдайте въ багажъ! Легко сказать, да вѣдь для этого нуженъ ящикъ, нужно уложить всю эту дрянь, а гдѣ я каждый день могу брать ящикъ и какъ уложу шаръ со ступкой? Этакъ всю дорогу въ вагонѣ стоитъ вой и скрежетъ зубовный, пока не доѣдешь. А погоди, что сегодня пассажирки запоютъ мнѣ за этотъ гробикъ! Уфъ! Дай-ка, братъ, воды. Тепѣрь слушай далѣе. Да-

вать порученія принято, деньги же давать на расходы—накося, выкуси! Потратилъ я денегъ тьму, а получу половину. Я гробикъ этотъ пошлю Куркинымъ съ горничной, а они теперь въ горѣ, стало-быть не время имъ думать о деньгахъ. Такъ и не получу. Напоминать же о долгѣ, да еще дамамъ,—не могу, хоть зарѣжь. Рубли еще такъ и сякъ, хоть мнутся, да отдаютъ, а копѣйки — пиши пропало. Ну-съ, пріѣзжаю я къ себѣ на дачу. Тутъ бы выпить хорошенько отъ трудовъ праведныхъ, пожрать, да лечь—не правда-ли?—но не тутъ-то было. Моя супружница ужъ давно стережетъ. Едва ты поѣлъ супъ, какъ она цапъ-царапъ раба Божьяго и не угодно ли вамъ пожаловать куда-нибудь на любительскій спектакль, или танцовальный кругъ. Протестовать не моги. Ты мужъ, а слово „мужъ“ въ переводѣ на дамскій языкъ значитъ тряпка, идіотъ и безсловесное животное, на которомъ можно ѣздить и возить клади, сколько угодно, не боясь вмѣшательства общества покровительства животныхъ. Идешь и таращишь глаза на „Скандалъ въ благородномъ семействѣ“ или „Мотю“, аплодируешь по приказанію супруги и чувствуешь, что ты вотъ-вотъ издохнешь. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги танцоровъ, а если не достаетъ кавалера, то и самъ изволь плясать кадриль. Танцуешь съ какой-ни-

будь кривулей ивановной, улыбаешься по-дурацки, а самъ думаешь: „доколѣ, о Господи?“ Вернешься въ полночь изъ театра, или съ бала, а ужъ ты не человѣкъ, а дохлятина, хоть брось. Но вотъ ты наконецъ достигъ цѣли: разоблачился и легъ въ постель. Закрывай глаза и спи.... Отлично.... Все такъ хорошо: и тепло, и ребята за стѣной не визжатъ, и супруги нѣтъ около, и совѣсть чиста—лучше и не надо. Засыпаешь ты и вдругъ.... и вдругъ слышишь: дззз.... Комары! Комары, будь они трижды анафемы прокляты, комары!

Отецъ семейства вскакиваетъ и потрясаетъ кулаками.

— Комары! Это казнь египетская, инквизиція! Дззз.... Дзюзюкаетъ этакъ жалобно, печально, точно прощенія проситъ, но такъ тебя подлецъ укуситъ, что потомъ цѣлый часъ чешешься. Ты и куришь, и бьешь ихъ, и съ головой укрываешься—ничего не помогаетъ! Въ концѣ-концовъ плюнешь и отдашь себя на растерзаніе: жрите, проклятые! Не успѣешь ты привыкнуть къ комарамъ, какъ въ залѣ супруга начинаетъ со своими тенорами разучивать романсы. Днемъ спятъ, а по ночамъ къ любительскимъ концертамъ готовятся. О, Боже мой! Тенора—это такое мученіе, что никакіе комары не сравнятся.

Отецъ семейства дѣлаетъ плачущее лицо и поетъ:

— „Не говори, что молодость сгубила.... Я вновь предъ тобою стою очарованъ“. О по-о-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтобы ихъ хоть немного заглушить, я на такой фокусъ пускаюсь: стучу себѣ пальцемъ по виску около уха. Этакъ стучу часовъ до четырехъ, пока не разойдутся.... А только-что они разошлись, какъ новая казнь: пожалуетъ донна супруга и предъявляетъ на мою особу свои законныя права. Она разлимонится тамъ съ луной, да съ своими тенорами, а я отдувайся. Вѣришь ли, до того напуганъ, что когда она входитъ ко мнѣ ночью, меня въ жаръ бросаетъ и оторопь беретъ. Охъ, дай-ка, братъ, еще воды... Ну-съ, этакъ, не поспавши, встанешь въ шесть часовъ и маршъ на станцію къ поѣзду. Бѣжишь, боишься опоздать, а тутъ грязь, туманъ, холодъ, бррр! А пріѣдешь въ городъ, заводи шарманку сначала. Такъ-то, братъ.... Жизнь, доложу я тебѣ, анафемская, и врагу такой жизни не пожелаю! Понимаешь, заболѣлъ! Одышка, изжога, вѣчно чего-то боюсь, желудокъ не варитъ.... одинмъ словомъ не жизнь, а грусть одна! И никто не жалѣетъ, не сочувствуетъ, а какъ-будто это такъ и надо. Даже смѣются. Дачный мужъ, дачный отецъ семейства, ну, такъ значитъ такъ ему и нужно, пусть околѣваетъ. Но вѣдь пойми, я животное, жить хочу! Тутъ не водевиль, а трагедія! Послушай, если не даешь револьвера, то хоть посочувствуй!

— Я сочувствую.

— Вижу, какъ вы сочувствуете.... Прощай.... Поѣду за кильками и на вокзалъ.

— Ты гдѣ на дачѣ живешь?—спрашиваетъ пріятель.

— На Дохлой Рѣчкѣ....

— Да, я знаю это мѣсто.... Послушай, ты не знаешь тамъ дачницу Ольгу Павловну Финбергъ?

— Знаю.... Знакомъ даже....

— Да что ты!—удивляется пріятель и лицо его принимаетъ радостное, изумленное выраженіе.— А я не зналъ! Въ такомъ случаѣ.... голубчикъ, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другомъ, милый, Иванъ Иванычъ! Ну дай честное слово, что исполнишь!

— Что такое?

— Не въ службу, а въ дружбу. Умоляю, голубчикъ. Вопервыхъ, поклонись Ольгѣ Павловнѣ, а вовторыхъ свези ей одну вещичку. Она поручила мнѣ купить ручную швейную машину, а доставить ей некому. Свези, милый!

Дачный отецъ семейства съ минуту тупо глядитъ на пріятеля, какъ-бы ничего не понимая, потомъ багровѣетъ и начинаетъ кричать, топая ногами:

— На-те, ѣшьте человѣка! Добивайте его! Терзайте! Давайте машину! Садитесь сами верхомъ! Воды! Дайте воды! Для чего я живу? Зачѣмъ?

НЕРВЫ.

Нервы.

Дмитрій Осиповичъ Ваксинъ, архитекторъ, вернулся изъ города къ себѣ на дачу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что пережитаго спиритическаго сеанса. Раздѣваясь и ложась на свое одинокое ложе (мадамъ Ваксина уѣхала къ Троицѣ), Ваксинъ невольно сталъ припоминать все слышанное и видѣнное. Сеанса, собственно говоря, не было, а вечеръ прошелъ въ однихъ только страшныхъ разговорахъ. Какая-то барышня ни съ того, ни тъ сего заговорила объ угадываніи мыслей. Съ мыслей незамѣтно перешли къ духамъ, отъ духовъ къ привидѣніямъ, отъ привидѣній къ заживо-погребеннымъ.... Самъ Ваксинъ потребовалъ блюдечко и показалъ барышнямъ, какъ нужно бесѣдовать съ духами. Вызвалъ онъ между прочимъ дядю своего Клавдія Мироныча и

мысленно спросилъ его: „Не пора ли мнѣ домъ перевести на имя жены?“ на что дядя отвѣчалъ: „Во благовременіи все хорошо“.

— Много таинственнаго и.... страшнаго въ природѣ....—размышлялъ Ваксинъ, ложась подъ одѣяло.—Страшны не мертвецы, а эта неизвѣстность....

Пробило часъ ночи. Ваксинъ повернулся на другой бокъ и выглянулъ изъ-подъ одѣяла на синій огонекъ лампадки. Огонь мелькалъ и освѣщалъ кіотъ и большой портретъ дяди, Клавдія Мироныча, висѣвшій противъ кровати.

— А что, если въ этомъ полумракѣ явится сейчасъ дядина тѣнь?—мелькнуло въ головѣ Ваксина.—Нѣтъ, это невозможно!

Привидѣнія—предразсудокъ, плодъ умовъ недозрѣлыхъ, но тѣмъ не менѣе Ваксинъ инстинктивно натянулъ на голову одѣяло и плотнѣе закрылъ глаза. Въ воображеніи его заходили образы умершей тещи, одного повѣсившагося пріятеля, дѣвушки-утопленницы.... Ваксинъ сталъ гнать изъ головы мрачныя мысли, но чѣмъ энергичнѣе онъ гналъ, тѣмъ яснѣе становились образы и страшнѣе мысли.... Ему стало жутко....

— Чортъ знаетъ что.... Боишься, словно маленькій.... Глупо!

„Чикъ.... чикъ.... чикъ“ — стучали за стѣной часы.... Въ сельской церкви на погостѣ зазво-

нилъ сторожъ. Звонъ былъ медленный, заунывный, за душу тянущій.... По затылку Ваксина пробѣжали холодныя мурашки.... Ему показалось, что надъ его головой кто-то тяжело дышитъ, точно дядя вышелъ изъ рамы и склонился надъ племянникомъ.... Ваксину стало невыносимо жутко. Онъ стиснулъ отъ страха зубы и притаилъ дыханіе.... Наконецъ, когда въ открытое окно влетѣлъ майскій жукъ и загудѣлъ надъ его постелью, онъ не вынесъ и отчаянно дернулъ за сонетку.

— Дементій Осипычъ, was wollen Sie?—послышался черезъ минуту за дверью голосъ гувернантки.

— Ахъ, это вы, Розалія Карловна? — обрадовался Ваксинъ. — Зачѣмъ вы безпокоитесь? Гаврило могъ бы....

— Хаврилу ви сами въ городъ отпустилъ, а Глафира куда-то съ вечера ушла.... Никого нѣтъ дома.... Was wollen Sie?

— Я, матушка, вотъ что хотѣлъ сказать.... Тово.... Да вы войдите, не стѣсняйтесь! У меня темно....

Въ спальную вошла толстая, краснощекая Розалія Карловна и остановилась въ ожидательной позѣ.

— Садитесь, матушка.... Видите ли, въ чемъ дѣло.... О чемъ бы ее спросить? —подумалъ Ваксинъ, косясь на портретъ дяди и чувствуя, какъ

душа его постепенно приходитъ въ норму.—Я, собственно говоря, вотъ о чемъ хотѣлъ просить васъ.... Когда завтра человѣкъ отправится въ городъ, то не забудьте приказать ему, чтобы онъ.... тово.... зашелъ гильзъ купить.... Да вы садитесь!

— Гильзъ! Хорошо! Was wollen Sie noch?

— Ich will.... Ничего я не will, но.... Да вы садитесь! Я еще что-нибудь надумаю....

Ваксинъ началъ думать, о чемъ бы еще спросить, но, какъ на-зло, все по хозяйству было уже приказано и изобрѣсти какое-нибудь новое приказаніе было не легко. Минута прошла въ молчаніи.

— Вечеръ былъ сегодня великолѣпный, знаете ли.... Если во все лѣто.... тово.... будетъ такая погода, то.... очень пріятно.... Розалія Карловна, вы не ушли?

— Was wollen Sie doch? Ich will schlafen....

— Шлафенъ вы еще успѣете, а пока.... тово.... Да вы садитесь!

— Неприлишно дѣвицѣ стоять въ мужчинской комнатѣ.... Ви, я вижу, Деметрій Осипычъ, шалюнъ.... насмѣшкинъ.... Я понимай.... Изъ-за гильзъ шеловѣка не будятъ.... Я понимай....

Розалія Карловна повернулась и вышла.... Ваксинъ, нѣсколько успокоенный бесѣдой съ ней и стыдясь своего малодушія, натянулъ на голову

одѣяло и закрылъ глаза. Минутъ десять онъ чувствовалъ себя спосно, но потомъ въ его голову полѣзла опять та же чепуха.... Онъ плюнулъ, нащупалъ спички и, не открывая глазъ, зажегъ свѣчу. Но и свѣтъ не помогъ.... Напуганному воображенію Ваксина казалось, что изъ угла кто-то смотритъ и что у дяди мигаютъ глаза....

— Позвоню ей опять, чорртъ бы ее взялъ....— порѣшилъ онъ.—Скажу ей, что я боленъ.... Попрошу капель.

Ваксинъ позвонилъ. Отвѣта не послѣдовало. Онъ позвонилъ еще разъ, и словно въ отвѣтъ на его звонъ, зазвонили на погостѣ.... Охваченный страхомъ, онъ выбѣжалъ опрометью изъ спальной и, крестясь, браня себя за малодушіе, полетѣлъ босой и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ къ комнатѣ гувернантки.

— Розалія Карловна!—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, постучавшись въ дверь.—Розалія Карловна! Вы.... спите? Я.... тово.... боленъ.... Капель....

Отвѣта не послѣдовало. Кругомъ царила тишина....

— Я васъ прошу.... понимаете? Прошу! И къ чему эта.... щепетильность, не понимаю, въ особенности, если человѣкъ.... боленъ? Какая же вы, право, цирлихъ-манирлихъ.... Въ ваши годы....

— Я вашей жена буду говорилъ.... Не даетъ

покой честной дѣвушкѣ.... Когда я жилъ у баронъ Анцигъ и баронъ захотѣлъ ко мнѣ приходить за спишки, я понимай.... я сразу понимай, какія спишки, и сказала баронессъ.... Я честный дѣвушкъ....

— Ахъ.... на чертей мнѣ ваша честность? Я боленъ.... я капель прошу.... Понимаете? Я боленъ!!

— Ваша жена честный, хорошій женщинъ, и вы должны ее любить. Ja! Она благородный! Я не желай быть ея врагъ!

— Дура вы, вотъ и все! Понимаете? Дура!

Ваксинъ оперся о косякъ, сложилъ руки накрестъ и сталъ ждать, когда пройдетъ его страхъ. Вернуться въ свою комнату, гдѣ мелькала лампадка и глядѣлъ изъ рамы дядюшка, не хватало силъ, стоять же у дверей гувернантки въ одномъ нижнемъ платьѣ было неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Что было дѣлать? Пробило два часа, а страхъ все еще не проходилъ и не уменьшался. Въ корридорѣ было темно и изъ каждаго угла глядѣло что-то темное. Ваксинъ повернулся лицомъ къ косяку, но тотчасъ же ему показалось, что кто-то пошевелилъ сзади его сорочкой и тронулъ за плечо....

— Чортъ подери.... Розалія Карловна!

Отвѣта не послѣдовало. Ваксинъ нерѣшительно открылъ дверь и заглянулъ въ комнату. Доб-

родѣтельная нѣмка безмятежно спала. Маленькій ночникъ освѣщалъ рельефы ея полновѣснаго, дышащаго здоровьемъ тѣла.... Ваксинъ вошелъ къ комнату и сѣлъ на плетеный сундукъ, стоявшій около двери. Въ присутствіи спящаго, но живаго существа онъ почувствовалъ себя легче.

— Пусть дрыхнетъ нѣмчура....—думалъ онъ.— Посижу у нея, а когда разсвѣтетъ, выйду.... Теперь рано свѣтаетъ....

Въ ожиданіи разсвѣта, Ваксинъ прикорнулъ на сундукѣ, подложилъ руку подъ голову и задумался.

— Что значитъ нервы, однако! Человѣкъ развитой, мыслящій, а между тѣмъ.... чортъ знаетъ что! Совѣстно даже....

Скоро, прислушавшись къ тихому, мѣрному дыханію Розаліи Карловны, онъ совсѣмъ успокоился....

Въ шесть часовъ утра жена Ваксина, воротившись отъ Троицы и не найдя мужа въ спальной, отправилась къ гувернанткѣ попросить у нея мелочи, чтобы расплатиться съ извозчикомъ. Войдя къ нѣмкѣ, она увидала картину: на кровати, вся раскинувшись отъ жара, спала Розалія Карловна, а на сажень отъ нея, на плетеномъ сундукѣ, свернувшись, калачикомъ, похрапывалъ сномъ праведника ея мужъ. Онъ былъ босъ и въ одномъ нижнемъ. Что сказала жена и какъ глупа была

физіономія мужа, когда онъ проснулся, предоставляю изображать другимъ. Я же, въ безсиліи, слагаю оружіе.

ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ.

Злоумышленники.

(Разсказъ очевидцевъ).

Когда половой перечислилъ ему тѣ немногія кушанья, какія можно достать въ трактирѣ, онъ подумалъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ дай намъ двѣ порціи щей со свѣжей капустой и цыпленка, да спроси у хозяина, нѣтъ ли у васъ тутъ краснаго вина....

Затѣмъ всѣ видѣли, какъ онъ поглядѣлъ на потолокъ и сказалъ обращаясь къ половому:

— Удивительно, какъ много у васъ мухъ!

Мы говоримъ *онъ*, потому-что ни половые, ни хозяинъ, ни посѣтители трактира не знали, кто онъ, какого званія, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ въ нашъ городъ. Это былъ солидный, достаточно уже пожилой господинъ, прилично одѣтый и повидимому благонамѣренный. По одеждѣ его можно

было принять даже за аристократа. Мы замѣтили на немъ золотые часы, булавку съ жемчужиной, а въ касторовой шляпѣ его лежали перчатки съ модными застежками, какіе мы видѣли ранѣе у вице-губернатора. Обѣдая, онъ все время старался блеснуть передъ нами своею воспитанносью: держалъ вилку въ лѣвой рукѣ, утирался салфеткой и морщился, когда въ рюмки падали мухи. Всякій знаетъ, что тамъ, гдѣ есть мухи, посуда не можетъ быть чистой; не говоря ужъ о простыхъ посѣтителяхъ, даже такія лица, какъ исправникъ, становой и проѣзжіе помѣщики, обѣдая въ трактирѣ, никогда не жалуются, если имъ подаютъ тарелку или рюмку, загаженную мухами; онъ же не сталъ ѣсть, прежде чѣмъ половой не помылъ тарелки въ горячей водѣ. Очевидно, форсилъ и старался показаться благороднѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Когда ему подали щи, къ его столу подошла еще новая, столь же незнакомая личность съ лысиной, съ бритымъ лицомъ и въ золотыхъ очкахъ. Этотъ новый господинъ былъ одѣтъ въ шелковый костюмъ и тоже имѣлъ золотые часы. Все время онъ говорилъ по-французски, съ любопытствомъ осматривалъ кушанья и посѣтителей, такъ-что не трудно было узнать въ немъ иностранца. Кто онъ, откуда и зачѣмъ пожаловалъ въ нашъ городъ, мы тоже не знали.

Съѣвши первую ложку щей, онъ, то-есть тотъ, у котораго была булавка съ жемчужиной, покрутилъ головой и сказалъ насмѣшливо:

— Эти балбесы умудряются даже свѣжей капустѣ придавать запахъ тухлятины. Невозможно ѣсть. Послушай, любезный, неужели у васъ тутъ всѣ живутъ по-свински? Во всемъ городѣ нельзя достать порцію мало-мальски приличныхъ щей. Это удивительно!

Затѣмъ онъ сталъ говорить что-то по-французски своему товарищу иностранцу. Изъ его рѣчи мы помнимъ только слово „кошонъ". Вытащивъ изъ щей прусака, онъ обратился къ половому и сказалъ:

— Я не просилъ щей съ прусаками. Болванъ.

— Сударь,—отвѣтилъ половой,—вѣдь не я его въ щи посадилъ, а онъ самъ туда попалъ. А вы не извольте безпокоиться: тараканы не кусаются.

Потребовавъ послѣ цыпленка, листъ бумаги и карандашъ, онъ сталъ рисовать какіе-то круги и писать цифры. Иностранецъ не соглашался и долго спорилъ съ нимъ, мотая въ знакъ несогласія головой. Листъ, исписанный кругами и цифрами, до сихъ поръ хранится у хозяина трактира; штатный смотритель уѣздныхъ училищъ, которому хозяинъ показывалъ этотъ листъ, долго смотрѣлъ на круги, потомъ вздохнулъ и сказалъ:—„Темна вода во облацѣхъ!" Расплачиваясь за обѣдъ, онъ, т.-е. тотъ, у котораго была въ галстукѣ жемчу-

жина, далъ половому новую пятирублевую бумажку. Настоящая эта бумажка или фальшивая, намъ неизвѣстно, такъ-какъ посмотрѣть на нее мы не догадались.

— Послушай, въ которомъ часу утра вы отворяете трактиръ?—спросилъ онъ у половаго.

— Съ восходомъ солнца.

— Отлично. Завтра въ пять часовъ утра мы прійдемъ пить чай. Приготовишь порцію, только безъ мухъ. А тебѣ извѣстно, что будетъ завтра утромъ?—спросилъ онъ, лукаво подмигнувъ глазомъ.

— Никакъ нѣтъ.

— А! Завтра утромъ вы будете поражены и ошеломлены.

Пригрозивъ такимъ образомъ, онъ смѣясь сказалъ что-то иностранцу и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ трактира. Оба они ночевали у Марфы Егоровны, одинокой, благочестивой вдовы, которая нисколько не виновата и не могла быть соучастницей. Теперь она все время плачетъ, боясь, что ее заберутъ. Зная ее образъ мыслей, мы удостовѣряемъ, что она не виновата. Къ тому же, судите сами, развѣ она, пуская къ себѣ постояльцевъ, могла знать заранѣе, какія у нихъ мысли?

На другой день утромъ, ровно въ пять часовъ незнакомцы были уже въ трактирѣ. Въ этотъ разъ они явились съ портфелями, книгами и ка-

кими-то футлярами странной формы. Въ ихъ рѣчахъ и движеніяхъ были замѣтны волненіе и спѣшка. Онъ, т. е. не иностранецъ сказалъ:

— Съ сѣверо-запада идетъ туча. Какъ бы она намъ не помѣшала!

Выпивъ стаканъ чаю, онъ позвалъ хозяина трактира и приказалъ ему поставить около трактира на площади столъ и два стула. Хозяинъ, человѣкъ необразованный, хотя предчувствовалъ недоброе, но исполнилъ это приказаніе. Незнакомцы забрали свои вещи и, выйдя изъ трактира, сѣли около стола на стулья. Разсѣлись среди площади при всемъ народѣ—какъ это глупо! О чемъ-то говоря между собою, они разложили на столѣ бумаги, чертежи, черныя стекла и какія-то трубки. Когда хозяинъ несмѣло подошелъ къ нимъ и нагнулся къ столу, то онъ, т. е. тотъ, у котораго была жемчужина, отстранилъ его рукой и сказалъ:

— Не суй своего толстаго носа, куда не слѣдуетъ.

Затѣмъ онъ взглянулъ на часы и, сказавъ что-то иностранцу, сталъ смотрѣть въ темное стекло на солнце. Иностранецъ взялъ одну изъ трубокъ и сталъ смотрѣть туда же.... Вскорѣ послѣ этого произошло страшное, доселѣ не виданное несчастье. Мы всѣ вдругъ стали замѣчать, что небо и земля начали темнѣть, какъ отъ приближаю-

щейся грозы. Когда же иностранецъ положилъ трубку и, что-то быстро записавъ, взялъ въ руки темное стекло, мы услышали, какъ кто-то крикнулъ:

— Господа, солнце закрывается!

Дѣйствительно, что-то черное, очень похожее на сковороду, надвигалось на солнце и заслоняло его отъ земли. Видя, что уже нѣтъ половины солнца и что все-таки незнакомцы продолжаютъ свои странныя дѣйствія, нѣкоторые изъ насъ обратились къ городовому Власову и сказали ему:

— Городовой, что же ты не обращаешь вниманія на безпорядокъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Солнце не въ моемъ участкѣ.

Благодаря такой халатности мѣстныхъ властей, скоро мы увидѣли, что изчезло все солнце. Наступила ночь, а куда дѣвался день, никому не извѣстно. На небѣ появились звѣзды. Отъ такого несвоевременнаго наступленія ночи въ нашемъ городѣ произошли слѣдующія событія. Всѣ мы страшно испугались и пришли въ смятеніе. Не зная, что дѣлать, мы въ ужасѣ бѣгали по площади и, толкая другъ друга, кричали: „Городовой! Городовой!“ Коровы, быки и лошади (въ это время у насъ была скотская ярмарка), задравъ хвосты и ревя, въ страхѣ носились по городу, пугая жителей. Собаки выли. Клопы въ трактирныхъ но-

мерахъ, вообразивъ, что настала ночь, вылѣзли изъ щелей и принялись жалить спящихъ. Дьяконъ Фантасмагорскій, который въ это время везъ къ себѣ изъ огорода огурцы, ужаснувшись, выскочилъ изъ телѣги и спрятался подъ мостъ, а его лошадь въѣхала съ телѣгой въ чужой дворъ, гдѣ огурцы были съѣдены свиньми. Акцизный Льстецовъ, ночевавшій не дома, а у сосѣдки (въ интересахъ правосудія мы не можемъ скрыть эту подробность), выскочивъ на улицу въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и вбѣжалъ въ толпу, закричалъ дикимъ голосомъ:

— Спасайся, кто можетъ!

Многія дамы, разбуженныя шумомъ, выскочили на улицу, не надѣвъ даже башмаковъ. Произошло еще много такого, что мы рѣшимся разсказать только при закрытыхъ дверяхъ. Не испугались и сохранили присутствіе духа одни только пожарные, которые въ это время крѣпко спали, что мы и спѣшимъ удостовѣрить. Все это произошло 7-го августа утромъ.

Незнакомцы же, напакостивши такимъ образомъ, уложили свои бумаги въ портфели, и когда солнце показалось вновь, сѣли въ коляску и укатили, неизвѣстно куда. Кто они мы до сихъ поръ не знаемъ. Сообщаемъ ихъ примѣты. Онъ, т. е. тотъ, у котораго была булавка съ жемчужиной: ростъ средній, лицо чистое, подбородокъ умѣренный,

на лбу морщины; иностранецъ: ростъ средній, тѣлосложеніе полное, лицо бритое, чистое, подбородокъ умѣренный издали похожъ на помѣщика Карасевича; близорукъ, почему и носитъ очки.

Не австрійскіе ли это шпіоны?

ЗИНОЧКА.

Зиночка.

Компанія охотниковъ ночевала въ мужицкой избѣ на свѣжемъ сѣнѣ. Въ окна глядѣла луна, на улицѣ грустно пиликала гармошка, сѣно издавало приторный, слегка возбуждающій запахъ, однимъ словомъ, была обстановка, при которой длинная холостецкая, бесѣда затягивается гораздо раньше, чѣмъ приходитъ сонъ. Охотники говорили о собакахъ, о женщинахъ, о первой любви, о бекасахъ. Послѣ того, какъ были перебраны косточки всѣхъ знакомыхъ барынь и была разсказана сотня заковыристыхъ анекдотовъ, самый толстый изъ охотниковъ, похожій въ потемкахъ на копну сѣна и говорившій густымъ штабъ-офицерскимъ басомъ, громко зѣвнулъ и сказалъ:

— Не велика штука быть любимымъ: барыни на то и созданы, чтобъ любить нашего брата. А

вотъ, господа, былъ-ли кто-нибудь изъ васъ ненавидимъ, ненавидимъ страстно, бѣшенно? Не наблюдалъ-ли кто-нибудь изъ васъ восторговъ ненависти? А?

Отвѣта не послѣдовало.

— Никто, господа? — спросилъ штабъ-офицерскій басъ.—А вотъ я былъ ненавидимъ, ненавидимъ хорошенькой дѣвушкой и на себѣ самомъ могъ изучить симптомы первой ненависти. Первой, господа, потому-что то было нѣчто, какъ разъ противоположное первой любви. Впрочемъ то, что я сейчасъ разскажу, происходило, когда я еще ничего не смыслилъ ни въ любви, ни въ ненависти. Мнѣ было тогда лѣтъ восемдесять, но это не бѣда: тутъ, господа, важенъ не *онъ*, а *она*. Ну-съ, прошу вниманія. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, передъ заходомъ солнца я и моя гувернантка Зиночка, очень милое и поэтичное созданье, не задолго передъ этимъ выпущенное изъ пансіона, сидѣли въ дѣтской и занимались. Зиночка разсѣянно глядѣла въ окно и и говорила:

— „Такъ, мы вдыхаемъ кислородъ. Теперь, скажите мнѣ, Петя, что мы выдыхаемъ?

— „Углекислоту, — отвѣчалъ я, глядя въ то-же окно.

— „Такъ,—соглашалась Зиночка. — Растенія-же—наоборотъ: вдыхаютъ углекислоту и выды-

хаютъ кислородъ. Углекислота содержится въ зельтерской водѣ и въ самоварномъ угарѣ.... Это очень вредный газъ. Близъ Неаполя есть такъ-называемая Собачья пещера, содержащая въ себѣ углекислоту; пущенная въ нее собака задыхается и умираетъ.

Эта несчастная Собачья пещера близъ Неаполя составляетъ химическую мудрость, дальше которой не рѣшится шагнуть ни одна гувернантка. Зиночка всегда горячо отстаивала пользу естественныхъ наукъ, но едва-ли знала еще что-нибудь, кромѣ этой пещеры.

—Ну-съ,—она приказала повторить. Я повторилъ. Она спросила, что такое горизонтъ. Я отвѣтилъ. А на дворѣ въ это время, пока мы жевали горизонтъ, да пещеру, мой отецъ собирался на охоту. Собаки выли, пристяжныя нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу и кокетничали съ кучерами, лакеи начиняли тарантасъ кульками и всякой всячиной. Возлѣ тарантаса стояла линейка, въ которую садились мать и сестры, чтобы ѣхать къ Шабельскимъ на имянины. Дома оставались только я, Зиночка, да мой старшій братъ студентъ, у котораго болѣли зубы. Можете представить мою зависть и скуку!

— „Такъ что же мы вдыхаемъ?—спросила Зиночка, глядя въ окно.

— „Кислородъ....

— „Да, а гаризонтомъ называется то мѣсто, гдѣ, какъ намъ кажется, земля сходится съ небомъ“....

Но вотъ тронулся тарантасъ, за нимъ линейка.... Я видѣлъ, какъ Зиночка вытащила изъ кармана какую-то записочку, судорожно скомкала ее и прижала къ виску, потомъ вспыхнула и поглядѣла на часы.

— „Такъ помните же,—сказала она,—близь Неаполя есть такъ-называемая Собачья пещера....—Она опять взглянула на часы и продолжала:—гдѣ, какъ намъ кажется, небо сходится съ землею....

Бѣдняжка въ сильномъ волненіи прошлась по комнатѣ и еще разъ взглянула на часы. До конца нашего урока оставалось еще болѣе получаса.

— Теперь ариѳметика,—сказала она, тяжело дыша и перелистывая дрожащей ручкой задачникъ.—Вотъ рѣшите задачу № 325, а я.... сейчасъ приду....

Она вышла. Я слышалъ, какъ она спорхнула внизъ по лѣстницѣ, и затѣмъ видѣлъ въ окно, какъ ея голубое платье, промелькнувъ черезъ дворъ, исчезло въ садовой калиткѣ. Быстрота ея движеній, краска ланитъ и волненіе заинтриговали меня. Куда она побѣжала и зачѣмъ? Будучи уменъ не по лѣтамъ, я скоро сообразилъ и понялъ все: она побѣжала въ садъ затѣмъ, чтобы,

пользуясь отсутствіемъ моихъ строгихъ родителей, забраться въ малинникъ, или же нарвать себѣ черешенъ! Когда такъ, такъ и я же, чортъ возьми, пойду ѣсть черешни! Бросилъ я задачникъ и побѣжалъ въ садъ. Подбѣгаю къ черешнямъ, но ея уже тамъ нѣтъ: миновавъ малинникъ, крыжовникъ, шалашъ сторожа, она черезъ огородъ идетъ къ пруду, блѣдная, вздрагивающая отъ малѣйшаго шума. Я крадусь за ней и вижу, господа, слѣдующее. На берегу пруда, между толстыми стволами двухъ старыхъ вербъ, стоитъ мой старшій братъ Саша; по его лицу незамѣтно, чтобы у него болѣли зубы. Онъ глядитъ навстрѣчу Зиночкѣ и вся его фигура, какъ солнцемъ, озарена выраженіемъ счастья. А Зиночка, точно ее гонятъ въ Собачью пещеру и заставляютъ дышать углекислотой, идетъ къ нему, едва двигая ногами, тяжело дыша и закинувъ назадъ голову.... По всему видно, что на рандеву она идетъ первый разъ въ жизни.... Но вотъ она подходитъ.... Полминуты они молча глядятъ другъ на друга и какъ будто не вѣрятъ своимъ глазамъ. Засимъ какая-то сила толкаетъ Зиночку въ спину, она кладетъ руки на плечи Саши и склоняетъ свою головку на его жилетку. Саша смѣется, бормочетъ что-то несвязное и съ неуклюжестью очень влюбленнаго человѣка кладетъ обѣ свои ладони на Зиночкину физіомордію. А погода,

господа, чудесная.... Бугоръ, за которымъ прячется солнце, двѣ вербы, зеленые берега, небо— все это вмѣстѣ съ Сашей и съ Зиночкой отражается въ прудѣ. Тишина, можете себѣ представить. Надъ осокой золотятся милліоны мотыльковъ съ длинными усиками, за садомъ гонятъ стадо. Однимъ словомъ, хоть картину рисуй.

Изъ всего видѣннаго я понялъ только то, что Саша цѣловался съ Зиночкой. Это неприлично. Если узнаетъ maman, то обоимъ достанется. Чувствуя, что мнѣ почему-то стыдно, я ушелъ къ себѣ въ дѣткую, не дожидаясь конца рандеву. Будучи уменъ не по лѣтамъ, я сидѣлъ надъ задачникомъ, думалъ и соображалъ. По моей рожѣ плавала побѣдоносная улыбка. Съ одной стороны пріятно быть владѣльцемъ чужой тайны, съ другой тоже весьма пріятно сознавать, что такіе авторитеты, какъ Саша и Зиночка, во всякую минуту могутъ быть уличены мною въ незнаніи свѣтскихъ приличій. Теперь они въ моей власти и ихъ спокойствіе находится въ полной зависимости отъ моего великодушія. Я же имъ покажу!

Когда я ложился спать, Зиночка по обыкновенію зашла въ дѣтскую узнать, не уснулъ ли я въ одежѣ и молился ли Богу. Я посмотрѣлъ на ея хорошенькое, счастливое лицо и ухмыльнулся. Тайна распирала меня и просилась наружу. Нужно было намекнуть и насладиться эффектомъ.

— „А я знаю!—сказалъ я, ухмыляясь.—Гы-ы!

— „Что вы знаете?“

— „Гы-ы! Я видѣлъ, какъ вы около вербъ цѣловались съ Сашей. Я пошелъ за вами и все видѣлъ“....

Зиночка вздрогнула, вся покраснѣла и, пораженная моимъ намекомъ, опустилась на столъ, на которомъ стояли стаканъ съ водой и подсвѣчникъ.

— Я видѣлъ, какъ вы.... цѣловались....—повторилъ я, хихикая и наслаждаясь ея смущеніемъ...— Ага! Вотъ я скажу мамѣ!

Малодушная Зиночка пристально посмотрѣла на меня и, убѣдившись, что я дѣйствительно все знаю, въ отчаяніи схватила меня за руку и забормотала дрожащимъ шепотомъ:

— Петя, это низко.... Я васъ умоляю, ради Бога.... Будьте мужчиной.... не говорите никому.... Порядочные люди не шпіонятъ.... Это низко.... умоляю васъ.

Бѣдняжка, какъ огня, боялась моей матери, дамы добродѣтельной и строгой — это разъ; вовторыхъ, мое ухмыляющееся рыло не могло не осквернять ея первой, чистенькой и поэтической любви, а потому можете себѣ представить состояніе ея духа. По моей милости, она не спала всю ночь и на утро явилась къ чаю съ синими кругами подъ глазами.... Встрѣтясь послѣ чая

съ Сашей, я не вытерпѣлъ, чтобъ не ухмыльнуться и не похвастать:

— „А я знаю! Гы-ы! Я видѣлъ, какъ ты вчера цѣловался съ m-lle Зиной!“

Саша посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— „Ты глупъ“.

Онъ не былъ такъ малодушенъ, какъ Зиночка, а потому эффектъ не удался. Это меня еще больше подзадорило. Если Саша не испугался, то, очевидно, онъ не вѣрилъ, что я все видѣлъ и знаю; такъ постой же, я тебѣ докажу! Занимаясь со мной до обѣда, Зиночка не глядѣла на меня, заикалась и путала кислородъ съ углекислотой.

— Близъ Неаполя есть такъ-называемая Собачья углекислота,—бормотала она,—пущенная въ нее пещера умираетъ и задыхается. Такъ повторите же: что мы выдыхаемъ?

— Угле.... гы-ы!.... углекислоту.... гы-ы!

— Такъ, близъ Неаполя. А растенія, наоборотъ, выдыхаютъ кислородъ.

Бѣдная Зиночка была столько же нелогична, какъ и малодушна. Вмѣсто того, чтобы припугнуть, она всячески заискивала у меня, ставя мнѣ пятерки и не жалуясь отцу на мои шалости. Будучи уменъ не по лѣтамъ, я эксплоатировалъ ея тайну, какъ хотѣлъ; не училъ уроковъ, ходилъ въ классной вверхъ ногами и говорилъ дерзости. Однимъ словомъ, продолжай я въ такомъ духѣ

до сегодня, изъ меня выработался бы прекрасный шантажистъ. Ну-съ, прошла недѣля. Чужая тайна подзадоривала и мучила меня, какъ заноза въ душѣ. Мнѣ, во чтобы то ни стало, хотѣлось выболтать ее и полюбоваться эффектомъ. И вотъ однажды за обѣдомъ, когда у насъ было много гостей, я преглупо ухмыльнулся, ехидно поглядѣлъ на Зиночку и сказалъ:

— А я знаю.... Гы-ы! Я видѣлъ....

— Что ты знаешь?—спросила мать.

Я еще ехиднѣе поглядѣлъ на Зиночку и Сашу. Надо было видѣть, какъ вспыхнула дѣвочка и какіе злые глаза сдѣлалъ Саша! Я прикусилъ языкъ и не продолжалъ. Зиночка постепенно поблѣднѣла, стиснула зубы и ужъ ничего не ѣла. Въ тотъ же день во время вечернихъ занятій я въ лицѣ Зиночки замѣтилъ рѣзкую перемѣну. Оно казалось строже, холоднѣе, какъ-будто мраморнѣе, а глаза глядѣли странно, прямо мнѣ въ лицо, и, я вамъ даю честное слово, даже у гончихъ, когда онѣ догоняютъ волка, я никогда не видѣлъ такихъ пожирающихъ, уничтожающихъ глазъ! Выраженіе ихъ я отлично понялъ, когда она среди урока вдругъ стиснула зубы и процѣдила:

— Ненавижу! О еслибъ вы, гадкій, отвратительный, знали, какъ я васъ ненавижу, какъ мнѣ противна ваша стриженная голова, ваши пошлыя, оттопыренныя уши!

Но тотчасъ же она испугалась и сказала:

— Это я не вамъ говорю, а повторяю роль....

Потомъ, господа, ночью я видѣлъ, какъ она подходила къ моей постели и долго глядѣла мнѣ въ лицо. Она ненавидѣла страстно и ужъ не могла жить безъ меня. Созерцаніе моей ненавистной рожи стало для нея необходимостью. А то, помню, былъ прелестный лѣтній вечеръ.... Пахло сѣномъ, была тишина и прочее. Свѣтила луна. Я ходилъ по аллеѣ и думалъ о вишневомъ вареньѣ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ блѣдная, прекрасная Зиночка, хватаетъ меня за руку и, задыхаясь, начинаетъ объясняться:

— О, какъ я тебя ненавижу! Никому я не желала столько зла, какъ тебѣ! Пойми это! Мнѣ хочется, чтобы ты понялъ это!

Понимаете ли, луна, блѣдное лицо, дышащее страстью, тишина.... даже мнѣ, свиненку, стало пріятно. Слушалъ я ее, глядѣлъ на ея глаза.... Сначала мнѣ было пріятно и ново, но потомъ пробралъ страхъ, я вскрикнулъ и сломя голову побѣжалъ въ домъ.

Я рѣшилъ, что самое лучшее, это — пожаловаться maman. И я пожаловался, разсказавъ кстати и о томъ, какъ Саша цѣловался съ Зиночкой. Я былъ глупъ и не зналъ послѣдствій, иначе я оставилъ бы тайну при себѣ.... Maman,

выслушавъ меня, вспыхнула съ негодованіемъ и сказала:

— Не твое дѣло говорить объ этомъ, ты еще очень молодъ.... Но однако какой примѣръ для дѣтей!

Моя maman была не только добродѣтельна, но и тактична. Она, чтобы не поднимать скандала, выжила Зиночка не сразу, а постепенно, систематически, какъ вообще выживаютъ порядочныхъ, но нетерпимыхъ людей. Помню, когда уѣзжала отъ насъ Зиночка, то послѣдній ея взглядъ, который она бросила на домъ, былъ направленъ къ окну, гдѣ я сидѣлъ, и увѣряю васъ, я до сихъ поръ помню этотъ взглядъ.

Зиночка скоро стала женою брата. Это Зинаида Николаевна, которую вы знаете. Потомъ я встрѣтился съ нею, когда уже былъ юнкеромъ. При всемъ ея стараніи, она никакъ не могла узнать въ моемъ усатомъ постарѣвшемъ харитонѣ ненавистнаго Петю, но все-таки обошлась со мной не совсѣмъ по-родственному.... И теперь даже, не смотря на мою добродушную плѣшь, смиренное брюшко и покорный видъ, она все еще косо глядитъ на меня и чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ, когда я заѣзжаю къ брату. Очевидно, ненависть такъ же не забывается, какъ и любовь.... Чу! Я слышу, горланитъ пѣтухъ. Спокойной ночи! Милордъ, на мѣсто!

ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Въ потемкахъ.

Муха средней величины забралась въ носъ товарища прокурора, надворнаго совѣтника Гагина. Любопытство ли ее мучило, или быть-можетъ она попала туда по легкомыслію, или благодаря потемкамъ, но только носъ не вынесъ присутствія инороднаго тѣла и подалъ сигналъ къ чиханію. Гагинъ чихнулъ, чихнулъ съ чувствомъ, съ произительнымъ присвистомъ и такъ громко, что кровать вздрогнула и издала звукъ потревоженной пружины. Супруга Гагина, Марья Михайловна, крупная, полная блондинка, тоже вздрогнула и проснулась. Она поглядѣла въ потемки, вздохнула и повернулась на другой бокъ. Минутъ черезъ пять она еще разъ повернулась, закрыла плотнѣе глаза, но сонъ ужъ не возвращался къ ней. Повздыхавъ и поворочавшись съ боку на

бокъ, она приподнялась, перелѣзла черезъ мужа и, надѣвъ туфли, пошла къ окну.

На дворѣ было темно. Видны были одни только силуэты деревьевъ, да темныя крыши сараевъ. Востокъ чуть-чуть блѣднѣлъ, но и эту блѣдность собирались заволокнуть тучи. Въ воздухѣ, уснувшемъ и окутанномъ во мглу, стояла тишина. Молчалъ даже дачный сторожъ, получающій деньги за нарушеніе стукомъ ночной тишины, молчалъ и коростель—единственный дикій пернатый, не чуждающійся сосѣдства со столичными дачниками.

Тишину нарушила сама Марья Михайловна. Стоя у окна и глядя во дворъ, она вдругъ вскрикнула. Ей показалось, что отъ цвѣтника съ тощимъ, стриженнымъ тополемъ пробиралась къ дому какая-то темная фигура. Сначала она думала, что это корова, или лошадь, потомъ же, протеревъ глаза, она стала ясно различать человѣческіе контуры. За симъ ей показалось, что темная фигура подошла къ окну, выходившему изъ кухни, и постоявъ немного, очевидно въ нерѣшимости, стала одной ногою на карнизъ и.... исчезла во мракѣ окна.

— Воръ!—мелькнуло у нея въ головѣ и мертвенная блѣдность залила ея лицо.

И въ одинъ мигъ ея воображеніе нарисовало картину, которой такъ боятся дачницы: воръ лѣ-

зетъ въ кухню, изъ кухни въ столовую.... серебро въ шкафу.... далѣе спальня.... топоръ.... разбойничье лицо.... золотыя вещи.... Колѣна ея подогнулись и по спинѣ побѣжали мурашки.

— Вася!—затеребила она мужа.—Базиль! Василій Прокофьичъ! Ахъ, Боже мой, словно мертвый! Проснись, Базиль, умоляю тебя!

— Н-ну?—промычалъ товарищъ прокурора, потянувъ въ себя воздухъ и издавая жевательные звуки.

— Проснись, ради Создателя! Къ намъ въ кухню забрался воръ! Стою я у окна, гляжу, а кто-то въ окно лѣзетъ. Изъ кухни проберется въ столовую.... ложки въ шкафу! Базиль! У Мавры Егоровны въ прошломъ году также вотъ забрались.

— Ко.... кого тебѣ?

— Боже, онъ не слышитъ! Да пойми же ты, истуканъ, что я сейчасъ видѣла, какъ къ намъ въ кухню полѣзъ какой-то человѣкъ! Пелагея испугается, и.... и серебро въ шкафу!

— Чепуха!

— Базиль, это несносно! Я говорю тебѣ объ опасности, а ты спишь и мычишь? Что же ты хочешь? Хочешь, чтобъ насъ обокрали и перерѣзали?

Товарищъ прокурора медленно поднялся и сѣлъ на кровати, оглашая воздухъ зѣвками.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за народъ!— пробормоталъ онъ.—Неужели даже ночью нѣтъ покоя? Будятъ изъ-за пустяковъ! Вчера у Ваньки животъ разболѣлся, всю ночь оралъ, а нынче ты....

— Да пойми же, что къ намъ въ кухню воръ полѣзъ!

— Ну, кой чортъ полѣзетъ къ намъ? За чѣмъ?

— Но клянусь тебѣ, Базиль, что я видѣла, какъ человѣкъ лѣзъ въ окно!

— Ну, такъ что же? И пусть лѣзетъ.... Это, по всей вѣроятности, къ Пелагеѣ ея пожарный пришелъ.

— Что-о-о? Что ты сказалъ?

— Я сказалъ, что это къ Пелагеѣ пожарный пришелъ.

— Тѣмъ хуже!—вскрикнула Марья Михайловна.—Это хуже вора! Я не потерплю въ своемъ домѣ цинизма!

— Экая добродѣтель, посмотришь.... Не потерплю цинизма.... Да нешто это цинизмъ? Къ чему безъ толку заграничныя слова выпаливать? Это, матушка моя, испоконъ вѣка такъ ведется, традиціей освящено. На то онъ и пожарный, чтобъ къ кухаркамъ ходить....

— Нѣтъ, Базиль! Значитъ, ты не знаешь меня! Я не могу допустить мысли, чтобъ въ моемъ домѣ и такое.... этакое.... Изволь отпра-

виться сію минуту въ кухню и приказать ему убираться! Сію же минуту! А завтра я скажу Пелагеѣ, чтобы она не смѣла дѣлать подобные поступки! Ступай!

— Не пойду.... Не зачѣмъ....

— Базиль, ни слова! Изволь идти и сказать ему, что я тебѣ приказываю! Я честная женщина и не позволю, чтобъ въ моемъ домѣ.... Когда я умру, можете тогда допускать въ своемъ домѣ циничности, а теперь вы не смѣете. Извольте идти!

— Чоррть....—заворочался Гагинъ.—Ну, разсуди своимъ, бабьимъ, микроскопическимъ, мозгомъ, зачѣмъ я туда пойду?

— Базиль, я падаю въ обморокъ!

Гагинъ плюнулъ, надѣлъ туфли, еще разъ плюнулъ и отправился въ кухню. Было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ, и товарищу прокурора пришлось пробираться ощупью. По дорогѣ онъ нащупалъ дверь въ дѣтскую и разбудилъ няньку.

— Василиса,—сказалъ онъ,—ты брала вечеромъ мой халатъ чистить. Гдѣ онъ?

— Я его, баринъ, Пелагеѣ отдала чистить.

— Черти.... Брать берете, а на мѣсто не кладете.... Изволь теперь путешествовать безъ халата!

Войдя въ кухню, онъ направился къ тому мѣс-

ту, гдѣ на сундукѣ, подъ полкой съ кастрюлями, спала кухарка.

— Пелагея!—началъ онъ, нащупывая плечо и толкая.—Ты! Пелагея! Ну, что представляешься! Не спишь вѣдь! Кто это сейчасъ лѣзъ къ тебѣ въ окно?

— Гм.... здрасте! Въ окно лѣзъ! Кому это лѣзть? Выдумываютъ тамъ.... прости Господи!

— Да ты того.... нечего тѣнь наводить! Скажи-ка лучше своему прохвосту, чтобы онъ по добру, по здорову убирался ко всѣмъ чертямъ! Слышишь? Нечего ему тутъ дѣлать!

— Да вы въ умѣ, баринъ? Здрасте.... Дуру какую нашли.... День деньской мучаешься, бѣгаючи, покоя не знаешь, а ночью съ такими словами. За четыре рубля въ мѣсяцъ живешь... при своемъ чаѣ и сахарѣ, а акромѣ этихъ словъ другой чести ни отъ кого не видишь.... Я у купцовъ жила, да и то такого срама не видывала.

— Ну, ну.... нечего Лазаремъ пѣть! Сію же минуту, чтобъ твоего солдафона здѣсь не было! Слышишь?

— Грѣхъ вамъ, баринъ!—забормотала Пелагея и въ голосѣ ея послышались слезы.—Господа образованные.... благородные, а нѣтъ того понятія, что, можетъ, при горѣ-то нашемъ.... баловство-то это—послѣднее дѣло.... Обидѣть всякаго можно. Заступиться некому.

— Ну, ну.... мнѣ вѣдь все равно! Меня барыня сюда послала! По мнѣ хоть чорта впусти въ окно, такъ мнѣ все равно.

Товарищу прокурора оставалось только сознаться, что онъ не правъ, дѣлая этотъ допросъ, и ретироваться къ супругѣ.

— Послушай, Пелагея,—сказалъ онъ,—ты брала чистить мой халатъ.... Гдѣ онъ?

— Ахъ, баринъ, извините, забыла вамъ положить его! Онъ виситъ около печки на гвоздикѣ....

Гагинъ нащупалъ около печки халатъ, надѣлъ его и тихо поплелся въ спальню.

Марья Михайловна по уходѣ мужа легла на постель и стала ждать. Минуты три она была покойна, но затѣмъ ее начало помучивать безпокойство.

— Какъ долго онъ ходитъ однако! — думала она.—Хорошо, если тамъ тотъ.... циникъ, ну, а если.... воръ?

И воображеніе ея опять нарисовало картину: мужъ входитъ въ темную кухню.... ударъ обухомъ.... умираетъ, не издавъ ни одного звука.... лужа крови.

Прошло пять минутъ, пять съ половиной, наконецъ шесть.... На лбу ея выступилъ холодный потъ.

— Базиль!—взвизгнула она.—Базиль!

— Ну, что кричишь? Я здѣсь....—услышала она голосъ и шаги мужа.—Рѣжутъ тебя, что-ли?

Товарищъ прокурора подошелъ къ кровати и сѣлъ на край.

— Никого тамъ нѣтъ, — сказалъ онъ. — Тебѣ примерещилось, чудачка.... Ты можешь успокоиться: твоя дурища, Пелагея, такъ же добродѣтельна, какъ и ея хозяйка. Экая ты трусиха! Экая ты....

И товарищъ прокурора началъ дразнить свою жену. Онъ разгулялся и ему уже не хотѣлось спать.

— Экая трусиха! — смѣялся онъ. — Завтра же ступай къ доктору отъ галлюцинацій лѣчиться. Ты психопатка!

— Дегтемъ запахло... сказала жена.—Дегтемъ, или.... чѣмъ-то такимъ, лукомъ.... щами.

— Мда.... Что-то такое въ воздухѣ.... Спать не хочется! Вотъ что, зажгу-ка я свѣчку.... Гдѣ у насъ спички? И кстати покажу тебѣ фотографію прокурора судебной палаты. Вчера прощался съ нами и далъ всѣмъ по карточкѣ.... Съ автографомъ.

Гагинъ чиркнулъ о стѣну спичкой и зажегъ свѣчу. Но прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ шагъ отъ кровати, чтобы пойти за карточкой, сзади него раздался пронзительный, душу раздирающій крикъ. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ два большихъ женинныхъ глаза, обращенныхъ на него и полныхъ удивленія, ужаса, гнѣва....

— Ты снималъ въ кухнѣ свой халатъ?—спросила она, блѣднѣя.

— А что?

— Погляди на себя!

Товарищъ прокурора поглядѣлъ на себя и ахнулъ. На его плечахъ вмѣсто халата болталась шинель пожарнаго. Какъ она попала на его плечи? Пока онъ рѣшалъ этотъ вопросъ, жена его рисовала въ своемъ воображеніи новую картину, ужасную, невозможную: мракъ и проч....

ЛИШНІЕ ЛЮДИ.

Лишніе люди.

Седьмой часъ іюньскаго вечера. Отъ полустанка „Хилово“ къ дачному поселку плетется толпа только-что вышедшихъ изъ поѣзда дачниковъ— все больше отцы семействъ, нагруженные кульками, портфелями и женскими картонками. Видъ у всѣхъ утомленный, голодный и злой, точно не для нихъ сіяетъ солнце и зеленѣетъ трава.

Плетется, между прочимъ, и Павелъ Матвѣичъ Зайцевъ, членъ окружнаго суда, высокій сутуловатый человѣкъ въ дешевой коломенкѣ и съ кокардой на полинялой фуражкѣ. Онъ вспотѣлъ, красенъ и сумраченъ.

— Каждый день изволите на дачу выѣзжать?— обращается къ нему дачникъ въ рыжихъ панталонахъ.

— Нѣтъ, не каждый,—угрюмо отвѣчаетъ Зай-

цевъ.—Жена и сынъ живутъ тутъ постоянно, а я пріѣзжаю раза два въ недѣлю. Некогда каждый день ѣздить, да и дорого.

— Это вѣрно, что дорого,—вздыхаютъ рыжіе панталоны.—Въ городѣ до вокзала не пойдешь пѣшкомъ, извощикъ нуженъ, потомъ-съ билетъ стоитъ сорокъ двѣ копѣйки.... газетку дорогой купишь, рюмку водки по слабости выпьешь. Все это копѣечный расходъ, пустяковый, а гляди—и наберется за лѣто рублей двѣсти. Оно, конечно, лоно природы дороже стоитъ, не стану спорить-съ... идиллія и прочее, но вѣдь при нашемъ чиновницкомъ содержаніи, сами знаете, каждая копѣйка на счету. Потратишь неосторожно копѣечку, а потомъ и не спишь всю ночь.... Да-съ.... Я, милостивый государь, не имѣю чести знать вашего имени и отчества, получаю безъ малаго двѣ тысячи въ годъ-съ, состою въ чинѣ статскаго совѣтника, а курю табакъ втораго сорта и не имѣю лишняго рубля, дабы купить себѣ минеральной воды Виши, прописанной мнѣ противъ печоночныхъ камней.

— Вообще мерзко,—бормочетъ Зайцевъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я, сударь, держусь того мнѣнія, что дачную жизнь выдумали черти, да женщины. Чортомъ въ данномъ случаѣ руководила злоба, а женщиной крайнее легкомысліе. Помилуйте, это не жизнь, а каторга, адъ! Тутъ

душно, жарко, дышать тяжело, а ты мыкаешься съ мѣста на мѣсто, какъ не приказный, и никакъ не найдешь себѣ пріюта. Тамъ въ городѣ ни мебели, ни прислуги.... все на дачу увезли... питаешься чортъ знаетъ чѣмъ, не пьешь чаю, потому-что самоваръ поставить некому, не умываешься, а пріѣдешь сюда, въ это лоно природы, изволь идти пѣшкомъ по пыли, по жарѣ.... тьфу! Вы женаты?

— Да-съ.... Трое дѣтокъ,—вздыхаютъ рыжіе панталоны.

— Вообще мерзко.... Просто удивительно, какъ это еще мы живы.... Вѣрите ли, я психопатомъ сталъ!... Не вѣрите? Бываютъ минуты, когда я бѣгаю изъ угла въ уголъ по комнатѣ и пѣтухомъ пою. Развѣ это не психопатія? Вы вотъ изволите улыбаться, а мнѣ, смѣю васъ увѣрить нисколько не смѣшно.

Наконецъ, дачники доходятъ до поселка. Зайцевъ прощается съ рыжими панталонами и идетъ къ себѣ на дачу. Дома застаетъ онъ мертвую тишину. Слышно только, какъ жужжатъ комары, да молитъ изъ угла о помощи муха, попавшая на обѣдъ къ пауку. Окна занавѣшены кисейными занавѣсочками, сквозь которыя краснѣютъ блекнущіе цвѣты гераии. На деревянныхъ, не крашенныхъ стѣнахъ, около олеографій, дремлютъ мухи. Въ сѣняхъ, въ кухнѣ, въ столовой — ни души. Въ комнатѣ, которая въ одно и то же вре-

мя называется гостиной и залой, Зайцевъ застаетъ своего сына, Петю, маленькаго, шестилѣтняго мальчика. Петя сидитъ за столомъ и, громко сопя, вытянувъ губы, вырѣзываетъ ножницами изъ карты бубноваго валета.

— А, это ты, папа!—говоритъ онъ, не оборачиваясь.—Здравствуй!

— Здравствуй.... А мать гдѣ?

— Мама? Она поѣхала съ Ольгой Кирилловной на репетицію играть театръ. Послѣ завтра у нихъ будетъ представленіе. И меня возьмутъ.... А ты пойдешь?

— Гм.... Когда-же она вернется?

— Она говорила, что вернется вечеромъ.

— А гдѣ Наталья?

— Наталью взяла съ собой мама, чтобы она помогала ей одѣваться во время представленія, а Акулина пошла въ лѣсъ за грибами. Папа, отчего это, когда комары кусаются, такъ у нихъ дѣлаются животы красные?

— Не знаю.... Оттого, что они сосутъ кровь. Стало-быть, никого нѣтъ дома?

— Никого. Только я одинъ дома.

Зайцевъ садится на кресло и минуту тупо глядитъ въ окно.

— Кто же намъ подастъ обѣдать? — спрашиваетъ онъ.

— Обѣдать сегодня не варили, папа! Мама

думала, что ты сегодня не пріѣдешь, и не велѣла варить обѣдъ. Она съ Ольгой Кирилловной будетъ обѣдать на репетиціи.

— Покорнѣйше благодарю. А ты же что ѣлъ?

— Я ѣлъ молоко. Для меня купили молока на шесть копѣекъ. Папа, а зачѣмъ комары сосутъ кровь?

Зайцевъ вдругъ чувствуетъ, какъ что-то тяжелое подкатываетъ къ его печени и начинаетъ елозить по ней. Ему становится такъ досадно, обидно и горько, что онъ тяжело дышетъ и дрожитъ; ему хочется вскочить, ударить о-полъ чѣмъ-нибудь тяжелымъ и разразиться руганью, но тутъ онъ вспоминаетъ, что доктора строго запретили ему волноваться, встаетъ и, насилуя себя, начинаетъ насвистывать изъ Боккачіо.

— Папа, ты умѣешь представлять въ театрѣ?— слышитъ онъ голосъ Пети.

— Ахъ, не приставай ко мнѣ съ глупыми вопросами!—сердится Зайцевъ.—Присталъ, какъ банный листъ! Тебѣ уже шесть лѣтъ, а ты все такъ же глупъ, какъ и три года тому назадъ.... Глупый, распущенный мальчишка! Къ чему, напримѣръ, ты эти карты портишь? Какъ ты смѣешь ихъ портить?

— Эти карты не твои,—говоритъ Петя, оборачиваясь.—Мнѣ Наталья ихъ дала.

— Врешь! Врешь, дрянной мальчишка!—раз-

дражается Зайцевъ все болѣе и болѣе.—Ты всегда врешь! Высѣчь тебя нужно, свиненка этакого! Я тебѣ уши оборву!

Петя вскакиваетъ, вытягиваетъ шею и глядитъ въ упоръ на красное, гнѣвное лицо отца. Большіе глаза его сначала мигаютъ, потомъ заволакиваются влагой и лицо мальчика кривится....

— Что глядишь?—продолжаетъ Зайцевъ.—Вотъ какъ высѣку, такъ будешь ты у меня глядѣть!

— Да ты что бранишься? — визжитъ Петя, вздрагивая плечами.—Что ты ко мнѣ присталъ, дуракъ? Я никого не трогаю, не шалю, слушаюсь, а ты.... сердишься! Ну за что ты меня бранишь? Глупый!

Мальчикъ говоритъ убѣдительно и такъ горько плачетъ, что Зайцеву становится совѣстно.

— И правда, за что я къ нему придираюсь!—думаетъ онъ.—Ну, будетъ.... будетъ,—говоритъ онъ, трогая мальчика за плечо.... Виноватъ, Петюха.... прости. Ты у меня умница, славный... я тебя люблю.

Петя утираетъ рукавомъ глаза, садится со вздохомъ на прежнее мѣсто и начинаетъ вырѣзывать даму. Зайцевъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ растягивается на диванѣ и, подложивъ руки подъ голову, задумывается. Недавнія слезы мальчика смягчили его гнѣвъ и отъ печени мало-по-малу отлегло. Чувствуются только утомленіе и голодъ.

— Папа!—слышитъ Зайцевъ за дверью.—Показать тебѣ мою насѣкомую коллекцію?

— Покажи....

Петя входитъ въ кабинетъ и подаетъ отцу длинный зеленый ящичекъ. Еще не поднося къ уху, Зайцевъ слышетъ отчаянное жужжанье и царапанье лапокъ о стѣнки ящика. Поднявъ крышку, онъ видитъ множество бабочекъ, жуковъ, кузнечиковъ и мухъ, приколотыхъ ко дну ящика булавками. Всѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ бабочекъ, еще живы и шевелятся.

— А кузнечикъ все еще живъ!—удивляется Петя.—Вчера утромъ поймали его, а онъ до сихъ поръ не умеръ!

— Кто это тебя научилъ прикалывать ихъ?—спрашиваетъ Зайцевъ.

— Ольга Кирилловна....

— Самое бы Ольгу Кирилловну приколоть такъ! —срывается у Зайцева съ языка.—Унеси отсюда! Стыдно мучить животныхъ! Боже, какъ онъ мерзко воспитывается,—думаетъ онъ по уходѣ Пети.—Пропадаетъ мальчишка!

Павелъ Матвѣичъ забылъ про утомленіе и голодъ и думаетъ уже о судьбѣ своего мальчика. За окнами между тѣмъ дневной свѣтъ мало-помалу тускнетъ и переходитъ въ сумерки.... Слышно, какъ дачники компаніями возвращаются съ вечерняго купанья. Подъ звуки хлопающихъ би-

чей съ блеяньемъ и мычаньемъ проходитъ стадо. Кто-то останавливается около открытаго окна столовой и кричитъ: „Грибковъ не желаете ли?"—кричитъ и, не получивъ отвѣта, шлепаетъ босыми ногами дальше.... Но вотъ, когда сумерки сгущаются до того, что герань за кисейной занавѣской теряетъ свои очертанія, и въ окно начинаетъ потягивать свѣжестью вечера, дверь въ сѣняхъ съ шумомъ открывается и слышатся быстрые шаги, говоръ, смѣхъ....

— Мама!—взвизгиваетъ Петя.

Зайцевъ выглядываетъ изъ кабинета и видитъ свою жену Надежду Степановну, здоровую, розовую, какъ всегда.... Съ нею Ольга Кирилловна, сухая блондинка съ крупными веснушками, и двое какихъ-то незнакомыхъ ему мущинъ: одинъ молодой, длинный, съ рыжей, курчавой головой и съ большимъ кадыкомъ, другой—низенькій, коренастый съ бритой актерской физіономіей и сизымъ, кривымъ подбородкомъ.

— Наталья, ставь самоваръ!—кричитъ Надежда Степановна, громко шурша платьемъ.—Говорятъ, Павелъ Матвѣичъ пріѣхалъ? Павелъ, гдѣ ты? Здравствуй, Павелъ!—говоритъ она, вбѣгая въ кабинетъ и тяжело дыша.—Ты пріѣхалъ? Очень рада.... Со мной пріѣхали двое нашихъ любителей.... пойдемъ, я тебя представлю.... Вотъ тотъ, что подлиннѣй, это Коромысловъ.... прекрасно

поетъ, а другой, этотъ маленькій... нѣкій Смеркаловъ, настоящій актеръ.... читаетъ великолѣпно. Уфъ, утомилась! Сейчасъ у насъ репетиція была.... Великолѣпно идетъ! Мы ставимъ „Скандалъ въ благородномъ семействѣ“ и „Мотю“.... Послѣ завтра спектакль....

— Зачѣмъ ты ихъ привезла? — спрашиваетъ Зайцевъ.

— Необходимо, папочка! Послѣ чая намъ нужно роли повторить и пропѣть кое-что.... Я съ Коромысловымъ дуэтъ буду пѣть.... Да, какъ бы не забыть! Пошли, голубчикъ, Наталью взять сардинъ, водки, сыру и еще чего-нибудь. Они, вѣроятно и ужинать будутъ.... Охъ, устала!

— Гм.... У меня денегъ нѣтъ!

— Нельзя же, папочка! Не ловко! Не заставляй меня краснѣть!

Черезъ полчаса Наталья посылается за водкой и закуской; Зайцевъ, напившись чаю и съѣвши цѣлый французскій хлѣбъ, уходитъ въ спальную и ложится на постель, а Надежда Степановна и ея гости, шумя и смѣясь, приступаютъ къ повторенію ролей. Павелъ Матвѣичъ долго слышитъ гнусавое чтеніе Коромыслова и актерскіе возгласы Смеркалова.... За чтеніемъ слѣдуетъ длинный разговоръ, прерываемый визгливымъ смѣхомъ Ольги Кирилловны. Смеркаловъ, на правахъ настоящаго актера, съ апломбомъ и съ жаромъ объясняетъ роли....

— Словно какъ будто бы онъ у насъ судился....—думаетъ Зайцевъ.—Впрочемъ, чортъ его знаетъ! Знакомая рожа.

Далѣе слѣдуетъ дуэтъ, а за дуэтомъ звяканье посуды.... Зайцевъ сквозь сонъ слышитъ, какъ уговариваютъ Смеркалова прочесть „Грѣшницу“ и какъ тотъ, поломавшись, начинаетъ декламировать.... Онъ шипитъ, бьетъ себя по груди, плачетъ, хохочетъ хриплымъ басомъ.... Зайцевъ морщится и прячетъ голову подъ одѣяло.

— Вамъ идти далеко, и темно,—слышитъ онъ часъ спустя голосъ Надежды Степановны....—Почему вамъ не остаться у насъ ночевать? Коромысловъ ляжетъ здѣсь въ гостиной на диванѣ, а вы, Смеркаловъ, на Петиной кровати.... Петю можно въ кабинетѣ мужа положить.... Право, оставайтесь!

Наконецъ, когда часы бьютъ два, все смолкаетъ.... Отворяется въ спальной дверь и показывается Надежда Степановна....

— Павелъ, ты спишь?—шепчетъ она.

— Нѣтъ, а что?

— Поди, голубчикъ, къ себѣ въ кабинетъ, лягъ на диванѣ, а тутъ на твоей кровати я Ольгу Кирилловну положу.... Поди, милый! Я бы ее въ кабинетѣ положила, да она боится спать одной.... Вставай же!

Зайцевъ съ сопѣньемъ поднимается, накидыва-

етъ на себя халатъ и, взявши подушку, плетется въ кабинетъ.... Дойдя ощупью до своего дивана, онъ зажигаетъ спичку и наталкивается на сюрпризъ: на диванѣ лежитъ Петя. Мальчикъ не спитъ и большими глазами глядитъ на спичку.

— Папа, отчего это комары не спятъ ночью?— спрашиваетъ онъ....

— Оттого.... оттого,—бормочетъ Зайцевъ, — что мы здѣсь съ тобой лишніе.... Чортъ знаетъ, даже спать негдѣ! Жизнь анаѳемская!

— Папа, а отчего это на лицѣ у Ольги Кирилловны веснушки?

— Ахъ, отстань! Надоѣлъ!

Подумавъ немного, Зайцевъ одѣвается и выходитъ на улицу освѣжиться.... Онъ глядитъ на сѣрое, утреннее небо, на неподвижныя облака, слушаетъ лѣнивый крикъ соннаго коростеля и начинаетъ мечтать о завтрашнемъ днѣ, когда онъ, поѣхавъ въ городъ и вернувшись изъ суда, завалится спать....

Вдругъ изъ-за угла показывается человѣческая фигура.

— Сторожъ, должно-быть....—думаетъ Зайцевъ.

Но, вглядѣвшись и подойдя поближе, онъ узнаетъ въ фигурѣ дачника въ рыжихъ панталонахъ.

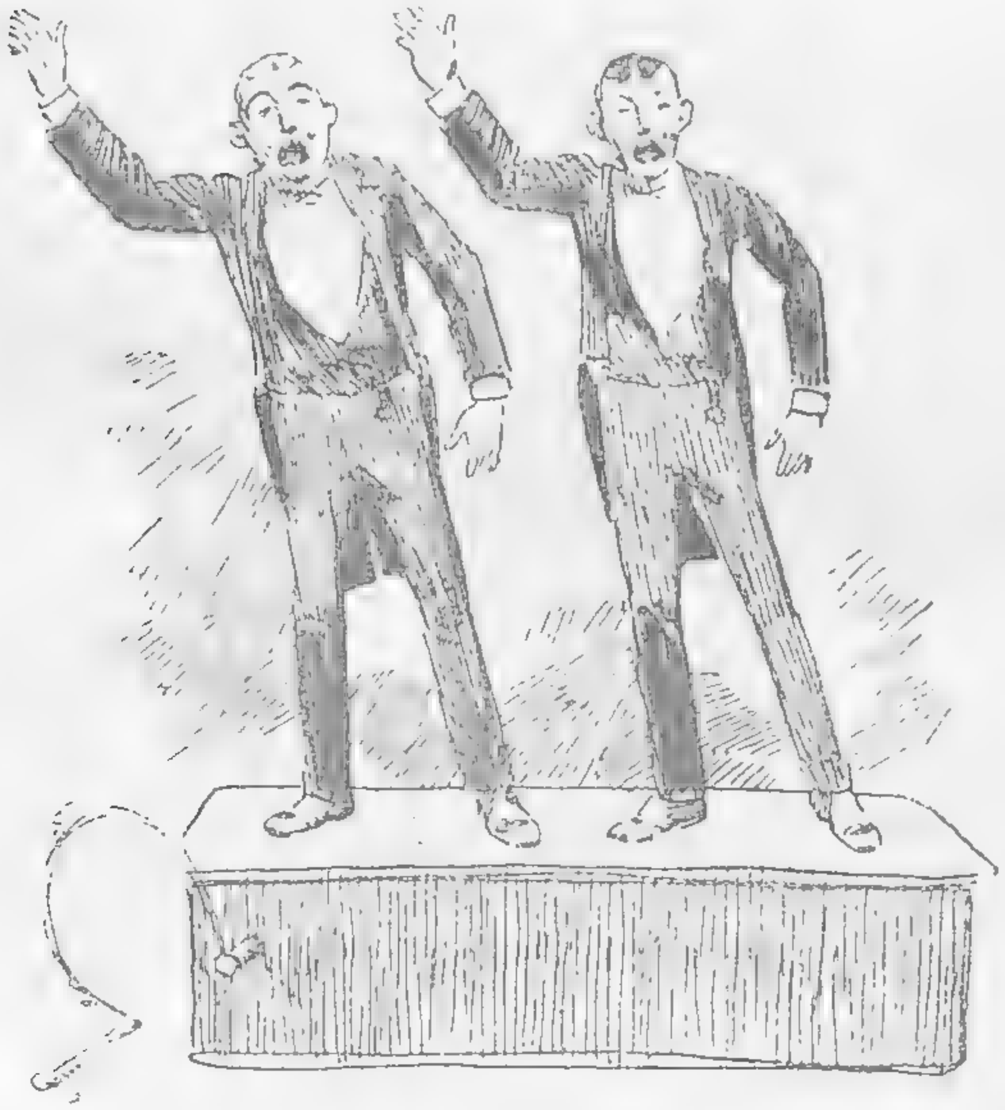
— Вы не спите?—спрашиваетъ онъ.

— Да, не спится что-то....—вздыхаютъ рыжіе

панталоны.... Природой наслаждаюсь.... Ко мнѣ, знаете ли, пріѣхала съ ночнымъ поѣздомъ дорогая гостья.... мамаша моей жены. Съ нею прибыли три мои племянницы.... прекрасныя дѣвушки. Весьма радъ, хотя и.... очень сыро! А вы тоже изволите природой наслаждаться?

— Да,—мычитъ—Зайцевъ, и я тоже природой... Не знаете ли, нѣтъ ли тутъ гдѣ-нибудь по близости какого-нибудь кабака или трактирчика?

Рыжіе панталоны поднимаютъ глаза къ небу и глубокомысленно задумываются....



НАХЛѢБНИКИ.

Нахлѣбники.

Мѣщанинъ Михайло Петровъ Зотовъ, старикъ лѣтъ семидесяти, дряхлый и одинокій, какъ луна на небѣ, проснулся отъ холода и старческой ломоты во всѣмъ тѣлѣ. Въ комнатѣ было темно, но лампадка передъ образомъ уже не горѣла. Зотовъ приподнялъ занавѣску и поглядѣлъ въ окно. Облака, облегавшія небо, начинали уже подергиваться бѣлизной и воздухъ становился прозрачнымъ —стало-быть, былъ пятый часъ, не больше.

Скучно, читатель, просыпаться въ одинокой, болѣзненной старости, когда плохо спится, болитъ все тѣло, а душа чувствуетъ осенній холодъ!

Зотовъ покрякалъ, покашлялъ и, пожимаясь отъ холода, всталъ съ постели. По давнишней, застарѣлой привычкѣ онъ долго стоялъ пе-

редъ образомъ и молился. Прочелъ онъ Отче нашъ, Богородицу, Вѣрую и помянулъ длинный рядъ именъ. Кому принадлежатъ эти имена, онъ давно уже забылъ и поминалъ только по привычкѣ.... По той же привычкѣ онъ подмелъ комнату и сѣни и поставилъ свой толстенькій, четырехногій самоварчикъ изъ красной мѣди. Не будь у Зотова привычекъ, онъ не зналъ бы, чѣмъ наполнять свою старость.

Поставленный самоварчикъ медленно разгорался и вдругъ неожиданно загудѣлъ дрожащимъ басомъ.

— Ну, загудѣлъ! — проворчалъ Зотовъ.—Гуди на свою голову!

Тутъ же кстати старикъ вспомнилъ, что въ истекшую ночь ему снилась печь, а видѣть во снѣ печь означаетъ печаль.

Сны и примѣты составляли единственное, что еще могло возбуждать его къ мозговой дѣятельности. И на этотъ разъ онъ съ особенною любовью погрузился въ рѣшеніе вопросовъ: къ чему гудитъ самоваръ? какую печаль пророчитъ печь? Сонъ на первыхъ же порахъ оказался въ руку: когда Зотовъ выполоскалъ чайникъ и захотѣлъ заварить чай, то у него въ коробочкѣ не нашлось ни одной чаинки. Это озлило его и раздражило. Онъ сталъ брюзжать.

— Жизнь каторжная! — ворчалъ онъ, пере-

катывая языкомъ во рту крохи чернаго хлѣба. Экая доля собачья! Чаю нѣту! Добро бы, простой мужикъ былъ, а то вѣдь мѣщанинъ, домовладѣлецъ! Срамота!

Ворча и разговаривая съ самимъ собой, Зотовъ надѣлъ колоколообразное, похожее на кринолинъ, пальто, сунулъ ноги въ громадныя неуклюжія калоши (сшитыя сапожникомъ Прохорычемъ въ 1867 году) и вышелъ на дворъ. Воздухъ былъ сѣръ, холоденъ и угрюмо-покоенъ. Большой дворъ, кудрявый отъ репейника и усыпанный желтыми листьями, слегка серебрился осеннею изморозью. Ни вѣтра, ни звуковъ. Старикъ сѣлъ на ступени своего покосившагося крылечка и тотчасъ же произошло то, что происходитъ аккуратно каждое утро: къ нему подошла его собака Лыска, большой дворовый песъ, бѣлый съ черными пятнами, облѣзлый, полудохлый, съ закрытымъ правымъ глазомъ. Подходила Лыска робко, трусливо изгибаясь, точно ея лапы касались не земли, а раскаленной плиты, и все ея дряхлое тѣло выражало крайнюю забитость. Зотовъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нее вниманія, но когда она, слабо шевеля хвостомъ и попрежнему изгибаясь, лизнула его калошу, онъ сердито заворочался и топнулъ ногой.

— Пшла, чтобъ ты издохла!—крикнулъ онъ.—Про-кля-тая-я!

Лыска отошла въ сторону, сѣла и уставилась своимъ единственнымъ глазомъ на хозяина.

— Черти шелудивые!—продолжалъ Зотовъ.— Васъ еще недоставало, продовъ, на мою голову.

И онъ съ ненавистью поглядѣлъ на свой сарай съ кривой, поросшей крышей; тамъ изъ двери сарайчика глядѣла на него большая лошадиная голова. Вѣроятно, польщенная вниманіемъ хозяина, голова задвигалась, подалась впередъ и изъ сарая показалась цѣлая лошадь, такая же дряхлая, какъ и Лыска, такая же робкая и забитая, тонконогая, сѣдая, съ втянутымъ животомъ и костистой спиною. Она вышла изъ сарая и въ нерѣшительности остановилась, точно сконфузилась.

— Провала на васъ нѣтъ....—продолжалъ Зотовъ.—Не сгинули вы еще съ глазъ моихъ, анафемы, фараоны каторжные.... Чай, кушать желаете! — усмѣхнулся онъ, кривя свое злое лицо презрительной улыбкой. Извольте, сію минуту! Для такого стоющаго рысака овса самолучшаго, сколько угодно! Кушайте! Сію минуту! И великолѣпную, дорогую собаку есть чѣмъ покормить! Ежели такая дорогая собака, какъ вы, хлѣба не желаете, то говядинки можно.

Зотовъ ворчалъ съ полчаса, раздражаясь все больше и больше; подъ конецъ онъ, не вы-

носяя накипѣвшей въ немъ злобы, вскочилъ, затопалъ калошами и забрюзжалъ на весь дворъ:

— Не обязанъ я кормить васъ, дармоѣды! Я не милліонщикъ какой, чтобъ вы меня объѣдали и опивали! Мнѣ самому ѣсть нечего, одры поганые, чтобъ васъ холера стрескала! Ни радости мнѣ отъ васъ, ни корысти, а одно только горе и разоренье! Почему вы не околѣваете? Что вы за такія персоны, что васъ даже и смерть не беретъ? Живите, чортъ съ вами, но не желаю васъ кормить! Довольно съ меня! Не желаю!

Зотовъ возмущался, негодовалъ, а лошадь и собака слушали. Понимали ли эти два нахлѣбника, что ихъ попрекаютъ кускомъ хлѣба, не знаю, но животы ихъ еще болѣе втянулись и фигуры съежились, потускнѣли и стали забитѣе.... Ихъ смиренный видъ еще болѣе раздражалъ Зотова.

— Вонъ!—закричалъ онъ, охваченный какимъ-то вдохновеніемъ.—Вонъ изъ моего дома! Чтобъ и глаза мои васъ не видѣли! Не обязанъ я у себя во дворѣ всякую дрянь держать! Вонъ!

Старикъ засѣменилъ къ воротамъ, отворилъ ихъ и, поднявъ съ земли палку, сталъ выгонять со двора своихъ нахлѣбниковъ. Лошадь мотнула головой, задвигала лопатками и захромала въ ворота. Собака за ней. Обѣ вышли на улицу и, пройдя шаговъ двадцать, остановились у забора.

— Я васъ!—погрозилъ имъ Зотовъ.

Выгнавъ нахлѣбниковъ, онъ успокоился и началъ мести дворъ. Изрѣдка онъ выглядывалъ на улицу: лошадь и собака, какъ вкопанныя, стояли у забора и уныло глядѣли на ворота.

— Поживите-ка безъ меня!—ворчалъ старикъ, чувствуя, какъ у него отъ сердца отлегаетъ злоба.—Пущай-ка кто другой поглядитъ теперь за вами! Я и скупой, и злой.... со мной скверно жить, такъ поживите съ другимъ.... Да....

Насладившись пришибленнымъ и угнетеннымъ видомъ нахлѣбниковъ, поломавшись и до-сыта наворчавшись, Зотовъ вышелъ за ворота и, придавъ своему лицу возможно свирѣпое выраженіе, крикнулъ:

— Ну, чего стоите? Кого ждете? Стали поперекъ дороги и мѣшаютъ публикѣ ходить! Пошли во дворъ!

Лошадь и собака, давно уже изучившія интонацію своего хозяина, понурили головы и съ видомъ виноватыхъ направились къ воротамъ. Лыска, вѣроятно, чувствуя, что она не заслуживаетъ прощенія, жалобно завизжала.

— Жить живите, а ужъ насчетъ корму—накося, выкуси!—говорилъ Зотовъ, впуская ихъ.— Хоть околѣвайте, мнѣ плевать.

Между тѣмъ, сквозь утреннюю мглу стало пробираться солнце; его косые лучи заскользили по осенней изморози. Послышались голоса и шаги.

Зотовъ поставилъ на мѣсто метлу и пошелъ со двора къ своему куму и сосѣду Марку Иванычу, торговавшему въ бакалейной лавочкѣ. Придя къ куму, онъ сѣлъ на складной стулъ, степенно вздохнулъ, погладилъ бороду и заговорилъ о погодѣ. Съ погоды кумовья перешли на новаго дьякона, съ дьякона на пѣвчихъ и бесѣда затянулась. Не замѣтно было за разговоромъ, какъ шло время, а когда мальчишка-лавочникъ притащилъ большой чайникъ съ кипяткомъ и кумовья принялись пить чай, то время полетѣло быстро, какъ птица. Зотовъ согрѣлся и повеселѣлъ.

— А у меня къ тебѣ просьба, Маркъ Иванычъ,—началъ онъ послѣ шестаго стакана, стуча пальцами по прилавку. — Ужъ ты тово.... будь милостивъ, дай и сегодня мнѣ осьмушку овса.

Изъ-за большаго чайнаго ящика, за которымъ сидѣлъ Маркъ Иванычъ, послышался глубокій вздохъ.

— Дай, сдѣлай милость,—продолжалъ Зотовъ. —Чаю, ужъ такъ и быть, не давай нынче, а овса дай.... Конфузно просить, одолѣлъ ужъ я тебя своей бѣдностью, но.... лошадь голодная.

— Дать-то можно,—вздохнулъ кумъ.—Отчего не дать? Но на кой лѣшій, скажи на милость, ты этихъ одровъ держишь? Добро бы лошадь путевая была, а то—тьфу! глядѣть совѣстно.... А собака—чистый шкилетъ! На кой чортъ ты ихъ кормишь?

— Куда же мнѣ ихъ дѣвать?

— Извѣстно куда. Сведи ихъ къ Игнату на живодерню, вотъ и вся музыка. Давно пора имъ тамъ быть. Настоящее мѣсто.

— Такъ-то оно такъ!...—почесался Зотовъ.— Оно пожалуй....

— Живешь Христа-ради, а скотовъ держишь,— продолжалъ кумъ.—Мнѣ овса не жалко.... Богъ съ тобой, но ужъ больно, братъ, того... начетисто каждый день давать. Конца-краю нѣтъ твоей бѣдности! Даешь, даешь и не знаешь, когда всему этому конецъ придетъ.

Кумъ вздохнулъ и погладилъ себя по красному лицу.

— Помиралъ бы ты, что-ли!—сказалъ онъ.— Живешь и самъ не знаешь для чего.... Да ей-Богу! А то, коли Господь смерти не даетъ, шелъ бы ты куда ни на есть въ богадѣльню или страннопріютный домъ.

— Зачѣмъ? У меня родня есть.... У меня внучка....

И Зотовъ началъ длинно разсказывать о томъ, что гдѣ-то на хуторѣ живетъ внучка Глаша, дочь племянницы Катерины.

— Обязана меня кормить!—сказалъ онъ.—Ей мой домъ останется, пущай же меня и кормитъ! Возьму и пойду къ ней. Это, стало-быть, понимаешь, Глаша.... Катина дочка, а Катя, пони-

маешь, брата моего Пантелея падчерица.... понялъ? Ей домъ достанется.... Пущай меня кормитъ!

— А что жъ? Чѣмъ такъ, Христа-ради жить, давно бы пошелъ къ ней!

— И пойду! Накажи меня Богъ, пойду. Обязана!

Когда часъ спустя кумовья выпили по рюмочкѣ, Зотовъ стоялъ посреди лавки и говорилъ съ воодушевленіемъ:

— Я давно къ ней собираюсь! Сегодня же пойду!

— Оно конечно! Чѣмъ такъ шалтай-балтай ходить и съ голоду околѣвать, давно бы на хутора пошелъ!

— Сейчасъ пойду! Приду и скажу: бери себѣ мой домъ, а меня корми и почитай! Обязана! Коли не желаешь, такъ нѣтъ тебѣ ни дома, ни моего благословенія! Прощай, Иванычъ!

Зотовъ выпилъ еще рюмку и вдохновленный новой идеей поспѣшилъ къ себѣ домой.... Отъ водки его развезло, голова кружилась, но онъ не легъ, а собралъ въ узелъ всю свою одежу, помолился, взялъ палку и вышелъ со двора. Безъ оглядки, бормоча и стуча о камни палкой, онъ прошелъ свою улицу и очутился въ полѣ. До хутора было верстъ 10—12. Онъ шелъ по сухой дорогѣ, глядѣлъ на городское стадо, лѣниво же-

вавшее желтую траву, и думалъ о рѣзкомъ переворотѣ въ своей жизни, который онъ только-что такъ рѣшительно совершилъ. Думалъ онъ и о своихъ нахлѣбникахъ. Уходя изъ дому, онъ воротъ не заперъ и такимъ образомъ далъ имъ волю идти куда угодно.

Не прошелъ онъ по полю и версты, какъ позади послышались шаги. Онъ оглянулся и сердито всплеснулъ руками: за нимъ, понуривъ головы и поджавъ хвосты, тихо шагали лошадь и Лыска.

— Пошли назадъ!—махнулъ онъ имъ.

Тѣ остановились, переглянулись, поглядѣли на него. Онъ пошелъ дальше, они за нимъ. Тогда онъ остановился и сталъ размышлять. Къ полузнакомой внучкѣ Глашѣ идти съ этими тварями было невозможно, ворочаться назадъ и запереть ихъ не хотѣлось, да и нельзя запереть, потому-что ворота никуда не годятся.

— Въ сараѣ издохнутъ, — ду́малъ Зотовъ. — Нѣшто и впрямь къ Игнату?

Изба Игната стояла на выгонѣ, въ шагахъ ста отъ шлагбаума. Зотовъ, еще не рѣшившій окончательно и не зная, что дѣлать, направился къ ней. У него кружилась голова, подгибались ноги и темнѣло въ глазахъ.

Мало онъ помнитъ изъ того, что произошло во дворѣ живодера Игната. Ему помнится про-

тивный, тяжелый запахъ кожи, вкусный паръ щей, которыя хлѣбалъ Игнатъ, когда онъ вошелъ къ нему. Точно во снѣ онъ видѣлъ, какъ Игнатъ, заставивъ его прождать часа два, долго приготовлялъ что-то, переодѣвался, говорилъ съ какой-то бабой о сулемѣ; помнится, что лошадь была поставлена въ станокъ, послѣ чего послышались два глухихъ удара: одинъ по черепу, другой отъ паденія большаго тѣла. Когда Лыска, видя смерть своего друга, съ визгомъ набросилась на Игната, то послышался еще третій ударъ, рѣзко оборвавшій визгъ. Далѣе Зотовъ помнитъ, что онъ, сдуру и спьяна, увидѣвъ два трупа, подошелъ къ станку и подставилъ свой собственный лобъ.

Потомъ до самаго вечера его глаза заволакивало мутной пеленой и онъ не могъ разглядѣть даже своихъ пальцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Скорая помощь	5
Битая знаменитость	17
Ночь передъ судомъ	29
Дорогая собака	41
Житейскія невзгоды	49
Страшная ночь	57
Счастливчикъ	73
Беззаконіе	85
Драма	97
Произведеніе искусства	109
Это была она	119
Тссъ	129
Месть	137
На чужбинѣ	147
Одинъ изъ многихъ	157
Нервы	171

Злоумышленники 181
Зиночка 191
Въ потемкахъ 205
Лишніе люди 217
Нахлѣбники 231